ISSN 2310-5453
ISSN Online 2587-5639

СВФУ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АРКТИКА XXI ВЕК.

Гуманитарные науки. 3 (29)' 2022

АРКТИКА XXI ВЕК. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
ARCTIC XXI CENTURY. HUMANITARIAN SCIENCES

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2013 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Цель научного журнала «Арктика XXI век. Гуманитарные науки» – освещение актуальных проблем и достижений отечественной и зарубежной науки в области изучения, освоения и обеспечения устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации и Арктики в целом.
Задачи журнала состоят в:
– привлечении внимания научной общественности к наиболее актуальным и перспективным направлениям научных исследований по арктической проблематике;
– сохранении и развитии языков, фольклора и литературы коренных малочисленных народов Севера;
– развитии имиджа Арктики и Севера в России и за ее пределами.
Целевая аудитория: магистранты, аспиранты, сотрудники высших учебных заведений, научно-исследовательских организаций, специалисты в области арктических исследований.

№ 3 (29) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
Заместитель главного редактора: *Д. Д. Максимова*, к. полит. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Члены редакционной коллегии:
Гунхильд Гйорв Хугенсен, профессор политологии и международных отношений, Арктический университет Тромсё, Норвегия;
Г. Поэлзер, PhD, профессор, Университет Саскачевана, Канада;
Д. Фергюссон, Университет Аризоны, США;
Г. Фондал, Университет Северной Британской Колумбии, Канада;
А. А. Петров, д. филол. н., профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Россия;
С. И. Боякова, д. ист. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Россия;
Е. Н. Романова, д. ист. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Россия;
В. Г. Белолюбская, к. филол. н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
А. А. Винокурова, к. филол. н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
Л. С. Заморщикова, к. филол. н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
Т. С. Иванова, д. ю. н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
О. А. Мельничук, д. филол. н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
В. В. Михайлова, к. филос. н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия;
Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58
Адрес редакции: 677027, ул. Петровского, д. 5. Тел./факс:+7 (4112) 40-38-75
Северо-Восточный федеральный университет
https://arkhumsci.elpub.ru/jour/index
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2022

ARCTIC XXI CENTURY. HUMANITARIAN SCIENCES
Academic periodical
Published since 2013
The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M. K. Ammosov North-Eastern Federal University».
The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI).
The purpose of the scientific journal «Arctic XXI century. Humanitarian sciences» – coverage of current problems and achievements of domestic and foreign science in the study, development and sustainability of the Arctic zone of the Russian Federation and the Arctic as a whole.
The tasks of the journal are:
– attracting the attention of the scientific community to the most relevant and promising areas of scientific research on Arctic issues;
– preservation and development of languages, folklore and literature of the indigenous small-numbered peoples of the North;
– development of the image of the Arctic and the North in Russia and abroad.
The target audience of the journal are masters' and postgraduate students, employees of universities and scientific institutions, academic researchers, data analysts, experts in the field of Arctic research.

3 (29) 2022

EDITORIAL BOARD

Head editor: *A. B. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
Deputy chief editor: *D. D. Maximova*, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
Executive editor: *M. V. Kulichkina*, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Members of the editorial board:
G. H. Gunhild, Professor of Political Science and International Relations, Arctic University of Tromsø, Norway; *G. Poelzer*, PhD, professor, University of Saskatchewan, Canada; *J. Ferguson*, the University of Arizona, USA; *G. Fondahl*, PhD, professor, University of Northern British Columbia, Canada; *A. A. Petrov*, Doctor of Philology, professor, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia; *S. I. Boyakova*, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia; *E. N. Romanova*, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia; *V. G. Belolyubskaya*, Candidate of Philology, Associate Professor, professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. A. Vinokurova*, Candidate of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *L. S. Zamorshchikova*, Candidate of Philology, professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *T. S. Ivanova*, Doctor of Law, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *O. A. Melnichuk*, Doctor of Philology, professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *V. V. Mikhailova*, Candidate of Philosophy, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *Yu. G. Khazankovich*, Doctor of Philology, professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000
Editorial office address: NEFU, 5 Petrovsky str., Yakutsk, Russia, 677027
Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75
https://arkhumsci.elpub.ru/jour/index
Registration certificate PI No. ФС77-54131 dated May 17, 2013

© North-Eastern Federal University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

Иванова Т. С. Экологическая политика добывающих компаний Арктики 5

Оглезнева Т. Н. Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО 22

ЭКОНОМИКА

Ноева Е. Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития 35

ФИЛОЛОГИЯ

Бердникова Т. А., Николаева А. Г. Фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре Якутии 60

Никаева Т. М., Егорова Д. С. Место зоо- и фитоойконимов в топонимической системе Республики Саха (Якутия) 83

Ощепкова А. И., Слепцова В. Н. Сенсорный образ Севера в «Колымских тетрадях» В. Шаламова 102

ИСТОРИЯ

Акимова В. С., Васильев Н. И. К некоторым вопросам организации перевозки казенных грузов в Якутской области в XVIII – I четверти XIX вв. 114

Захаров А. А., Яковлев Я. И. Реконструкция правил традиционного вида борьбы Саха 129

CONTENT

LAW

Ivanova T. S. Environmental Policy of Mining Companies in the Arctic 5

Oglezneva T. N. Dudicial practices of life of the peoples of the North-East of Asia in the studies of the IRGS 22

ECONOMY

Noeva E. E. Arctic tourism: international and national aspects, problems and features of development 35

PHILOLOGY

Berdnikova T. A., Nikolaeva A. G. Phraseosemantic fields in the Nizhneindigirsky old-timer dialect of Yakutia 60

Nikaeva T. M., Egorova D. S. The place of zoo- and phytooikonyms in the toponymical system of the Republic of Sakha (Yakutia) 83

Oshchepkova A. I., Sleptsova V. N. Sensory image of the North in the «Kolyma Notebooks» by V. Shalamov 102

HISTORY

Akimova V. S., Vasiliev N. I. On some issues of the organization of the transportation of state-owned goods in the Yakut region in the 18th – 1 quarter of 19th centuries 114

Zakharov A. A., Yakovlev Y. I. Reconstruction of the rules of the traditional wrestling of the Sakha 129

ПРАВО

УДК 349.6; 334.025; 550.9; 659.3
DOI 10.25587/SVFU.2022.30.74.001

Т. С. Иванова
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: ivanovats@mail.ru

Экологическая политика добывающих компаний Арктики

Аннотация. В статье речь идет об экологической политике крупных добывающих компаний, осуществляющих деятельность в российской Арктике. Внедрение обязательных требований по представлению экологической отчетности напрямую связано с корпоративной социальной ответственностью, с которой не могут не считаться добывающие компании, просчитывающие риски, связанные с негативным воздействием промышленности на окружающую среду и учетом интересов заинтересованных сторон в Арктике. Несогласованность норм законодательства о недрах с нормами земельного, водного, лесного и фаунистического законодательства, а также с нормами законодательства в области обеспечения экологической безопасности, противоречивая правоприменительная практика делают тему настоящей статьи актуальной и востребованной. Необходима разработка единой концепции охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности при пользовании недрами на государственном уровне, предусматривающей оптимальное сочетание социальных, экономических и экологических интересов. В данной статье на основе принятых стратегических документов и сложившейся практики в России и мире, речь пойдет об учете экологического фактора при освоении месторождений в Арктике, заключении соглашений с резидентами Арктической зоны, о применении стандарта ответственности недропользователями. Вместе с тем в настоящее время для большинства добывающих компаний России представление социальных, экологических отчетов и отчетов об устойчивом развитии, информации о стратегии компании в области этического ведения бизнеса с учетом мнения заинтересованных сторон законом не предусмотрено.

Ключевые слова: добывающие компании, Арктика, устойчивое развитие, ESG-факторы, публичная нефинансовая отчетность, корпоративная социальная ответственность, управление экологическими рисками, национальный стандарт, экологическая политика, рейтинги открытости, заинтересованные стороны, стандарт ответственности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 21-510-22001 «Государственное регулирование недропользования и охраны окружающей среды во Франции и в арктической зоне Российской Федерации: сравнительное исследование, методология и практика», проводимым совместно РФФИ и Фондом «Дом наук о человеке» Франции.

Для цитирования: Иванова Т. С. Экологическая политика добывающих компаний Арктики // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 5–21.

T. S. Ivanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: ivanovats@mail.ru

Environmental Policy of Mining Companies in the Arctic

Abstract. The article deals with the environmental policies of large mining companies operating in the Russian Arctic. The introduction of mandatory requirements for the submission of environmental reporting is directly related to corporate social responsibility, which cannot be ignored by mining companies that calculate the risks associated with the negative impact of industry on the environment and take into account the interests of stakeholders in the Arctic. Inconsistency of the norms and legislation on subsoil with the norms of land, water, forest and faunistic legislation, as well as with the environmental safety norms, contradictory law enforcement practice make the topic of this article relevant and needed. It is necessary to develop a unified concept of environmental protection and environmental safety on the use of subsoil at the state level, which would provide for an optimal combination of social, economic and environmental interests. In this article, based on the adopted strategic documents and established practice in Russia and the world, we will talk about taking into account the environmental factor in the development of deposits in the Arctic, concluding agreements with residents of the Arctic

zone, and applying the liability standard by subsoil users. At the same time, at present, for the majority of mining companies in Russia, the submission of social, environmental and sustainable development reports, information on the company's strategy in the field of ethical business conduct, taking into account the opinions of stakeholders, is not provided for by law.
Keywords: mining companies, the Arctic, sustainable development, ESG factors, public non-financial reporting, corporate social responsibility, environmental risk management, national standard, environmental policy, openness ratings, stakeholders, responsibility standard.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in accordance with research project No. 21-510-22001 «State regulation of subsoil use and environmental protection in France and in the Arctic zone of the Russian Federation: a comparative study, methodology and practice», conducted jointly RFBR and the House of Human Sciences Foundation of France.

For citation: Ivanova T. S. Environmental Policy of Mining Companies in the Arctic // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 5–21. (In Russ.)

Введение

Сегодня российские добывающие компании сталкиваются с тем, что им необходимо представлять открытую информацию о своей деятельности, значении и влиянии той или иной компании на экономику региона, окружающую среду, взаимоотношениях с местным населением и властями. Особенно это становится актуальным для российской Арктики, где в последнее время наблюдается активная деятельность по освоению недр [24].

Прежде всего, партнерам компаний, публичной власти и местному сообществу интересно, какая политика проводится в области охраны окружающей среды, связанная с устойчивым развитием компании, ее влиянием на природные компоненты [28]. Крупные компании с государственным участием, госкорпорации с начала 2000-х гг. ежегодно публикуют на своих сайтах социальные, экологические отчеты и отчеты об устойчивом развитии. Нефинансовые показатели, отражаемые в этих отчетах, характеризуют компанию по трем направлениям, которые именуются ESG-факторы (экологические, социальные и управление). Это сведения о стратегии компании в области этического ведения бизнеса с учетом интересов всех сторон, в отношения с которыми они вступают

– контрагенты, органы государственной власти и местного самоуправления, местное сообщество. Как правило, отчеты содержат показатели эффективности корпоративного управления, безопасности производства и охраны труда, качества продукции и услуг, вклада в охрану окружающей среды, информацию о социальной политике и поддержке местных сообществ, в том числе коренных малочисленных народов Севера.

Эти факторы выступают как критерии отбора компаний в целях инвестирования их деятельности. При этом инвестиционное сообщество все больше обращает внимание на вопросы долгосрочной устойчивости добывающих компаний, политику управления социальными и экологическими рисками, т. е. вопросы их устойчивого развития в будущем.

Таким образом, тема устойчивого развития стала актуальной не только в мире, но и для российской горнодобывающей промышленности [21, 22, 23]. Об этом свидетельствуют решения государственных органов и требования финансовых институтов, в том числе мировых фондовых бирж. Экономическая эффективность все чаще рассматривается через призму экологических показателей и управления [25].

Нормативные требования в мире

Требования о раскрытии информации о результатах деятельности стали претворяться в национальное законодательство наиболее последовательно с принятия директив Совета Европы 2013/34/UE от 26 июня 2013 г. и 2014/95/UE от 22 октября 2014 г.

Директивами предусмотрена публикация нефинансовой отчетности крупными предприятиями, требуется описание своей экологической и социальной политики, основных рисков, проблем, связанных с коммерческой деятельностью, и информации об управлении этими рисками. Эта нефинансовая отчетность является ежегодной. Согласно статье 4 Директивы 2014/95/UE, государства-члены ЕС должны внедрить ее положения с 2017 г.

Следующим шагом стало принятие 17 декабря 2020 г. Европейским парламентом резолюции об устойчивом управлении предприятием. 10 марта 2021 г. депутаты Европарламента проголосовали за резолюцию, содержащую рекомендации об обязанности осмотрительности и ответственности предприятий. В свою очередь Европейская комиссия представила проект директивы взамен Директивы 2014/95/UE, который предусматривает разъяснение передаваемых данных нефинансовой отчетности, расширение предприятий, которых касается отчетность (для стран-членов ЕС с 1 января 2026 г.) и анализ данных отчетности в рамках независимого контроля [20]. Новые тенденции расширения ответствен-

ности при предоставлении нефинансовой отчетности также непосредственно будут распространяться и на компании добывающей отрасли.

Требования экологической политики компаний в России

Добыча полезных ископаемых в Арктике является одной из проблемных отраслей экономики, которая оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду. В целях конкурентоспособности промышленных компаний обществу необходимо иметь открытую, доступную информацию об их деятельности и принятой компаниями политике ответственности [27].

В связи с этим необходимо создать более эффективные механизмы, которые могут уменьшить негативное влияние горнодобывающих компаний на окружающую среду и конфликты, возникающие на этой почве.

Этому способствуют подходы компаний к формированию публичной нефинансовой отчетности в соответствии с международными нормами и стандартами (например, GRI, SASB). Но как полагают Н. В. Дядик и А. Н. Чапаргина [4, с. 45], многие крупные российские холдинги практикуют разработку экологической политики на основе стандарта GRI, несмотря на то, что не всегда можно определить по данным стандартам заявленные цели компании.

Российская Федерация также интегрировала Европейскую Директиву 2014/95/UE в свое законодательство. В настоящее время уделяется внимание разработке нормативного регулирования формирования публичной нефинансовой отчетности. Так, первым таким документом является Концепция развития публичной нефинансовой отчетности и план мероприятий по ее реализации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р [10] (далее – Концепция).

Действие Концепции распространяется на государственные компании и корпорации, публично-правовые компании, государственные унитарные предприятия с выручкой 10 млрд руб. и более, хозяйственные общества с государственным участием не менее 50 %.

Таким образом, предоставление нефинансовой отчетности, в том числе экологической, является обязательным для крупных компаний, для остальных оно имеет добровольный характер, в зависимости от конкурентоспособности.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РССП) практикует публикации аналитических обзоров и на основе анализа выявляет лидеров крупных российских компаний. РССП разработаны индексы для Московской биржи «Ответственность и открытость» и

«Вектор устойчивого развития» [1, с. 5]. Эти индексы РССП используются в целях оценки российских компаний на международном рынке и пока остаются независимым инструментом для их продвижения. Кроме того, РССП публикует сборники корпоративных практик «Российский бизнес и права человека», отражающие роли компаний в активном продвижении целей устойчивого развития ЦУР-2030.

РССП на своем сайте размещает информацию о нефинансовых отчетах компаний. Так, по состоянию на 11.10.2021 г. размещены нефинансовые отчеты 197 компаний. Всего с 2000 г. зарегистрировано 1163 отчета: социальные отчеты (374), экологические отчеты (101), в области устойчивого развития (415), интегрированные отчеты (273) [6].

С указанными отчетами можно ознакомиться на сайтах таких компаний, как ГАЗПРОМ, РОСНЕФТЬ, АЛРОСА, ЛУКОЙЛ, НОВАТЭК, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ, осуществляющих разведку и добычу газа, нефти, алмазов и других минеральных ресурсов в Арктической зоне Российской Федерации. Как правило, публичная нефинансовая отчетность размещена в разделах «Инвесторам», «Раскрытие информации», «Устойчивое развитие», «Охрана окружающей среды».

Таблица 1
Table 1

Нефинансовая отчетность добывающих компаний Арктики по годам *

Добывающие компании	Отчеты об устойчивом развитии (ОУР)	Социальные отчеты (СО)	Экологические отчеты (ЭО)	Интегрированные отчеты (ИО)
ПАО «Газпром нефть»	2007-2020	2002-2004		
ПАО «Лукойл»	2003-2020			
ПАО «НК «Роснефть»	2006-2019			
Группа Газпром энергохолдинг	2012-2019			
ОАО «Севернефтегазпром»			2012-2014 2017-2019	2015-2020
ОАО «Сургутнефтегаз»			2011-2019	
ПАО «НОВАТЭК»	2004-2020			

ПАО «Газпром»	2008-2020		2001-2008 2017-2019	
ПАО «Северсталь»	2012-2020	2004-2006 2010-2011		
ПАО «ГМК «Норильский никель»	2008-2011 2017-2020	2003-2007 2012-2016		
АК АЛРОСА (ПАО)	2019-2020	2011-2018		2018-2019

*Составлено по данным библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов [16]

В Российской Федерации с 15 марта 2013 г. введен в действие национальный стандарт, аналог международного стандарта, ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [2]. Стандарт предназначен для всех организаций и направлен на внедрение принципов социальной ответственности, соблюдения прав человека, взаимодействия с заинтересованными сторонами. В соответствии с ГОСТ Р ИСО 26000-2012 развитие публичной нефинансовой отчетности должно происходить с учетом семи ключевых направлений социальной ответственности:

1. организационное управление;
2. права человека;
3. трудовые практики;
4. окружающая среда;
5. добросовестные деловые практики;
6. защита интересов и взаимодействие с потребителями;
7. вовлечение и развитие сообществ.

Следуя международным стандартам корпоративной социальной и экологической ответственности, российские горнодобывающие компании добровольно принимают на себя обязательства по снижению возможных рисков и негативных последствий при разработке месторождений полезных ископаемых. В этом плане основой для политики компаний стали разработанные Всемирным фондом дикой природы (WWF) России в 2009 г. «Основные положения политики экологической и социальной ответственности горнодобывающих компаний» [8]. Документ поддержан группой неправительственных экологических организаций России.

Что касается нефтегазодобывающих компаний, становление компаний российского нефтегазового сектора достаточно специфично – компании во многом оперировали и действуют не на экологически чувствительном рынке конечного потребителя, а на рынке «продавца дефицитного товара». Тем не менее сохраняется конкуренция за конечного

потребителя между компаниями за доступ к более «длинным и дешевым» финансовым ресурсам для осуществления новых проектов.

Всемирный фонд дикой природы (WWF) России и группа «КРЕОН», основываясь на «Совместных экологических требованиях общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям» [15] с 2014 г. ежегодно проводят рейтинги открытости экологической и корпоративной информации. В целом рейтинги имеют цель побудить компании к эффективному использованию углеводородных ресурсов, защите окружающей среды и ведению социально ответственного бизнеса в России.

Все указанные в таблице 1 добывающие в Арктике компании являются лидерами индексов РССП, участниками Социальной хартии российского бизнеса и стремятся в своей деятельности соответствовать принципам устойчивого развития.

1.1. ПАО «Газпром»

Являясь мировым лидером по добыче природного газа (12 % в мире и 68 % в России), «Газпром» должен соответствовать международным стандартам, предъявляемым к добывающим компаниям [9]. В настоящее время компания активно реализует масштабные проекты по освоению газовых ресурсов полуострова Ямал, арктического шельфа.

На сайте компании ежегодно публикуются экологические отчеты и с 2008 г. отчеты о деятельности в области устойчивого развития в разделе «Акционерам и инвесторам – раскрытие информации».

1.2. ПАО «Лукойл»

Территорией присутствия компании в Арктике с 2000 г. являются Ямало-Ненецкий автономный округ (месторождение Находкинское, Пякяхинское и Южно-Мессояхский промысел), Республика Коми (Усинское и Возейское месторождения, Денисовский лицензионный участок), Ханты-Мансийский автономный округ.

Компания заключила с 2005–2007 г. с Правительствами Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа Соглашения о социально-экономическом сотрудничестве, которые продлены до 2024 г. [19].

1.3. ПАО «НОВАТЭК»

Основные месторождения ПАО «НОВАТЭК» находятся в Ямало-Ненецком АО. Компания занимается разведкой, добычей, переработкой и реализацией природного газа и жидких углеводородов и имеет более чем двадцатилетний опыт работы в российской нефтегазовой отрасли [7]. Всего ей принадлежит 72 лицензии на разведку и добычу углеводородов в основном в ЯНАО с суммарными доказанными запасами

16,4 млрд барр. н.э (на конец 2020 г.). НОВАТЭК известен своими проектами по переработке природного газа в сжиженный «Ямал СПГ», «Арктик СПГ 2» и амбициозными климатическими целями по снижению до 2030 г. удельных выбросов загрязняющих веществ на 20 %, парниковых газов в сегменте добычи на 6 % [14].

1.4. АК «АЛРОСА» (ПАО)

АЛРОСА – крупная российская горнорудная компания с государственным участием, лидер алмазодобывающей отрасли мира. Основной регион добычи – Республика Саха (Якутия). С 2009 г. компания уверенно увеличивает добычу сырья, которая в 2021 г. составила 32,4 млн карат [5]. Поскольку добыча алмазов в настоящее время происходит в отдаленных районах – Оленекском, Анабарском улусах, компания переходит к новой модели социальной ответственности.

Хотя компания заявляет о своей приверженности экологическим принципам и имеет сертификацию ISO 14001, время от времени в результате деятельности компании происходят экологические аварии. Так, в августе 2018 г. на месторождении «Иреляхская россыпь» Мирнинского ГОК АК «АЛРОСА» (ПАО) произошел прорыв четырех дамб дражных котлованов, который послужил причиной масштабного загрязнения водных объектов рек Ирелях, Малая Ботуобуя и Вилюй. Первоначальный расчет ущерба по предварительным данным составил 27 млрд руб. [18, 29].

В июле 2021 г. произошла утечка при прорыве дамбы хранилища отходов горнодобывающей промышленности на руднике от Catoca, которое является совместным предприятием «Алроса» и Endiama. Токсичные вещества попали в притоки реки Конго – реки Чикапа и Касаи, вода в них окрасилась в красный цвет. В результате отравления погибли 12 человек, пострадали более 4 тысяч. При этом компания заявила, что не контролирует рудник [3], хотя компания принимает на себя обязательства по защите окружающей среды не только в регионах присутствия, но и на международном уровне.

1.5. ПАО «ГМК «Норильский никель»

В рамках рейтинга открытости экологической информации с 2019 г. стал впервые проводиться мониторинг аварий и конфликтов нефтегазовых компаний [11, с. 5,7]. Сегодня наблюдается острая экологическая проблема в Арктике в связи с расширением активности на российском шельфе – это разливы нефтепродуктов, которые представляют особую опасность, т. к. ликвидация их последствий может занять несколько десятилетий.

Примером может служить разлив нефтепродуктов в мае 2020 г. в г. Норильск (Красноярский край) на объекте АО НТЭК, дочерней компании ГМК «Норильский никель».

Оценки ведущих экспертов однозначно показывают, что аварийный разлив на ТЭЦ-3 произошел из-за серьезных просчетов в системе корпоративного управления ГМК «Норильский никель» в части оценки экологических рисков и обеспечения экологической безопасности. По результатам проверки, проведенной Росприроднадзором в сентябре 2020 г., у компании выявлено 139 нарушений обязательных требований в области промышленной и экологической безопасности [13]. Основные производственные мощности с 40-60-х гг. морально и технически устарели, при этом не проводилось никаких реконструкций и капитального ремонта.

По иску надзорного органа принято беспрецедентное решение Арбитражного суда от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020 о взыскании с Акционерного общества «Норильско-Таймырская энергетическая компания» вреда, причиненного окружающей среде (ее компонентам) в размере 146,2 млрд руб. [12].

Степень закрытости «Норникеля» хорошо считывается в профиле компании, подготовленном в рамках расчета рейтингов открытости в области экологической ответственности. Эксперты также выяснили, что у ГМК «Норильский никель» отсутствует добровольное страхование экологических рисков, более того, компания не выкладывает в публичном пространстве документацию по оценке воздействия на окружающую среду, а также не предоставляет планы ликвидации аварий. Динамика компании в самом рейтинге убедительно это демонстрирует: с 7 места в 2017 г. к 2019 г. «Норникель» переместился на 12-е место в части открытости в области экологической ответственности [30]. На примере этой компании, которая считалась одной из лучших в Арктике добывающих компаний, но показала неэффективное управление рисками в результате аварии, вероятно следует изменить критерии анализа данных, передаваемых в рамках нефинансовой отчетности.

Заключение

13 июля 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал пакет законов о создании особой экономической зоны в Арктике. Принципиальная концепция Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» N 193-ФЗ [17] – это предоставление государственных преференций, льгот в обмен на инвестиции частных компаний в развитие арктического региона.

Законом предусмотрено принятие стандарта ответственности резидентов Арктической зоны во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, органами государственной власти и органами местного самоуправления. Выполнение стандарта ответственности путем подписания соглашения – залог успешной социальной и экономической политики резидентов в отношениях с заинтересованными сторонами в Арктическом регионе, и в первую очередь с проживающими в Арктике коренными малочисленными народами.

При активном продвижении в Арктику необходимо создать более эффективные механизмы, которые могут снизить негативное воздействие добывающих компаний на окружающую среду. Практика внедрения экологической отчетности поддерживает стремление к достижению такой цели, поскольку направлена на повышение прозрачности отрасли и поддерживает усилия компаний по предотвращению вреда окружающей среде, в том числе по минимизации выбросов углекислого газа.

Экологическая отчетность компаний в целом позволяет проводить анализ качества управления экологическими рисками при добыче, транспортировке и переработке твердых полезных ископаемых и углеводородного сырья. Необходимо отметить, что снижение негативного воздействия на окружающую среду, помимо прямого природоохранного эффекта, имеет и важный социальный результат: снижение негативного влияния на здоровье персонала и местных сообществ, предотвращение конфликтов, связанных ограничением территорий традиционного пользования. Кроме того, эта политика является существенным стимулом для повышения прозрачности компаний, развития взаимодействия с заинтересованными сторонами (гражданским обществом, местными сообществами и коренными народами) и обеспечат открытость при обсуждении будущих проектов.

Поэтому представляется необходимым распространение действия Концепции, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р, на все добывающие компании и внести в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О публичной нефинансовой отчетности», согласно которому компании обязаны предоставлять ежегодную отчетность о результатах деятельности в части социальной и экологической ответственности.

Таким образом, внедрение ответственной экологической политики, стандарта экологической ответственности добывающих компаний на уровне федерального законодательства сегодня становится первоочередной задачей для развития социально ответственного бизнеса в России [27].

Необходимо поддерживать процесс дальнейшего развития систем независимой внешней оценки добывающих компаний, развития индикаторов и критериев этой оценки, в том числе с учетом опыта стран Евросоюза и современных подходов в этой сфере. Существенное значение будет иметь усиление роли и влияния в этом процессе различных общественных институтов, средств массовой информации, общероссийских объединений работодателей и деловых ассоциаций.

Литература

1. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2017–2018 гг. выпуска / Е. Н. Феоктистова, Л. В. Аленичева, Г. А. Копылова [и др.]. – Москва : РСПП, 2019. – 104 с.
2. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. – URL:https://standartgost.ru/g/ %D0 %93 %D0 %9E %D0 %A1 %D0 %A2_ %D0 %A0_ %D0 %98 %D0 %A1 %D0 %9E_26000-2012 (дата обращения: 09.09.2022).
3. ДР Конго требует компенсации за аварию на руднике от Catoca. Это совместное предприятие «Алроса» и Endiama. – URL: https://www.bfm.ru/news/480686 (дата обращения: 09.09.2022).
4. Дядик, Н. В. Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике / Н. В. Дядик, А. Н. Чапаргина // Арктика и Север. – 2020. – № 41. – С. 38–61. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38.
5. Ключевые показатели : официальный сайт АК «АЛРОСА (ПАО). – URL: https://alrosa.ru/about/key-indicators/ (дата обращения: 09.09.2022).
6. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. – URL: https://www.rspp.ru/activity/social/registr/ (дата обращения: 09.09.2022).
7. Наши активы : официальный сайт компании ПАО «НОВАТЭК». – URL: https://www.novatek.ru/ru/business/assets/ (дата обращения: 09.09.2022).
8. Основные положения политики экологической и социальной ответственности горнодобывающих компаний. – URL: https://wwf.ru/resources/publications/booklets/basic-principles-for-environmentally-and-socially-responsible-policy-of-mining-companies/ (дата обращения: 09.09.2022).
9.Отчетность ПАО «Газпром» за 2020. – URL: https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2020/ (дата обращения: 09.09.2022).
10. Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. – 22 мая 2017 г. – N 21. – Ст. 3037.

11. Рейтинг открытости нефтегазовых компаний России в сфере экологической ответственности. – Москва : WWF России, 2019. – URL: https://f71246df-863f-4eb1-93c4-6f5d32358c4e.filesusr.com/ugd/d526f3_edc9d9180ad849f79b7d82606858658c.pdf.
12. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527 (дата обращения: 09.09.2022).
13. Росприроднадзор выявил многочисленные нарушения в деятельности АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания». – URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_vyyavil_mnogochislennye_narusheniya_v_deyatelnosti_ao_norilsko_taymyrskaya_energetich/ (дата обращения: 09.09.2022).
14. Совет директоров ПАО «НОВАТЭК» на заседании 25 августа 2020 года утвердил экологические и климатические цели Компании на период до 2030 года : официальный сайт компании ПАО «НОВАТЭК». – URL: https://www.novatek.ru/ru/esg/strategy/targets/ (дата обращения: 09.09.2022).
15. Совместные экологические требования общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям. – URL: https://wwf.ru/upload/iblock/4ac/oil_demands.pdf (дата обращения: 09.09.2022).
16. Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов. – URL: https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/ (дата обращения: 09.09.2022).
17. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – 16 июля. – N 155.
18. Якутия оценила свой ущерб от прорыва дамб АЛРОСА в 27 млрд руб. – URL: https://www.rbc.ru/politics/31/10/2018/5bd952c89a7947ebf926f44d (дата обращения: 09.09.2022).
19. Ямало-Ненецкий автономный округ. – URL: https://lukoil.ru/Company/BusinessOperation/GeographicReach/Russia/yamalo-nenetsautonomousokrug (дата обращения: 09.09.2022).
20. Buisine O 2021 RSE et comptabilité environnementale // Bulletin Joly Sociétés. – Septembre 59.
21. Buslaev, G. Ensuring the sustainability of Arctic industrial facilities under conditions of global climate change / G. Buslaev, P. Tsvetkov, A. Lavrik // Resources. – 2021. – Issue 21100808642, Vol. 10. – DOI: 10.3390/resources10120128.
22. Cherepovitsyn, A. E. Critical analysis of methodological approaches to assessing the sustainability of Arctic oil and gas projects / A. E. Cherepovitsyn,

P. S. Tsvetkov, O. O. Evseeva [and others] // Journal of the Mining Institute. – 2021. – No. 24113336, Vol. 1, p. 249. – P. 463–478. – DOI: 10.31897/PMI.2021.3.15.
23. Krasyukova, E. A rational approach to the management of underground mining in complex hydrogeological and geomechanical conditions based on a risk assessment / E. Krasyukova, I. Aynbinder, A. Ivannikov // IOP Conf. – Series: Earth and Environmental Science 684 012006, 2021. – DOI:10.1088/1755-1315/684/1/012006.
24. Ilinova, A. Scenario-based forecasting of Russian Arctic energy shelf development / A. Ilinova, V. Solovyova, S. Yudin // Energy Reports ; Buisine O 2021 RSE et comptabilité environnementale Bulletin Joly Sociétés Septembre 59, 2020. – Issue 21100389511, Vol. 6. – P. 1349–1355. – DOI: 10.1016/j.egyr.2020.11.022
25. Litvinenko, V. S. Barriers to the implementation of hydrogen initiatives in the context of sustainable development of the world energy industry Journal of the Mining Institute / V. S. Litvinenko, P. S. Tsvetkov, M. V. Dvoinikov, G.V. Buslaev. – 2020. – No. 244. – P. 421–431. – URL: http://pmi.spmi.ru/index.php/pmi/article/view/13699.
26. Litvinenko, V. S. The social and market mechanism of sustainable development of public companies in the mineral resource sector / V. S. Litvinenko, P. S. Tsvetkov, K. V. Molodtsov // EURASIAN MINING (Business and International Management). – 2020. – No 1. – P. 36–41. – URL: http://www.rudmet.ru/journal/1924/article/32600/?language=en.
27. Romasheva, N. Energy resources exploitation in the russian arctic: Challenges and prospects for the sustainable development of the ecosystem / N. Romasheva, , D. Dmitrieva // Energies. – 2021. – Issue 62932, Vol. 14. – DOI: 10.3390/en14248300.
28. Rybak, J. Renewable-resource technologies in mining and metallurgical enterprises providing environmental safety / J. Rybak, A. Adigamov, C. Kongar-syuryun, M. Khayrutdinov, Y. Tyulyaeva // Minerals. – 2021. – V. 11–10. – 1145 p. – DOI: 10.3390/min11101145.
29. Tikhonova, S. A. Assessment of anthropogenic pollution of water bodies in Yakutia according to the spectral characteristics of satellite images / S. A. Tikhonova, G. P. Struchkova, T. A. Kapitonova // Mining Information and Analytical Bulletin, 2021. – 12-1, – P. 213–222. – DOI: 10.25018/0236_1493_2021_121_0_213.
30. WWF did not receive a response to its letters from NORNIKEL and urges the company for a quick response. – URL: https://wwf.ru/resources/news/zelenaya-ekonomika/wwf-ne-poluchil-ot-nornikelya-otveta-na-svoi-pisma-i-prizyvaet-kompaniyu-k-operativnoy-reaktsii/ (дата обращения: 09.09.2022).

References

1. Analytical review of corporate non-financial reports: 2017–2018 issue / E. N. Feoktistova, L. V. Alenicheva, G. A. Kopylova [and others]. – Moscow : RSPP, 2019. – 104 p.
2. GOST R ISO 26000-2012. Social Responsibility Guide. – URL: https://standartgost.ru/g/ %D0 %93 %D0 %9E %D0 %A1 %D0 %A2_ %D0 %A0_ %D0 %98 %D0 %A1 %D0 %9E_26000-2012 (date of access: 09/09/2022).
3. DR Congo seeks compensation for a mine accident from Catoca. This is a joint venture between Alrosa and Endiama. – URL: https://www.bfm.ru/news/480686 (accessed: 09/09/2022).
4. Dyadik, N. V. Business and power: environmental and economic responsibility in the Russian Arctic / N. V. Dyadik, A. N. Chapargin // Arctic and North. – 2020. – No. 41. – P. 38–61. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38.
5. Key indicators: official website of PJSC ALROSA. – URL: https://alrosa.ru/about/key-indicators/ (accessed: 09/09/2022).
6. National Register of corporate non-financial reports. – URL: https://www.rspp.ru/activity/social/registr/ (accessed: 09.09.2022).
7. Our assets: official website of PAO NOVATEK. – URL: https://www.novatek.ru/ru/business/assets/ (accessed: 09/09/2022).
8. Main provisions of the environmental and social responsibility policy of mining companies. – URL: https://wwf.ru/resources/publications/booklets/basic-principles-for-environmentally-and-socially-responsible-policy-of-mining-companies/ (accessed: 09/09/2022).
9. Reporting of PJSC Gazprom for 2020. – URL: https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2020/ (accessed: 09.09.2022).
10. Decree of the Government of the Russian Federation of 05.05.2017 No. 876-r «On approval of the Concept for the development of public non-financial reporting and an action plan for its implementation» // SZ RF. – May 22, 2017. – N 21. – Article 3037.
11. Openness rating of Russian oil and gas companies in the field of environmental responsibility. – Moscow : WWF Russia, 2019
12. Decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated February 12, 2021. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527 (accessed: 09/09/2022).
13. Rosprirodnadzor revealed numerous violations in the activities of JSC Norilsk-Taimyr Energy Company. – URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_vyyavil_mnogochislennye_narusheniya_v_deyatelnosti_ao_norilsko_taymyrskaya_energetich/ (accessed: 09.09.2022).

14. The Board of Directors of PAO NOVATEK at its meeting on August 25, 2020 approved the environmental and climate goals of the Company for the period up to 2030: official website of PAO NOVATEK. – URL: https://www.novatek.ru/ru/esg/strategy/targets/ (accessed: 09/09/2022).
15. Joint environmental requirements of public environmental organizations for oil and gas companies. – URL: https://wwf.ru/upload/iblock/4ac/oil_demands.pdf (accessed: 09/09/2022).
16. Table of the Library of corporate non-financial reports. – URL: https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/ (accessed: 09/09/2022).
17. Federal Law of July 13, 2020 N 193-FZ «On State Support for Entrepreneurial Activities in the Arctic Zone of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – July 16. – N 155.
18. Yakutia estimated its damage from the breach of ALROSA dams at 27 billion rubles. – URL: https://www.rbc.ru/politics/31/10/2018/5bd952c89a7947ebf926f44d (accessed: 09/09/2022).
19. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – URL: https://lukoil.ru/Company/BusinessOperation/GeographicReach/Russia/yamalo-nenetsautonomousokrug (accessed: 09/09/2022).
20. Buisine O 2021 RSE et comptabilité environnementale // Bulletin Joly Sociétés. – September 59.
21. Buslaev, G. Ensuring the sustainability of Arctic industrial facilities under conditions of global climate change / G. Buslaev, P. Tsvetkov, A. Lavrik // Resources. – 2021. – Issue 21100808642, Vol. 10. – DOI: 10.3390/resources10120128.
22. Cherepovitsyn, A. E. Critical analysis of methodological approaches to assessing the sustainability of Arctic oil and gas projects / A. E. Cherepovitsyn, P. S. Tsvetkov, O. O. Evseeva [and others] // Journal of the Mining Institute. – 2021. – No. 24113336, Vol. 1, p. 249. – P. 463–478. – DOI: 10.31897/PMI.2021.3.15.
23. Krasyukova, E. A rational approach to the management of underground mining in complex hydrogeological and geomechanical conditions based on a risk assessment / E. Krasyukova, I. Aynbinder, A. Ivannikov // IOP Conf. – Series: Earth and Environmental Science 684 012006, 2021. – DOI:10.1088/1755-1315/684/1/012006.
24. Ilinova, A. Scenario-based forecasting of Russian Arctic energy shelf development / A. Ilinova, V. Solovyova, S. Yudin // Energy Reports ; Buisine O 2021 RSE et comptabilité environnementale Bulletin Joly Sociétés Septembre 59, 2020. – Issue 21100389511, Vol. 6. – P. 1349–1355. – DOI: 10.1016/j.egyr.2020.11.022

25. Litvinenko, V. S. Barriers to the implementation of hydrogen initiatives in the context of sustainable development of the world energy industry Journal of the Mining Institute / V. S. Litvinenko, P. S. Tsvetkov, M. V. Dvoinikov, G. V. Buslaev. – 2020. – No. 244. – P. 421–431. – URL: http://pmi.spmi.ru/index.php/pmi/article/view/13699.
26. Litvinenko, V. S. The social and market mechanism of sustainable development of public companies in the mineral resource sector / V. S. Litvinenko, P. S. Tsvetkov, K. V. Molodtsov // Eurasian Mining (Business and International Management). – 2020. – No 1. – P. 36–41. – URL: http://www.rudmet.ru/journal/1924/article/32600/?language=en.
27. Romasheva, N. Energy resources exploitation in the russian arctic: Challenges and prospects for the sustainable development of the ecosystem / N. Romasheva, , D. Dmitrieva // Energies. – 2021. – Issue 62932, Vol. 14. – DOI: 10.3390/en14248300.
28. Rybak, J. Renewable-resource technologies in mining and metallurgical enterprises providing environmental safety / J. Rybak, A. Adigamov, C. Kongar-syuryun, M. Khayrutdinov, Y. Tyulyaeva // Minerals. – 2021. – V. 11–10. – 1145 p. – DOI: 10.3390/min11101145.
29. Tikhonova, S. A. Assessment of anthropogenic pollution of water bodies in Yakutia according to the spectral characteristics of satellite images / S. A. Tikhonova, G. P. Struchkova, T. A. Kapitonova // Mining Information and Analytical Bulletin, 2021. – 12-1, – P. 213–222. – DOI: 10.25018/0236_1493_2021_121_0_213.
30. WWF did not receive a response to its letters from NORNIKEL and urges the company for a quick response. – URL: https://wwf.ru/resources/news/zelenaya-ekonomika/wwf-ne-poluchil-ot-nornikelya-otveta-na-svoi-pisma-i-prizyvaet-kompaniyu-k-operativnoy-reaktsii/ (accessed: 09.09.2022).

Сведения об авторе

ИВАНОВА Татьяна Спартаковна – д. юрид. наук, профессор кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: ivanovats@mail.ru

IVANOVA, *Tatyana Spartakovna* – Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of Arctic Law and Law of the Asia-Pacific Region, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

УДК 340.141
DOI 10.25587/SVFU.2022.12.54.002

Т. Н. Оглезнева
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: tati.oglezneva@mail.ru

Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Императорского русского географического общества и его отделов по изучению общественного устройства и юридического быта коренных малочисленных народов Северо-Востока Азии. Охарактеризованы демократические программные установки исследования обычного права народов России во второй половине XIX – начале XX вв., их значение и актуальность для реалий современной жизни. Для русской общественной мысли во второй половине XIX в. было характерно уважительное и бережное отношение к образу мысли и быту народов России. Статья знакомит с некоторыми наиболее крупными работами, ценными выводами исследователей – деятелей ИРГО и его отделов по обычному праву. Оценен их вклад в сохранение уникальных артефактов юридического быта коренных малочисленных народов Севера, которые в силу уникальности жизнедеятельности и сейчас более всего сохраняют устои обычного права. В статье констатируется, что богатый фактический материал, собранный в ходе экспедиций и наблюдений ИРГО и его отделов, позволил сделать правильные выводы о взаимодействии обычного права и элементов русского государственного устройства и о необходимости сохранения элементов обычного права для повседневной жизни населения, ибо они олицетворяют собой мировоззрение народов, их мироощущение.
Ключевые слова: обычное право, коренные малочисленные народы Севера, Северо-Восток Азии, Императорское русское географическое общество, Отделение этнографии ИРГО, общественное устройство, юридический быт, народные юридические обычаи, экспедиции ИРГО и его отделов, этнографические исследования.

Для цитирования: Оглезнева Т. Н. Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 22–34.

T. N. Oglezneva
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: tati.oglezneva@mail.ru

Dudicial practices of life of the peoples of the North-East of Asia in the studies of the IRGS

Abstract. The article considers the activities of the Imperial Russian Geographical Society and its departments for the study of the social structure and legal life of the indigenous peoples of the North-East of Asia. The article characterizes the democratic programmatic goals for the study of the customary law of the peoples of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries, their significance and relevance for the realities of modern life. Russian social thought in the second half of the 19th century was characterized by a respectful and careful attitude to the way of thinking and life of the peoples of Russia. The article introduces some of the largest works, valuable conclusions of researchers – leaders of the IRGS and its departments on customary law. Their contribution to the preservation of unique artifacts of the legal life of the indigenous peoples of the North, which, due to the uniqueness of their life activity, still preserve the foundations of customary law, is assessed. The article states that the rich factual material collected during the expeditions and observations of the IRGS and its departments made it possible to draw correct conclusions about the interaction of customary law and elements of the Russian state system and the need to preserve elements of customary law for the everyday life of the population, because they personify the worldview peoples, their worldview.
Keywords: customary law, indigenous peoples of the North, Northeast Asia, Imperial Russian Geographical Society, Department of Ethnography of the IRGS, social structure, legal life, folk legal customs, expeditions of the IRGS and its departments, ethnographic research.

For citation: Oglezneva T. N. Dudicial practices of life of the peoples of the North-East of Asia in the studies of the IRGS // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 22–34. (In Russ.)

Введение

Изучение юридической стороны народного быта входило частью в круг задач этнографических исследований Императорского русского географического общества (далее – ИРГО) с самого начала его основания

в 1845 г. В 70-х гг. XIX в. на фоне реформ российского общества оформилась мысль о выделении народного юридического быта, обычного права как предмета специальной деятельности Общества. В литературе также оценен по достоинству «особый вклад в изучение и собирание национальных обычаев представителями Русского географического общества, которые занимались изучением быта, системы управления и культуры народов, населяющих Российское государство» [7, с. 7]. При Отделении этнографии ИРГО в 1876 г. была создана Комиссия о народных юридических обычаях. В сжатом виде ею были представлены программные установки, направленные на изучение народных юридических обычаев. Одной из существеннейших задач называлось согласование начал российского кодекса с условиями и потребностями народного юридического быта, успешное разрешение которой вызовет «столь желательное развитие чувства законности во всех слоях общества». Намечалось издать сборник народных юридических обычаев, который должен был познакомить с разными сторонами народного юридического быта и послужить основой и ценным материалом для многих законодательных работ. Программу заключало чрезвычайно актуальное и сегодня положение о том, что «только путем серьезного изучения народного юридического быта может быть достигнуто усовершенствование его, существующие юридические обычаи не могут быть уничтожены одним росчерком пера, т. к. они связаны с жизненными потребностями и бытовыми условиями жизни народа, вследствие чего ломка их на основании одних отвлеченных умозаключений без знания фактической стороны дела будет не только бесцельной, но и крайне вредной» [3, с. 52].

Современная наука также призывает «учитывать определенную «экономность» обычного права, когда нормы и традиции собственного народа, связанные с памятью предков, являются действенными регуляторами, подчинение которым вполне добровольное – в отличие от позитивного права, подчинение которому обеспечивается многочисленным и затратным государственным аппаратом, с зачастую сомнительной эффективностью» [12].

В 80-х гг. XIX в. продолжала оставаться одной из самых актуальных. В 1885 г. Восточно-Сибирский отдел ИРГО (далее – ВСОИРГО) среди наиболее важных задач сибиреведения называл «систематическое изучение сибирской крестьянской и инородческой общины, а также сибирского и инородческого обычного права» [2, с. 12]. Основным способом выполнения этой задачи назывался сбор материалов по программам Комиссии о юридических обычаях. Комиссия подчеркивала значение

судов, как самого достоверного и живого источника, т. к. в их исторической части, где излагались жалобы и прения сторон, несомненно, отражались чисто народные правовые убеждения, независимо от тех нередко произвольных соображений и выводов, какие встречаются в резолютивной части решений.

Особое внимание считаем нужным обратить на бесценные сохранившиеся в исследованиях ИРГО артефакты юридического быта коренных малочисленных народов Севера, которые в силу уникальности жизнедеятельности и сейчас более всего сохраняют устои обычного права, когда формы организации жизни и правила устанавливаются и соблюдаются как естественная и рациональная необходимость. Обращение к историческому опыту регулирования общественных отношений на основе норм обычного права коренных малочисленных народов Севера вполне может иметь практическое значение.

Необходимо отметить, что описательный характер большинства работ и отсутствие комплексного подхода к исследованию нисколько не умаляют значение трудов дореволюционных авторов, которые «включали в свои работы как частные случаи, так и существующую общепринятую практику, не выделяя общие тенденции и характеристики действия обычного права. Эти труды содержат богатый эмпирический материал по отдельным регионам страны, в том числе и Северо-Востока Азии» [7, с. 8].

Основная часть

Юридический быт эвенкийского народа был предметом наблюдения и изучения ряда деятелей ИРГО. Так, один из участников Аянской экспедиции 1894 г. Я. В. Стефанович описал систему землепользования у эвенков. По его мнению, раскладка податей и повинностей у эвенков происходила так же, как у якутов, не по душам, а по принципу землепользования. Основанием для процесса раздела земли по классам служило количество скота. Я. В. Стефанович указывал на то, что здесь уже играла роль сила богатства, на которой основывалась часто нарушающая справедливость власть тойона в своем наслеге, хотя у эвенков и не существовало такой резкой неравномерности в землепользовании, какая наблюдалась в якутском обществе [10, с. 22]. В качестве подтверждения своего довода Я. В. Стефанович привел примеры уравнительных переделов земли.

Правовые обычаи эвенков рассмотрел И. И. Майнов в обширной статье «Некоторые данные о тунгусах Якутского края» [6], получившей большое признание в современной науке. Работа была написана по

материалам Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедиции 1894–1896 гг. и издана в 1898 г. в «Трудах Якутской экспедиции». И. И. Майнов хотел, в частности, «присмотреться своими глазами к условиям, охраняющим в целом племени первобытную свежесть и ясность души» [6, с. III], стремление к справедливости и взаимопомощи. Так, интерес представляют наблюдения за организацией звероловства у эвенков. Места для ловли соболя (самого ценного зверя), лощины рек распределялись между родовичами, но не становились собственностью владельца речки. Собственником территории считался род, и в отдельных случаях допускались обмен или подравнивание ловок в пользу сородича, если прежнее место ловли совершенно оскудело зверем; но чаще всего одно и то же место оставалось у владельца из года в год и даже передавалось по наследству. Сами эвенки неоднозначно относились к возможности урезок и прибавок мест для ловли соболя, считая, что здесь возможно было злоупотребление правом, если, например, об этом заявит богатый родович. Соболь, убитый кем-либо на участке другого человека, доставался владельцу участка, т. к. главную трудность составляло именно напряженное выслеживание, поджидание зверя, установление стрел на соболя, а сам акт выстрела много труда не требовал и зачастую был случаен. По мнению И. И. Майнова, это вполне разумная норма. На страницах труда И. И. Майнов неоднократно упоминает об эвенкийском обычае широкого гостеприимства и бескорыстной помощи путникам, миссионерам и нуждающимся сородичам. Так, он приводит в пример свидетельство встреченной им в пути хозяйки, что сородичи-эвенки помогли им выбраться из нищеты после падежа всех оленей: «кто белку дал на поправку, кто лисицу, по своим средствам всякий давал…, и собрали нам на покупку трех коров; с коровами мы хоть детей прокормим» [6, с. 193]. Через три года хозяйство поправилось и имело уже 20 оленей.

В ходе своего путешествия И. И. Майнов наблюдал, по его выражению, «оригинальную сцену венчания под открытым небом», к которой брачующиеся относились совершенно равнодушно. Венчание у эвенков зачастую происходило уже в процессе фактического сожительства жениха и невесты (правильного брака, с точки зрения эвенков. Причем возраст брачующихся мог быть меньше, чем по церковному обряду). Это объяснялось тем, что человек сватал невесту, когда собирался с силами внести за нее калым, а венчался, когда доведется. Обычно за эвенкийскую невесту калым вносился оленями, в зависимости от достатка. Калым был по размерам вдвое больше приданого. Так, за одну

невесту дали 17 оленей и еще двух закололи на угощение, приданое же составило всего 8 оленей. Часто бывало, пишет И. И. Майнов, что мужчина прогонял жену, даже находясь в правильном браке, но, не пожелав венчаться и без возврата калыма, например, если по болезни она не могла работать. Это, очевидно, говорит о том, что брак оставался в глазах эвенков чисто гражданской сделкой, а венчание – лишь формальностью, требуемой русскими властями [6, с. 202]. Тем не менее под влиянием канонического семейного права в сознании людей уже укрепилось взаимное добровольное согласие как необходимое условие заключения брака.

По материалам Нелькано-Аянской экспедиции 1903 г. Э. К. Пекарским и В. П. Цветковым были рассмотрены, в том числе, семейно-правовые обычаи приаянских эвенков. Сначала статья «Приаянские тунгусы» была помещена в журнале ИРГО «Живая старина» за 1911 г., затем в более обработанном виде вышла в Сборнике Музея по антропологии и этнографии при ИАН [8]. На основе статистических данных авторами был сделан вывод, что большой процент холостых эвенков и крайне малый состав семьи (3,71 чел.) объясняется экономической необеспеченностью, невозможностью, создав семью, вести самостоятельное хозяйство. Описаны традиционный семейный уклад эвенков, занимающихся оленеводством, свадебные обычаи, приданое, главную часть которого составляли олени, несложная свадебная церемония, имущественные правовые обычаи, патриархальный характер семьи, власть главы рода, обычай передачи детей на воспитание и т. д. В целом, брак заключался по согласию брачующихся, хотя давление на них со стороны, например, родителей, было сильным. Но, тем не менее, если кто-то из брачующихся категорически отказывался вступать в брак, родители уступали, или священник отказывался заключать брак. Сохранялся старинный обычай (без строгого соблюдения) придерживаться трехлетнего срока для вступления в повторный брак после смерти одного из супругов. Материалы подтверждают наблюдения И. И. Майнова, что калым за невесту был в два-полтора раза больше размеров приданого (например, 30 против 15, 10 оленей против 7). В редких случаях калым мог быть деньгами, в виде заработной платы работникам или пожизненного содержания старика-отца невесты. Приданое состояло также из вещей домашней обстановки, которые являлись пожизненной собственностью жены, а после ее смерти в случае церковного брака оставались у мужа, гражданского (то есть без венчания) – переходили к детям. За вдову калым не платился. Таким образом, женитьба походила на куплю женихом невесты. Семья носила патриархальный характер, где власть главы над женой, детьми,

младшими родственниками была весьма сильна. Так, например, старший брат мог отдать несовершеннолетнего члена семьи в работники и получать за него заработок. Если родители были трудоспособны, дети не имели никаких имущественных прав. При разделе отец мог выделить любую часть, чаще всего пропорционально членам количеству членов семьи. На выделенное имущество отец прав уже не имел. Права нетрудоспособных родителей тщательно регламентировались. Состарившийся отец переходил на иждивение трудоспособных сыновей, и ему принадлежали только личные мелкие вещи. Власть в семье и управление всем имуществом переходили к старшему сыну. Иногда и после выдела доли взрослые дети оставались жить вместе с родителями. Некоторым образом регулировались также наследственные правоотношения. После смерти отца при наличии малолетних детей имущество переходило к его жене; при взрослых детях или в случаях круглого сиротства – по завещанию. Если же завещания не было, то малолетние сироты зачастую оставались без наследства, его забирали старшие родственники. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, или нетрудоспособных вдов состояло в переходе их под иждивение родственников по восходящей линии со стороны отца (мужа), а в случае их отсутствия – на содержание отцовских (мужа) сородичей. Это правило соблюдалось очень строго. Отнесение к какому-либо роду внебрачного ребенка зачастую сопровождалось многолетними спорами, особенно если это был мальчик.

В случае, если вдова выходила замуж, имущественные права детей от первого брака сохранялись, отчим был лишь опекуном. Кроме обязанности принимать к себе воспитанников-сирот, у эвенков также был распространен обычай отдавать детей –девочек – при живых родителях на воспитание в другую семью. Причины этого были разные: помощь бездетной семье родственников (в этом случае передача была бесплатной), но чаще всего – желание дать возможность девочке из бедной семьи получить приданое от воспитателей (более зажиточных сородичей) и выйти замуж. В последнем случае новая семья приобретала рабочую силу и поэтому, когда девочка подрастала и начинала помогать воспитателям, родители получали плату и подарки. Если воспитатель умирал, то воспитанницу (даже и взрослую, если она не вышла замуж) должны были содержать сородичи со стороны воспитателя. Но после смерти своих родителей она имела право на свою часть наследства, если воспитатели умерли. От воспитателей воспитанница также могла получить часть наследства. При жизни матери она не имела права на часть наследства отца, при жизни воспитательницы – в наследстве воспитате-

ля и отца. Иногда девочку отдавали на воспитание только до возраста, пока она не сможет работать по хозяйству. В этом случае уже родители платили воспитателям. Несмотря на то, что отношения в семьях эвенков были далеки от сентиментальности, объективно обязанность заботиться о нетрудоспособных, сиротах, престарелых родственниках соблюдалась неукоснительно – «неизвестно еще случая, чтобы тунгус погиб бы из-за того, что не нашел своевременной поддержки у родственников и сородичей» [8, с. 111]. Необходимость сохранить жизнь каждому члену сообщества, взаимовыручка лежали и в основе широко распространенного тогда непременного обычая «нымат» (дарение), когда об удачной охоте оповещались все соседи, и они имели право пойти на место промысла и унести столько мяса, сколько смогут [8, с. 62].

Участник Хатангской экспедиции 1905 г. В. Н. Васильев, наблюдая жизнь эвенков Туруханского края, констатировал, что их внутренний строй основан на началах самоуправления и общего пользования пастбищами, рыбными и охотничьими угодьями. Выступив 30 марта 1907 г. на заседании Отделения этнографии ИРГО с сообщением «Быт инородцев Туруханского края», В. Н. Васильев также довольно подробно рассказал о брачных обычаях и семейных отношениях; привел примеры из области обычного права [1, с. 33].

Исследователи второй половины XIX в. отмечали, что «в сущности весь крайний Северо-Восток не знает над собой никакой власти и управляется сам собой. Каждый родоначальник есть полноправный властелин над своим родом; более богатый, родовитый, а, следовательно, и сильный имеет большое влияние на других» [9, с.175]. От ИРГО весной 1885 г. А. А. Ресин принял участие в торговой экспедиции на побережье Камчатки. О результатах поездки А. А. Ресин написал «Очерк инородцев русского побережья Тихого океана» [9], содержащий интересные сведения о жизни, занятиях, быте русских, алеутов, камчадалов, коряков, ламутов (эвенов) Петропавловского и Гижигинского округов Камчатки. А. А. Ресин, в частности, показал, что фактическая власть в крае принадлежит старостам, на которых лежит наблюдение за правильным исполнением повинностей и разбор мелких проступков и преступлений. Но, по мнению А. А. Ресина, миролюбивый характер населения и отсутствие водки сохраняет патриархальную чистоту нравов, преступления весьма редки, а небольшие конфликты разрешаются мировой, через посредничество старосты или мирской сходкой, без всякой официальности [9, с. 136]. А. А. Ресин также отметил оригинальный тип семейных отношений. Например, брачные отношения чукчей

характеризовались как полигамные, причем в основе этого лежала необходимость иметь больше рабочей силы. Нередко женщина имела большее значение в роду, чем мужчина, и достаточно свободно могла распоряжаться собой и в браке. У чукчей, по наблюдениям А. А. Ресина, существовало и наследственное право, когда после смерти отца все олени делились между сыновьями [9, с. 173–174].

В «Известиях ИРГО» за 1894 г. была помещена информация известного полярного исследователя барона Э. В. Толля об экспедиции Императорской Академии наук на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана [11]. Помимо прямых результатов, доклад Э. В. Толля касается малоизученного тогда аспекта о неразрывной взаимосвязи человека и природы в специфических условиях Севера. Э. В. Толль с признательностью отмечал гостеприимство и безукоризненно хорошее отношение к путешественникам со стороны коренных жителей побережья Ледовитого океана. Все северные экспедиции, писал Э. В. Толль, могут быть только благодарны «за представившийся случай учиться у природы и у добрых людей» [11, с. 450]. Закономерно наблюдение Э. В. Толля, что особые экологические условия, тесная неразрывная связь с природой сохраняют в человеке понятие о том, что он поставлен в зависимость от дружеских отношений с сородичами, и поэтому «инородцы» Крайнего Севера сохранили высокую нравственность, и в их нравственном своде законов нет и упоминания о возможности убийства [11, с. 450].

Выдающиеся ученые-этнологи В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон опубликовали ряд не потерявших своей научной ценности трудов по этнографии народов Северо-Востока Азии. Так, они дали наиболее полное, обоснованное заключение об общественной организации палеоазиатских народов – чукчей, юкагиров, коряков. В 1900–1902 гг. они приняли участие в Северо-Тихоокеанской (Джезуповской) экспедиции, задачей которой было сравнительное исследование народов, населяющих американские и азиатские берега северной части Тихого океана. Выводы исследователей, в частности, были опубликованы под названием «Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана» [5]. Основополагающее значение имел вывод о том, что оленеводство является высшей и более поздней ступенью развития, чем охота и рыболовство. В свое время А. А. Ресин также отмечал, что быт «сидячих» народов коренных образом отличается от быта «кочевых», главный фактор – наличие оленя [9, с. 156]. В. И. Иохельсон исправлял бытующее тогда представление об обратном ходе историко-культурного развития,

заключающееся в том, что якобы коряки, чукчи и юкагиры осели после потери своих оленей.

В. И. Иохельсон нашел «замечательное разнообразие» в социальных типах племен Северо-Тихоокеанского круга. Существовали племена (коряки, камчадалы), у которых единственной организацией была семья. К племенам со слабой родовой организацией он относил чукчей и юкагиров. У чукчей зачатки кланов обнаружил В. Г. Богораз, а что касается юкагиров, то здесь В. И. Иохельсон основывался на преданиях о существовании исчезнувших полярных родов – родов «омок» [5, с. 90].

Соответственно, существовали и различные типы семейных отношений. У коряков наблюдалась полигамия, но обязательными считалась невинность девушек и верность жены. В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз отмечали наличие у чукчей полиандрии и своеобразной формы группового брака, названного В. Г. Богоразом «переменным». Этот обычай стал прививаться и у других народов. Как отмечал В. И. Иохельсон на заседании Отделения этнографии ИРГО 29 октября 1899 г. в сообщении «Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой» в целом у чукчей, юкагиров, эвенков и других народов было весьма терпимое отношение к обычаям и обрядам друг друга, ибо зачастую жены чукчей западной тундры происходили из эвенок, эвенкиек и юкагирок, и наоборот [4, с. 833].

Интереснейшее описание семейных отношений у юкагиров дал В. И. Иохельсон. Он описал обычаи сватовства, систему родства, похожую на систему родства у американских индейцев, сохранение и господство свободных отношений до и после брака. Иохельсон отмечал, что у юкагиров-оленеводов отсутствует обычай, характерный для рыболовов и охотников, когда зять поселяется в доме тестя. Здесь, напротив, невеста покупается и входит в дом жениха. Калым стал обязательным элементом, но сохранился и пережиток отслуживания (крайний срок – 7 лет) у родителей невесты. Иохельсон приводит описание юкагирской свадьбы, основанной на единстве крови группы лиц (девушку выдают замуж не родители, а группа лиц, связанных единством крови), причем он не считает калым как у якутов, мировой или вирой [4, с. 832].

Заключение

Исследования Императорского Русского географического общества и его отделов по изучению общественного устройства и быта народов Северо-Востока Азии позволили создать целостную картину этнической культуры народов; были изучены важнейшие вопросы обычного права, семейно-брачных отношений. Многообразный фактический

материал позволил сделать правильные выводы о взаимодействии обычного права и элементов русского государственного устройства; о необходимости сохранения элементов обычного права для повседневной жизни населения, ибо они олицетворяют собой мировоззрение народов, их мироощущение.

Литература

1. Журнал заседания Отделения Этнографии ИРГО 30 марта 1907 г. // Известия ИРГО. – 1907. – Т.43. – Действия Общества.
2. Известия ВСОИРГО. – 1885. – Т.1. – № 4–5.
3. Известия ИРГО. – 1876. – Т.12. – Вып. 2.
4. Иохельсон, В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой / В. И. Иохельсон // Известия ИРГО. – 1899. – Т. 35. – С. 829–833.
5. Иохельсон, В. И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана / В. И. Иохельсон // Известия ИРГО. – 1907. – Т.43. – С. 63–93.
6. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края / И. И. Майнов // Труды Якутской экспедиции. – Иркутск : Типография П. И. Макушина,1898. – 214 с.
7. Наумкина, В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв. ; специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи) / Наумкина Валентина Владимировна ; Московский университет МВД России. – Москва, 2010. – 42 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/obychnoe-pravo-kochevykh-narodov-vostochnoi-sibiri-v-pravovoi-sisteme-rossiiskogo-gosudarstv/read (дата обращения: 25.07.22).
8. Пекарский, Э. К. Очерки быта приаянских тунгусов / Э. К. Пекарский, В. П. Цветков // Сборник МАЭ при ИАН. – Т.2. – 127 с.
9. Ресин, А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / А. А. Ресин // Известия ИРГО. – 1888. – Т.24. – Вып.3. – С. 120–199.
10. Стефанович, Я. В. От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения / Я. В. Стефанович // Записки ВСОИРГО по общей географии. – 1896. – Т.1. – Вып. 3.
11. Толль, Э. В. Экспедиция ИАН 1893 г. на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана / Э. В. Толль // Известия ИРГО. – 1894. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 435–451.

12. Филант, К. Г. Обычное право у коренных малочисленных народов Севера / К. Г. Филант. – URL: https://goarctic.ru/society/obychnoe-pravo-u-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/ (дата обращения: 25.07.22).

References

1. Journal of the meeting of the Department of Ethnography of the IRGO on March 30, 1907 // News of the IRGO. – 1907. – T.43. – Actions of the Society.
2. Izvestiya VSOIRGO. – 1885. – T.1. – No. 4–5.
3. News of the IRGO. – 1876. – T.12. – Issue. 2.
4. Yokhelson, V. I. Wandering genera of the tundra between the rivers Indigirka and Kolyma / V. I. Yokhelson // Izvestiya IRGO. – 1899. – T. 35. – P. 829–833.
5. Yokhelson, V. I. Ethnological problems on the northern shores of the Pacific Ocean / V. I. Yokhelson // Izvestiya IRGO. – 1907. – T.43. – P. 63–93.
6. Mainov, I. I. Some data on the Tungus of the Yakutsk Territory / I. I. Mainov // Proceedings of the Yakut expedition. – Irkutsk : Printing house of P. I. Makushin, 1898. – 214 p.
7. Naumkina, V. V. Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state in the 19th – early 20th centuries ; specialty 12.00.01 «Theory and history of law and the state, the history of doctrines about law and the state» : abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences (as a manuscript) / Naumkina Valentina Vladimirovna ; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Moscow, 2010. – 42 p. – URL: https://www.dissercat.com/content/obychnoe-pravo-kochevykh-narodov-vostochnoi-sibiri-v-pravovoi-sisteme-rossiiskogo-gosudarstv/read (date of access: 07/25/22).
8. Pekarsky, E. K. Essays on the life of the Ayan Tungus / E. K. Pekarsky, V. P. Tsvetkov // Collection of the MAE at the IAN. – T.2. – 127 p.
9. Resin, A. A. Essay on foreigners of the Russian coast of the Pacific Ocean / A. A. Resin // Izvestiya IRGO. – 1888. – T.24. – Issue 3. – P. 120–199.
10. Stefanovich, Ya. V. From Yakutsk to Ayan. Travel observations / Ya. V. Stefanovich // Notes of the VSOIRGO on general geography. – 1896. – T.1. – Issue. 3.
11. Toll, E. V. Expedition of the IAN in 1893 to the New Siberian Islands and the coast of the Arctic Ocean / E. V. Toll // Izvestiya IRGO. – 1894. – T. 30. – Issue. 4. – P. 435–451.
12. Philant, K. G. Customary law among the indigenous peoples of the North / K. G. Philant. – URL: https://goarctic.ru/society/obychnoe-pravo-u-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/ (date of access: 07/25/22).

Сведения об авторе

ОГЛЕЗНЕВА Татьяна Николаевна – к. ист. н., доцент, зав. каф. гражданского права и процесса, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: tati.oglezneva@mail.ru

OGLEZNEVA, Tatyana Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Civil Law and Process, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЭКОНОМИКА

УДК 338.48
DOI 10.25587/SVFU.2022.68.59.003

Е. Е. Ноева
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: noevga@mail.ru

Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития

Аннотация. Основой туристической привлекательности арктических территорий являются особенности географического положения, природно-климатические условия, нетронутая природа, этнокультурный колорит коренных народов Севера. С другой стороны, экологи предупреждают об усилении негативного воздействия, оказываемого на северную природу в результате растущего увеличения количества посещений. Поиск ответа на вопрос, как совместить целесообразность экономического развития с экологической безопасностью в рамках устойчивого развития арктических территорий становится все более актуальным по мере роста популярности арктического туризма и увеличения туристских потоков в регион. В данной работе автором уточнено определение понятия «арктический туризм», выделены наиболее востребованные виды туристских услуг, характерных для Арктики, выполнен сравнительный анализ тенденций развития арктического туризма, изменений, отражающих состояние туристской отрасли в различных странах Арктической зоны, сделаны выводы относительно перспектив развития арктического туризма. Поскольку Арктика привлекательна, пока она относительно недоступна, следует тщательно подходить к разработке маршрутов, вводить строгие нормы по защите окружающей среды под контролем государства и ограничивать стремление добиваться массовости и доходности арктического туризма на любых условиях. Необходимо распространение принципов устойчивого развития в практике туристской деятельности.

Ключевые слова: туризм, арктический туризм, арктический регион, виды туризма, индустрия туризма, экономика, отрасль, туристский

продукт, туристский поток, доходы, туристический бизнес, устойчивый и экологический туризм.

Для цитирования: Ноева Е. Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 35–59.

E. E. Noeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: noevga@mail.ru

Arctic tourism: international and national aspects, problems and features of development

Abstract. The basis of the tourist attractiveness of the Arctic territories is the peculiarities of the geographical location, natural and climatic conditions, untouched nature, and the ethno-cultural flavor of the indigenous peoples of the North. On the other hand, environmentalists warn of an increase in the negative impact on northern nature as a result of the growing increase in the number of visits. The search for an answer to the question of how to combine the feasibility of economic development with environmental safety, within the framework of the sustainable development of the Arctic territories, is becoming increasingly important as the popularity of Arctic tourism grows and tourist flows to the region increase. In this paper, the author clarifies the definition of the concept of «Arctic tourism», highlights the most popular types of tourist services characteristic of the Arctic, performs a comparative analysis of development trends in Arctic tourism, changes that reflect the state of the tourism industry in various countries of the Arctic zone, draws conclusions regarding the prospects for the development of Arctic tourism. Because the Arctic is attractive while it is relatively inaccessible, it is necessary to carefully approach the development of routes, introduce strict environmental protection standards under state control, and limit the desire to achieve mass and profitable Arctic tourism under any conditions. It is necessary to disseminate the principles of sustainable development in the practice of tourism activities.

Keywords: tourism, Arctic tourism, Arctic region, types of tourism, tourism industry, economy, industry, tourism product, tourist flow, income, tourism business, sustainable and ecological tourism.

For citation: Noeva E. E. Arctic tourism: international and national aspects, problems and features of development // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 35–59. (In Russ.)

Введение

Согласно данным исследований доктора Фрейи Хиггинс-Десбиоллес (UniSA Business, Университет Южной Австралии) [17], основанным на изучении исторических документов международных туристических организаций и советов, туризм с самого начала его распространения рассматривался как способ стимулирования социальных изменений и дальнейшего межкультурного взаимопонимания. Однако развитие уровня цивилизации приводит к созданию новых потребностей, а значит, к появлению новых отраслей. Туристский спрос вызывает потребление разнообразных видов товаров и услуг, соответственно, по мере развития международного туризма формировалась и индустрия туризма. С ростом числа посещений отмечалась все большая диверсификация туристской деятельности, так что примерно с середины 1900-х гг. уже доминировало представление о туризме как об отрасли экономики.

Сегодня исследования и разработка политики и стратегий в сфере туризма в основном посвящены именно его деловой стороне, рассматривая туризм как строго экономическую деятельность. Однако, туризм – это не просто отрасль, а в некоторой степени также и явление транснациональное и межкультурное, способное преобразовывать общество, культуру и окружающую среду. Оказывая влияние на культуру принимающих сообществ, туризм содействует восприятию новых паттернов межкультурных контактов [6, с. 30].

Примером сочетания всех упомянутых позиций, факторов, противоречий и взаимосвязей является арктический туризм. Арктика – это, по сути, не имеющая четко очерченных границ территория к северу от Полярного круга, включающая части следующих арктических государств: Дании, Финляндии, Исландии, Канады, Норвегии, Российской Федерации, Швеции и Соединенных Штатов Америки. Только центральная часть Северного Ледовитого океана является международными водами. Эту часть земного шара населяют более 40 коренных народов, создавших уникальные культуры, которые адаптировались к климатическим условиям. На территории каждой страны применяются собственные правила поведения, нормы и законы, как регулирующие туристскую деятельность, так и направленные на защиту и сохранение окружающей среды.

Несмотря на то, что туризм в арктических регионах в той или иной форме практикуется с XIX в., особенно активно он стал развиваться только в последние два десятилетия. Хотя количество туристов в арктических регионах все еще относительно невелико, успешный маркетинг в сочетании с растущим глобальным интересом к Арктике способствует увеличению числа туристов, а также росту как общественного, так и коммерческого интереса к арктическому туризму, который рассматривается в качестве многообещающего рычага для будущего экономического развития соответствующих территорий.

Данная тема недостаточно хорошо изучена в том смысле, что при имеющемся многообразии трактовок по-прежнему нет единой концепции понятия «арктический туризм». Продолжаются дискуссии на тему необходимости развития и популяризации арктического туризма, его вреда или пользы для экономики, окружающей среды, местных сообществ. В данной работе сделана попытка ответить на этот вопрос, исходя из объективных тенденций современного развития данной сферы деятельности. Также представлен анализ изменений, отражающих состояние туристской отрасли в странах Арктической зоны, определены наиболее востребованные виды туристских услуг, сделаны выводы относительно перспектив развития арктического туризма.

В процессе работы были исследованы труды российских и зарубежных авторов: Ю. Ф. Лукина, И. В. Логунцовой, А. А. Бертоша, С. А. Жданова, О. Н. Кострюковой, А. Гренье́ра, Ф. Хиггинс-Десбиоллес и других.

Источниками информации послужили материалы, представленные на сайтах Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Арктического центра стратегических исследований, Федерального агентства по туризму, российских и зарубежных специализированных информационных ресурсов, данные мировой и региональной статистики, законодательные и нормативные документы.

Определение и концепция арктического туризма

Кратко понятие «туризм» (туристические поездки) определяется как «выезды (путешествия) посетителей в другую страну или местность, отличную от места постоянного жительства, с любой целью, кроме трудоустройства» [13]. Согласно формулировке, представленной Всемирной туристской организацией (UNWTO) в 1981 г., «туризм – это один из видов активного отдыха, представляющий собой путешествия, совершаемые с целью познания тех или иных районов, новых стран и

сочетаемые в ряде стран с элементами спорта» [20]. Российское законодательство определяет туризм как «временные выезды (путешествия) людей в другую страну или местность, отличную от места постоянного жительства, на срок от 24 часов до 6 месяцев в течение одного календарного года или с совершением не менее одной ночевки в развлекательных, оздоровительных, спортивных, гостевых, познавательных, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, оплачиваемой из местного источника» [16].

Существует множество классификаций видов туризма, определяемых по разным признакам и критериям, которые к тому же постоянно расширяются и дополняются. К наиболее распространенным видам туризма относят:

– рекреационный;
– медицинский;
– оздоровительный;
– познавательный;
– спортивный;
– экстремальный и т. д.

Признаками и критериями классификаций могут быть, например, цель путешествия, способ передвижения, ландшафтный и географический признаки и многое другое.

Определения понятия «арктический туризм» в разных источниках и у разных авторов могут существенно отличаться. Как отмечает доктор исторических наук, профессор Ю. Ф. Лукин, «арктический туризм, как концептуальное понятие, а тем более как операциональное определение, признаваемое в парадигме общего туризма и в науке большинством специалистов, пока еще не получил широкого распространения и чаще всего используется в практической деятельности, в менеджменте» [8, с. 96]. При этом в своей работе Ю.Ф. Лукин ограничивается краткой констатацией: «Арктический туризм – это внутренний и международный туризм в Арктике» [8, с.100].

Следует упомянуть, что арктический туризм классифицируется также как вид так называемого полярного туризма: в зависимости от принадлежности территории, т. е. тяготения к тому или иному географическому полюсу, полярный туризм разделяют на два вида – арктический и антарктический. По определению канадского ученого Алена Греньера (университет UQAM, г. Монреаль), для выделения таких видов туризма как «полярный туризм», «северный туризм», «туризм зимы» основными критериями являются:

– географические (знакомство с полярными регионами, пересечение северного полярного круга, северной границы распространения растительности, линии теплой июльской изотермы);

– климатические (зимние виды туризма) [12].

А. Греньер также подчеркивает, что «северный туризм» можно рассматривать как аналог экологического туризма, т. к. его основной мотивацией является знакомство с суровой, но уникальной природой северных широт.

Национальный стандарт Российской Федерации по арктическому туризму (введен в действие 30.06.2022 г.), разработанный Федеральным агентством по туризму [10], определяет его так: «Арктический туризм – это туризм в Арктической зоне РФ, направленный на популяризацию ее исторического, культурного и природного потенциала». К активным видам арктического туризма Стандарт относит «путешествия, походы и экскурсии в природной среде Арктической зоны РФ с активными способами передвижения». В качестве отдельных видов туризма, кроме активных, приводятся следующие:

– туризм по наблюдению природных явлений в Арктической зоне РФ (миражей, полярных сияний, атмосферных явлений, звездного неба, переворотов айсбергов, оттайки ледников и др.);

– научно-экспедиционный туризм, осуществляемый с целью «участия в экспедициях для удовлетворения научной любознательности», без занятий профессиональной деятельностью.

Общепринятое определение арктического туризма, чаще всего цитируемое на различных российских специализированных сайтах, основывается исключительно на географическом признаке: «Арктический туризм – часть туризма в России на территории Арктики – физико-географического района Земли, примыкающего к Северному полюсу и включающего окраины материка в территориальных водах Российской Федерации в Северном Ледовитом океане и сухопутные территории Арктической зоны Российской Федерации» (рис. 1).

Понятие арктического туризма, представленное в работе А. Иволги, А. Трухачева и Ю. Ефимовой, включает более широкий контекст, не ограниченный только географическим фактором: «Арктический туризм – это путешествие по приполярным территориям планеты с рекреационными, досуговыми или исследовательскими целями; деятельность, необходимая для стран Северной Европы из-за ее прямого воздействия на экологический, социальный, культурный и экономический секторы коренных народов Арктики» [18]. В то же время сотрудник Федерального

Рис. 1. Карта сухопутных территорий Арктической зоны РФ
Pic. 1. Map of land territories of the Arctic zone of the Russian Federation

исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», эксперт портала Goarctic.ru А. А. Бертош рассматривает арктический туризм скорее в контексте российского законодательства, как «посещение Арктики в рекреационных, познавательных, спортивных, религиозных и иных подобных целях, не связанных с получением прибыли и осуществлением трудовой деятельности». [3, с. 169–170]. По мнению автора данной работы, при определении понятия арктического туризма наиболее значимыми факторами являются природная и этнокультурная составляющие, как основополагающие в процессе его формирования и развития данного вида туризма, а также способствующие росту его привлекательности. Таким образом, определение, данное в работе А. Иволги, А. Трухачева и Ю. Ефимовой, является более универсальным, за исключением акцента на странах Северной Европы. То есть, с учетом всех ранее приведенных, определение можно сформулировать так: арктический туризм – это посещение территорий Арктики с рекреационными, досуговыми или исследовательскими целями; деятельность, способствующая популяризации ее исторического, культурного и природного потенциала, оказывающая воздействие на экологическую, социальную и экономическую составляющие образа жизни коренных народов Арктики.

Виды арктического туризма и туристский спрос

Арктический туризм включает все те же классические виды туризма, но в привязке к уникальной и труднодоступной северной территории с экстремальными природно-климатическими условиями,

сформировавшими особый уклад жизни коренного населения. В результате основу северного турпродукта составляют не только сами туристские ресурсы, но и образ жизни, культура, этнография местного коренного населения.

Среди видов туризма, представленных в арктических регионах, преобладают этнокультурный, событийный, экологический, спортивный (в том числе промысловый) и экстремальный. Различают морской (круизный), наземный и воздушный туризм, при котором путешествие в Арктику в большинстве случаев представляет собой сочетание морского или авиапутешествия и выезды на землю. С ростом числа туристов в полярных регионах выбор возможных видов деятельности также увеличился. Спросом пользуется арктический экспедиционный туризм, маршруты которого проходят через острова Северного Ледовитого океана. Туроператоры предлагают знакомство с традиционным образом жизни коренных народностей, морские круизы, рафтинг, катание на лодках, рыбалку и охоту, лыжные и пешеходные маршруты. В каждом арктическом районе можно заниматься различными видами туристской деятельности. Предлагаются экстремальные виды спорта и туризм на открытом воздухе, такие как каякинг, гребля на каноэ, катание на собачьих упряжках, гребля стоя, прыжки с парашютом, сноуборд, ледолазание, прогулки на снегоступах, ледовые и горные походы, лыжные и снегоходные туры [19]. Круиз-туризм формирует значимую часть всей туристской деятельности в Арктике. Сезон круизов длится с мая по октябрь. Обычные круизные направления включают Лонгйир и Ню-Алесунн на Шпицбергене, Какорток и Нуук в Гренландии, Камчатку, Землю Франца-Иосифа и остров Врангеля в российском регионе и на Северном полюсе. Круизы в полярные регионы относительно дорогие. Цены могут варьироваться от нескольких тысяч евро до 12.000 € и даже до 25.000 € и более в зависимости от степени комфортности, маршрута и экскурсионной программы [19].

Помимо очарования и притяжения полярных регионов, иногда люди стремятся в Арктику, чтобы выйти за рамки «нормального» туризма и иметь возможность отметить другое, эксклюзивное направление в своих списках посещений. К уникальным полярным ландшафтам влечет жажда приключений, любовь к нетронутой природе или стремление к уединению и тишине. Культура и образ жизни коренного населения Арктики также вызывают безусловный интерес у посетителей. По мере усиления глобального потепления, которое уже привело к видимым изменениям в Арктике, набирает популярность так называемый «туризм

последнего шанса» или «туризм Судного дня» («last chance tourism», или «doom tourism») – посещение мест, обычно природных объектов, которые в скором времени исчезнут с лица земли. Туристы хотят увидеть находящиеся под угрозой исчезновения полярные ледяные ландшафты и обитающих там животных своими глазами, прежде чем они исчезнут.

Большинство туристов приезжают в арктические регионы из США, Австралии, Великобритании и Германии, меньшая часть из Европы и Азии. В странах Арктики также неплохо развивается внутренний туризм.

В туристическом маркетинге широкое распространение получило сегментирование потенциальных потребителей по психографическому признаку. Маркетологи изучают, как люди предпочитают проводить свободное время, каково их отношение к различным типам отдыха. Определяющими признаками здесь являются склонность к переменам, готовность к приключениям и риску, степень консерватизма, требования к комфорту, интеллектуальный уровень запросов. Таким образом, туристов можно разделить на два типа: психоцентрики, предпочитающие традиционные виды отдыха в комфортных условиях, и аллоцентрики – ищут новых впечатлений и приключений, предпочитают исследовать новые и необычные области, любят встречаться с людьми из других культур. Психоцентриков и аллоцентриков в чистом виде не так много, в основном путешествующие лица занимают промежуточное положение (midcentric), демонстрируя черты обеих моделей поведения – предпочитают путешествовать по незнакомым местам, но с комфортом [14]. Тяготение туристов к той или иной модели определяет специфику их спроса.

Арктическая зона – это очень большая и разнообразная территория, где много возможностей для развития туризма, который может быть не только экстремальным, но и достаточно доступным и комфортным, чтобы удовлетворить запросы значительной части потребителей туристских услуг. Анализируя различные источники по изучаемой теме, можно выделить ряд самых популярных направлений в туриндустрии различных стран Арктической зоны на сегодняшний день (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Наиболее привлекательные туристические маршруты в странах арктической зоны
The most attractive tourist routes in the countries of the Arctic zone

Страна	Локация	Характеристики
Дания	Запад Гренландии	Илулиссат-Исфьорд – единственный фьорд Северной Америки, включенный в Список объектов всемирного наследия ЮНЭСКО. Однодневные туры – от $100, многодневные (3-7 дней) – от $1000.
	Юго-Запад Гренландии	Нуук – крупнейший город и административный центр Гренландии. Особой популярностью пользуется Гренландский национальный музей и его культурная коллекция.
	Юг Гренландии	Горячие источники Уунарток – однодневные шестичасовые туры за $1 тыс. из города Какорток (также важной туристской дестинации) на юге Гренландии.
Исландия	Юго-Запад Исландии	Рейкьявик – столица Исландии, множество туристических предложений: от экскурсий по городу до поездок в разные части острова длительностью до двух недель: в этом случае Рейкьявик – хаб.
	100 км от Рейкьявика	Золотое кольцо Исландии. Большой выбор туров предлагает агрегатор GuideToIceland – стоимость однодневных туров начинается от 40$. Золотое Кольцо можно посетить и в составе тура на 1-2 недели.
	100 км от Рейкьявика	Полуостров Рейкьянес. Голубая лагуна – одно из самых популярных мест в Исландии. Термальные бассейны, СПА-услуги и многое другое: цена за посещение – от 65$, билеты необходимо бронировать заранее.
Канада	Северный Ледовитый океан	Канадский Арктический архипелаг – круизы по маршрутам, экспедиции Д. Франклина, Северо-Западному проходу, отдаленным инуитским селам и др.
	Юкон	Национальный парк Клуэйн – крупнейший национальный парк Канады. Туры длительностью до недели (от локального агрегатора).

	Юкон	Доусон-Сити – экскурсии по местам «Золотой лихорадки» (Клондайк) включают в себя посещение Доусон-Сити.
Норвегия	Северная Норвегия	Тромсё – одноименная коммуна в Северной Норвегии, арктический город известный как «столица Арктики», является устойчивым туристическим направлением.
	Архипелаг Шпицберген	Пирамида – текущее состояние Пирамиды – город-призрак. Поселок является транзитным пунктом для путешествий в Лонгйир. Добраться сюда можно на судне или от Лонгйира на машине. Интересно, что раз в месяц из Москвы осуществляются вылеты на архипелаг и можно заказать экскурсию до Пирамиды из Лонгйира.
	Архипелаг Шпицберген	Национальный парк «Индре-Вийдефьорден» – с 2005 г. занимаемая территория получила статус национального парка. На территории парка расположен самый длинный фьорд на Шпицбергене.
Россия	Республика Саха – Якутия	Покорители холода – экстремальный челлендж-тур в составе ежегодной международной полевой научной экспедиции. Участники экспедиции в течение 3 недель проживают в палатках в суровых условиях Севера. Для участников привлекателен сам опыт вдали от цивилизации и выживания в экстремальных условиях.
	Мурманская область	Териберка – село XVI в. на Кольском полуострове. Традиционно в Териберке занимались китобойным промыслом, рыболовством, животноводством. После выхода фильма «Левиафан» в Териберку увеличился туристический поток для созерцания сочетаний северной природы и местного быта села, возросла предпринимательская активность.
	Мурманская область	Северные круизы – круизы по Северному Ледовитому океану – одно из популярных направлений путешествий в российскую Арктику как для иностранных туристов, так и для российских. Круиз проходит на ледоколе с возможной высадкой как на лед, так и на лодки-зодиаки для рассмотрения природных объектов.

США	Аляска	Анкоридж – крупнейший город Аляски, отправная точка для путешествий по региону. В городе есть аэропорт, большое количество музеев, ресторанов, а также 120 миль рекреационной зоны. С трех сторон город окружен тремя национальными заповедниками.
	Аляска	Фэрбенкс – второй по величине город Аляски, в котором сочетаются городская инфраструктура и удивительная арктическая природа. Город также называют «Ворота в Арктику», т. к. он является приграничной территорией к Полярному кругу.
	Аляска	Национальный лес Тонгасс площадью 17 млн акров расположен на юго-востоке Аляски и является крупнейшим национальным лесом в США.
Финляндия	Рованиеми	Рованиеми – административный центр Лапландии. Самая развитая инфраструктура в регионе. Родной город Санта-Клауса. Горные лыжи, другие зимние виды спорта, оленьи фермы.
	Сиркка	Леви – один из самых крупных горнолыжных курортов Финляндии, где проводятся международные соревнования. Курорт несколько раз получал статус лучшего горнолыжного курорта Финляндии.
	Колари	Юлляс – второй по величине горнолыжный курорт после Леви. Общая протяженность трасс 53 км. Подготовленные маршруты для беговых лыж и пеших прогулок.
Швеция	Вестерботтен	Умао – город стал культурной столицей Европы в 2014 г. В городе очень много музеев современного искусства, например Bildmuseet и др., а также часто проходят музыкальные концерты и фестивали.
	Норботтен	Йокмокк – альпийский сад на берегу озера Талватис, национальные парки: Муддус, Стура-Шёфаллет, Сарек и Падьеланта, катание на собачьих и оленьих упряжках, ярмарки саамов, осуществляются вылеты на архипелаг.
	Норботтен	Кируна – катания на снегоходах, ледяной отель, лыжный поход, создание скульптур из снежных глыб, космический центр, ужин под звездным небом и северным сиянием.

Источник: Арктика как территория и туристическое направление. – URL: https://tourism.gov.ru/contents/analytics/arktik_tourism/arktika-kak-territoriya-i-turisticheskoe-napravlenie/

Source: The Arctic as a territory and tourist destination. – URL: https://tourism.gov.ru/contents/analytics/arktik_tourism/arktika-kak-territoriya-i-turisticheskoe-napravlenie/

Характеристики предлагаемых турпродуктов, относящихся к разным видам туризма (событийный, спортивный, этнокультурный, приключенческий, познавательный, природный), отличаются значительным разнообразием и способны удовлетворить как любителей получать новые впечатления в комфортных условиях, так и экстремалов.

Экономическое значение арктического туризма

Как отмечает С. А. Жданов, туристская деятельность «дает возможность преодоления неравномерности развития различных территорий региона, позволяет повысить качество инфраструктуры, привлечь инвестиции, увеличить доходы в местный бюджет, поддержать местную промышленность в результате повышения спроса на продукцию местных производителей» [4, с. 53]. Туризм в Арктике может принести пользу, поскольку путешествие по национальным паркам и заповедникам предполагает оплату парковых сборов, которые поддерживают содержание, защиту и мониторинг этих районов дикой природы, а также поощряют создание новых охраняемых территорий. Посещение отдаленных сообществ приносит столь необходимый им доход и поддерживает исчезающий образ жизни.

Туристический бизнес привлекателен для предпринимателей по следующим причинам:

– небольшие стартовые инвестиции;

– растущий спрос на туристские услуги;

– высокий уровень рентабельности;

– минимальный срок окупаемости затрат.

Эффективность туризма как отрасли экономики определяется следующими факторами:

– туризм представляет собой один из источников валютных поступлений;

– способствует обеспечению занятости населения;

– увеличивает бюджетные доходы;

– способствует диверсификации экономики, вовлекая отрасли, обслуживающие сферу туризма: строительство, связь, торговлю, сельское хозяйство, производство товаров народных промыслов и т. д.

Несмотря на то, что развитие арктического туризма в силу объективных причин ограничено, данная отрасль вносит свой вклад в экономику государств Арктической зоны, и этот вклад постоянно растет (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Соотношение объемов туристского потока и доходов от предоставления туристических услуг на арктических территориях в 2011-2020 гг.
The ratio of the volume of tourist flow and income from the provision of tourist services in the Arctic territories in 2011-2020

Страна	Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г
Дания	турпоток, тыс. чел.	134	144	154	159	162	167	175	186	198	148
	доходы, млн долл.	318	343	378	392	407	425	502	518	567	367
Исландия	турпоток, тыс. чел.	569	673	807	997	1289	1792	2246	2343	2013	704
	доходы, млн долл.	751	865	1078	1375	1618	2411	3024	3128	3372	1214
Канада	турпоток, тыс. чел.	300	313	363	300	389	427	442	557	603	312
	доходы, млн долл.	288	291	339	336	371	425	482	613	648	307
Норвегия	турпоток, тыс. чел.	467	478	496	508	712	1103	1627	2245	2877	1083
	доходы, млн долл.	1078	1156	1208	1365	1412	1498	1506	1786	2258	1227
Россия	турпоток, тыс. чел.	795	834	876	788	801	952	1013	1145	1172	904
	доходы, млн долл.	257	244	228	148	132	123	148	121	127	103

США	турпоток, тыс. чел.	1801	1853	1957	1933	2067	2173	2243	2347	2536	1723
	доходы, млн долл.	1617	1654	1698	1756	1793	1834	1895	1922	2308	1802
Финляндия	турпоток, тыс. чел.	897	925	987	1023	1082	1154	1178	1254	1302	996
	доходы, млн долл.	588	687	754	813	862	906	988	1053	1167	802
Швеция	турпоток, тыс. чел.	546	588	592	612	657	692	704	734	761	558
	доходы, млн долл.	545,7	598,7	602,4	628,3	671,5	703,2	705,7	722,9	800,3	600,2

Источник: Мировой атлас данных». Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги. – URL: https://knoema.ru/atlas/topics/Туризм/Прямой-вклад-туризма-в-ВВП/Travel-and-tourism-direct-contribution-to-GDP-LCU

Source: World Data Atlas. World and regional statistics, national data, maps and rankings. – URL: https://knoema.ru/atlas/topics/Tourism/Tourism-direct-contribution-to-GDP/Travel-and-tourism-direct-contribution-to-GDP-LCU

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 2, динамика изменения турпотоков неравномерна, однако в целом демонстрирует значительный рост, особенно в последние пять-шесть лет. Наиболее динамичный рост посещений отмечен в Норвегии (шестикратное увеличение турпотока за рассматриваемый период, лидер по количеству посещений), Исландии (рост в 3,5 раза) и Канаде (удвоение потока). Поступательный рост турпотоков, хоть и со средними темпами увеличения, характерен для датских арктических территорий в Гренландии (47,7 %), для России (47,4 %), Финляндии (45,2 %), США (40,8 %), Швеции (39,4 %). Следует отметить, что приводимые здесь темпы прироста рассчитаны на 2019 г., до пандемии COVID-19, влияние которой отразилось негативно на показателях динамики развития арктического туризма всех стран. Что касается общих масштабов туристских потоков, лидерами в привлечении туристов на протяжении как минимум последних 10 лет являются США (несмотря на то, что арктический туризм там ограничен

одним штатом Аляска). Минимальные турпотоки, несмотря на прирост, в датской Гренландии (рис. 2).

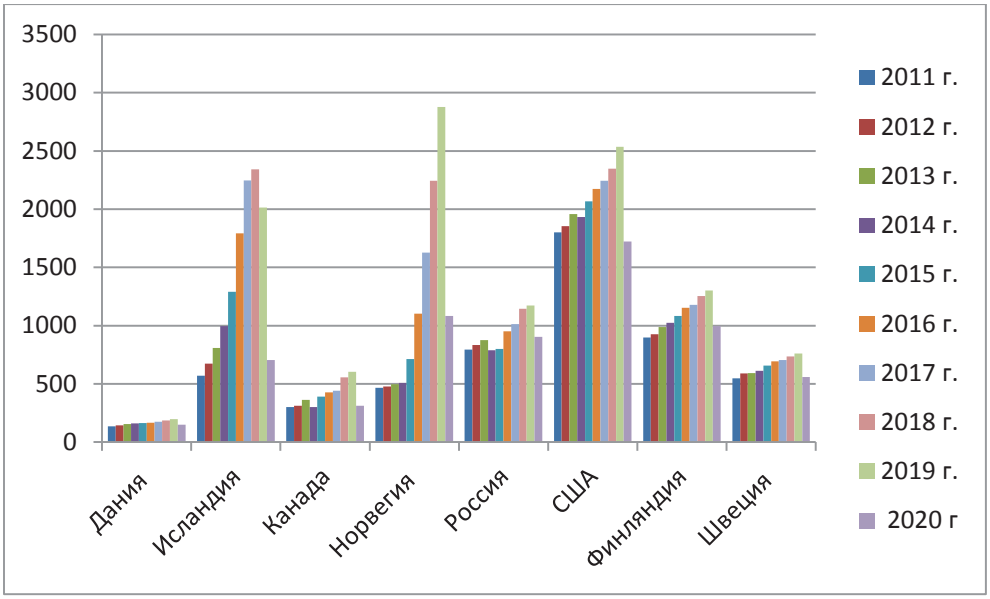


Рис. 2. Динамика туристического потока в арктических регионах, тыс. чел.
Источник: «Мировой атлас данных». Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги

Pic. 2. Dynamics of the tourist flow in the Arctic regions, thousand people
Source: World Data Atlas. World and regional statistics, national data, maps and rankings

Что касается денежных поступлений от осуществления туристской деятельности (рис.3), в последнее десятилетие (в допандемийный период) отмечался их неуклонный рост. Прямой корреляции между объемом турпотоков и доходами от реализации туристских услуг нет, хотя общая тенденция, безусловно, соответствует. Больше всего на арктическом туризме зарабатывает Исландия. Для этой страны сфера туризма в последние годы становится частью стратегических интересов развития экономики. Направления и механизмы развития арктического туризма в Исландии определяет «Долгосрочная стратегия развития туристической отрасли Исландии», рассчитанная на 2013–2030 гг., координируют которую Комитет по делам Арктики Министерства иностранных дел Исландии, а также комитет туризма в Министерстве промышленности и инноваций. Судя по достигнутым результатам, данная стратегия реализуется очень успешно. США также сохраняет свои позиции в числе

лидеров и продолжает наращивать потенциал. Норвегия, видимо, делает ставку на популяризацию туризма более, чем на увеличение прибыли, т. к. рост доходов существенно отстает в сравнении с ростом посещений, хотя остается на высоком уровне и продолжает расти.

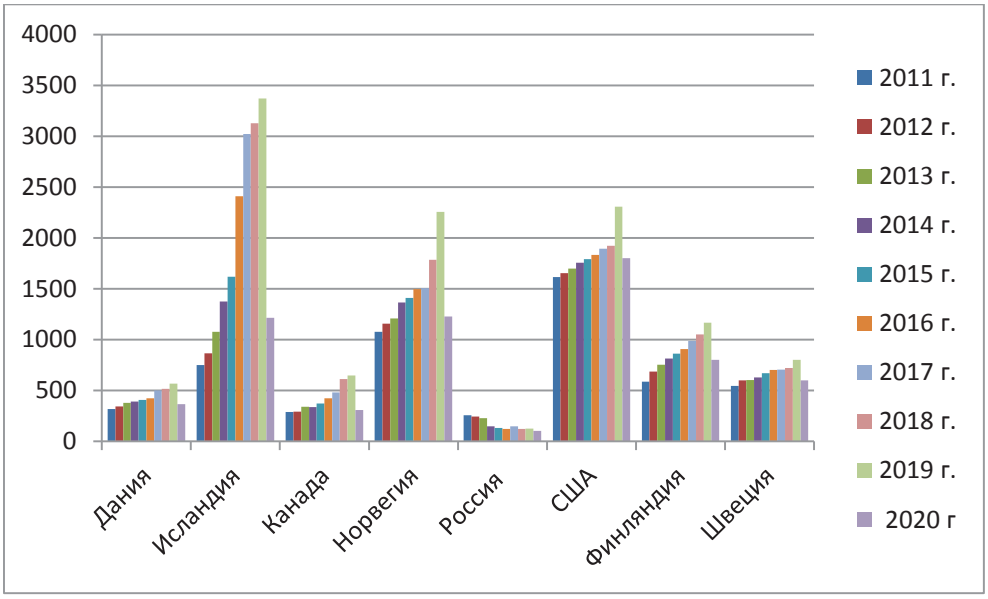


Рис. 3. Доходы от туризма в арктических регионах, млн долл.
Источник: «Мировой атлас данных». Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги

Pic. 3. Income from tourism in the Arctic regions, million dollars
Source: World Data Atlas. World and regional statistics, national data, maps and rankings

Меньше всего на арктическом туризме зарабатывает Россия, к тому же на графике (рис.3) отмечается резкое снижение доходов – на 35 % в 2014 г. по сравнению с 2013 г., несмотря на рост числа туристов. Однако отметим, что данные здесь представлены в долларовом эквиваленте, и такое падение может объясняться просто изменением курса национальной валюты в соответствующем периоде. Тем не менее российский арктический туризм по сравнению с другими странами пока отстает по уровню комфортности, разнообразию предлагаемого турпродукта, транспортной доступности локаций, инфраструктурному обеспечению маршрутов. Тем не менее объем турпотока свидетельствует о востребованности данного вида услуг в нашей стране, а следовательно, о потенциальных возможностях развития арктического туризма.

Однако у такой сферы деятельности, как туризм, есть немаловажная особенность – зависимость от внешней среды. Как уже упоминалось выше, ограничения, введенные в связи с пандемией COVID-19, привели к резкому сокращению как количества посещений, так и, соответственно, объемов доходов от арктического туризма (рис. 4).

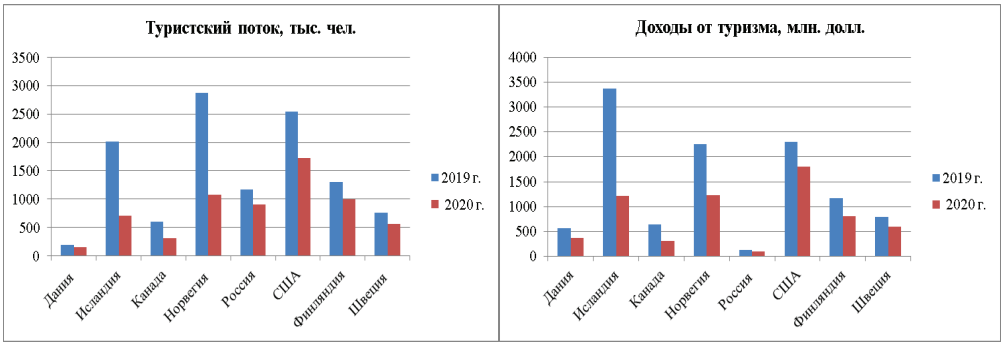


Рис. 4. Изменение основных показателей туристской деятельности на арктических территориях под влиянием пандемии COVID-19
Источник: «Мировой атлас данных». Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги
Pic. 4. Changes in key indicators of tourism activity in the Arctic territories under the influence of the COVID-19 pandemic
Source: World Data Atlas. World and regional statistics, national data, maps and rankings

Сокращение числа посещений в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составило 23–27 % у части стран (России, Финляндии, Дании и Швеции), 32 % у США, 48 % у Канады и 62–65 % у Норвегии и Исландии соответственно. Снижение доходов произошло в пределах 19–25 % у России, США, Швеции, на 31–35 % у Финляндии и Дании, почти на 46 % у Норвегии, на 52,6 % у Канады и на 64 % у Исландии. Примечательно, что при более значительном сокращении числа посещений, на уровне доходов США это отразилось меньше – падение на 21,9 %. Наиболее пострадавшими от пандемии в финансовом плане оказались туристская сфера Норвегии (падение доходов в 1,8 раза), Канады (в 2,1 раза) и более всего Исландии (в 2,8 раза), что неудивительно, т. к. именно у этой страны практически все доходы обеспечивал въездной туризм при отсутствии внутреннего.

Заключение

Полярный туризм в Арктике в настоящее время постепенно превращается в сектор экономики, который представляет собой важный

источник дохода для растущего числа заинтересованных лиц, в том числе местного населения. Для некоторых стран, например, Исландии, туристическая отрасль стала одним из наиболее значимых источников формирования доходов, и поэтому регулируется государством. В других арктических государствах, таких как Норвегия или Финляндия, арктический туризм является важным компонентом не только экономики, но и традиций, культуры. В Гренландии, Канаде, США и Швеции арктический туризм расширяется и продвигается на фоне растущего спроса. В России перспективы развития российского арктического туризма будут зависеть от изменения общей макроэкономической среды, поиска новых областей сотрудничества бизнеса и государства, вовлечения местных общин в индустрию туризма [11, с. 54], а также развития инфраструктуры. Как отмечают Т. А. Баяскаланова и ее соавторы, «разнообразие и количество туров различаются в зависимости от региона и имеют сильные корреляции с уровнем развития инфраструктуры. Менее привлекательные, но более доступные природные заповедники имеют большее количество туров и, как следствие, туристов» [2, с. 114].

Однако эти экономические преимущества, в свою очередь, привносят определенный конфликтный потенциал и ставят на повестку дня вопрос о том, как эффективнее всего совмещать туризм с защитой и сохранением экологии северных территорий. Большая часть негативного воздействия полярного туризма связана с вредными для климата выбросами парниковых газов круизными лайнерами и воздушным транспортом. В дополнение к выхлопным газам, суда производят различные виды сточных вод. Однако в случае аварии загрязнение морей еще серьезнее, т. к. значительные количества горюче-смазочных материалов, а также других вредных жидкостей бесконтрольно выбрасываются в море, где они разрушаются очень медленно из-за климатических условий. Помимо кораблей, воздух, воду, снег и лед на месте загрязняют двигатели надувных лодок, которые доставляют туристов на берег. Корабли и двигатели генерируют звуковые волны и волны давления, оказывающие негативное воздействие на морских млекопитающих. Изменение окружающей среды может в итоге иметь отрицательные последствия и для образа жизни коренного населения.

Помимо круизных экспедиций индивидуальные туристические поездки также оказывают негативное влияние на полярную среду. Индивидуальных туристов сложно проконтролировать в отношении соблюдения местных правил поведения, поскольку они часто путешествуют без сопровождающих, специально обученных для деятельности

в полярных регионах. Туристы также рискуют собственной безопасностью из-за отсутствия подготовки, оборудования и тех, кто мог бы обеспечить помощь в случае необходимости. Индивидуальные и приключенческие туры все активнее рекламируются в средствах массовой информации и социальных сетях, на них увеличивается спрос. Туристический интерес также означает большую потребность в объектах наземной инфраструктуры. Миф о первозданной природе и уединении, ради которых люди едут в полярные регионы, в некоторых регионах уже приходится поддерживать искусственно из-за увеличения потока туристов.

На этом этапе развития снова приобретает актуальность понятие «устойчивый туризм», возникшее в рамках глобальной концепции устойчивого развития, сформулированной в 1987 г.

Устойчивость в туризме означает:

– рациональное использование природного и культурного потенциала на основе программно-целевого подхода к развитию туризма;

– переход предприятий туризма на ресурсосберегающие технологии, сокращение производственных отходов;

– вовлечение местного населения в процесс принятия решений;

– партнерство во взаимоотношениях общественного и частного секторов;

– содействие туризма социально-экономическому развитию территорий.

Принципы устойчивого развития в практике туристской деятельности должны активно внедряться по мере расширения потребительского спроса. В данной связи большое значение имеет контроль государства и общества за охраной окружающей среды, совершенствование природоохранного законодательства, повышение экологической сознательности туристов, оперативное реагирование в случае возникновения экологических проблем в регионе и т. д. [7, с. 43].

В России, как показывают статистические данные, арктический туризм развит относительно слабо, его доля в доходах регионов, влияние на местную экономику пока невелики. По заявлению замминистра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. В. Крутикова [5], Арктику посещают менее 1 % от общего количества туристов в России. Однако в утвержденной в 2020 г. «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [15] развитию туризма в субъектах арктической зоны РФ уделяется самое пристальное внимание. В рамках документа обозначены развитие международного сотрудничества и делового туризма

в Арктике, создание туристско-рекреационных кластеров в муниципальных образованиях Мурманской области, Ямало-Ненецкого АО, Красноярского края, развитие культурно-этнографического и культурно-исторического туристического кластера, а также формирование кластера активного природного туризма в Республике Коми, развитие научного, культурно-этнографического и экспедиционного туристического кластера в Республике Саха (Якутия), развитие круизного арктического туризма в Чукотском АО, развитие культурно-познавательного, этнографического и экологического туристического кластера на арктических территориях и морского круизного туризма в Архангельской области. Учитывая обозначенные перспективы, подразумевающие увеличение спроса на арктический туризм, возникает необходимость разработки превентивных мер и направлений обеспечения устойчивого развития территорий российской Арктики, ограничивающих стремление добиваться массовости и доходности арктического туризма на любых условиях без учета долгосрочного воздействия на экологическую, культурную и социальную среду.

Литература

1. Арктика как территория и туристическое направление. – URL: https://tourism.gov.ru/contents/analytics/arktik_tourism/arktika-kak-territoriya-i-turisticheskoe-napravlenie/ (дата обращения: 08.06.2022).
2. Баяскаланова, Т. А. Туризм в российской Арктике: проблемы и возможности развития / Т. А. Баяскаланова, М. В. Куклина, В. Н. Богданов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2020. – Т.14, № 1. – С. 109–119.
3. Бертош, А. А. Арктический туризм: концептуальные черты и особенности / А. А. Бертош // Труды Кольского научного центра РАН. – 2019. – Т. 10, № 7-17. – С. 169–180.
4. Жданов, С. А. Инновационный потенциал развития туристического кластера / С. А. Жданов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 5 (74). – С. 53–57.
5. Интерфакс Туризм. – URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70506/ (дата обращения: 08.09.2022).
6. Кострюкова, О. Н. Туризм как эффективный инструмент диалога культур и цивилизаций в современном обществе / О. Н. Кострюкова // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2012. – № 3. – С. 28–34.
7. Логунцова, И. В. Особенности развития туризма в Арктической зоне

России / И. В. Логунцова // Государственное управление. Электронный вестник. – Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2021. – № 87. – С. 39–47.
8. Лукин, Ю. Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы / Ю. Ф. Лукин // Арктика и Север. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2016. – № 23. – С. 96–123.
9. Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги. – URL: https://knoema.ru/atlas/topics/Туризм/Прямой-вклад-туризма-в-ВВП/Travel-and-tourism-direct-contribution-to-GDP-LCU (дата обращения: 16.06.2022).
10. Национальный стандарт Российской Федерации. Арктический туризм. Дата введения 2022-06-30. Разработан Федеральным агентством по туризму (Ростуризм). – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200182007 (дата обращения: 08.09.2022).
11. Нифонтова, А. А. Арктический туризм в Финляндии и России: проблемы и направления развития / А. А. Нифонтова // Актуальные вопросы науки 2021. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. – 2021. – С. 51–54.
12. Северный туризм: понятие и классификация. Часть 3. – URL: https://www.bygeo.ru/novosti/vse-ob-otdyhe-i-tyrizme/2816-severnyy-turizm-ponyatie-i-klassifikaciya-chast-3.html (дата обращения: 05.09.2022).
13. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/90017 (дата обращения: 03.09.2022).
14. Сравнительная характеристика психоцентриков и аллоцентриков. – URL: https://helpiks.org/4-17595.html (дата обращения: 04.09.2022).
15. Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 12.11.2021) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/(дата обращения: 04.09.2022).
16. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 28.05.2022) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 24.08.2022).
17. Higgins-Desbiolles, F. More than an «industry»: The forgotten power of tourism as a social force. // Tourism management. – 2006. – № 27 (6). – P. 1192–1208. – URL: https://altruvistas.com/wp-content/uploads/2013/12/Power-of-tourism.pdf (дата обращения: 03.09.2022).

18. Ivolga, A. Innovation-Driven Growth of Tourist Destinations in the Russian Arctic / A. Ivolga, A. Trukhachev, Yu. Elfimova // Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. – 2019. – P.25. – URL: https://www.igi-global.com/chapter/innovation-driven-growth-of-tourist-destinations-in-the-russian-arctic/218615 (дата обращения: 04.09.2022).
19. Tourism in Polar Regions. Fact sheet. – German Arctic Office, April 2021. – URL: https://www.arctic-office.de/fileadmin/user_upload/www.arctic-office.de/PDF (дата обращения: 07.09.2022).
20. UNWTO. World Tourism Barometer (Russian version). – URL: https://www.e-unwto.org/loi/wtobarometerrus?expanded=d2010 (дата обращения: 07.06.2022).

References

1. The Arctic as a territory and tourist destination. – URL: https://tourism.gov.ru/contents/analytics/arktik_tourism/arktika-kak-territoriya-i-turisticheskoe-napravlenie/ (date of access: 06/08/2022).
2. Bayaskalova, T. A. Tourism in the Russian Arctic: problems and opportunities for development / T. A. Bayaskalova, M. V. Kuklina, V. N. Bogdanov // Modern problems of service and tourism. – 2020. – T.14, No. 1. – P. 109–119.
3. Bertosh, A. A. Arctic tourism: conceptual features and features / A. A. Bertosh // Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – T. 10, No. 7–17. – P. 169–180.
4. Zhdanov, S. A. Innovative potential for the development of the tourism cluster / S. A. Zhdanov // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. – 2018. – No. 5 (74). – P. 53–57.
5. Interfax Tourism. – URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70506/ (date of access: 09/08/2022).
6. Kostryukova, O. N. Tourism as an effective tool for the dialogue of cultures and civilizations in modern society / O. N. Kostryukova // Bulletin of the Association of Higher Educational Institutions of Tourism and Service. – 2012. – No. 3. – P. 28–34.
7. Loguntsova, I. V. Peculiarities of tourism development in the Arctic zone of Russia / I. V. Loguntsova // Public administration. Electronic Bulletin. – Moscow : Moscow State University. M. V. Lomonosov, 2021. – No. 87. – P. 39–47.
8. Lukin, Yu. F. Arctic tourism: rating of regions, opportunities and threats / Yu. F. Lukin // Arctic and North. – Arkhangelsk : Northern (Arctic) Federal University. M. V. Lomonosov, 2016. – No. 23. – P. 96–123.

9. World Data Atlas. World and regional statistics, national data, maps and rankings. – URL: https://knoema.ru/atlas/topics/Tourism/Tourism-direct-contribution-to-GDP/Travel-and-tourism-direct-contribution-to-GDP-LCU (date of access: 06/16/2022).
10. National standard of the Russian Federation. Arctic tourism. Introduction date 2022-06-30. Developed by the Federal Agency for Tourism (Rostourism). – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200182007 (date of access: 09/08/2022).
11. Nifontova, A. A. Arctic tourism in Finland and Russia: problems and directions of development / A. A. Nifontova // Topical issues of science 2021. Collection of articles of the International Research Competition. – 2021. – P. 51–54.
12. Northern tourism: concept and classification. Part 3. – URL: https://www.bygeo.ru/novosti/vse-ob-otdyhe-i-tyrizme/2816-severnyy-turizm-ponyatie-i-klassifikaciya-chast-3.html (date of access: 09/05/2022).
13. Dictionaries and encyclopedias at Academician. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/90017 (date of access: 09/03/2022).
14. Comparative characteristics of psychocentrics and allocentrics. – URL: https://helpiks.org/4-17595.html (date of access: 09/04/2022).
15. Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 N 645 (as amended on November 12, 2021) «On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period until 2035». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (date of access: 09/04/2022).
16. Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 (as amended on May 28, 2022) «On the Fundamentals of Tourism Activities in the Russian Federation». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (date of access: 08/24/2022).
17. Higgins-Desbiolles, F. More than an «industry»: The forgotten power of tourism as a social force. // Tourism management. – 2006. – No. 27 (6). – P. 1192–1208. – URL: https://altruvistas.com/wp-content/uploads/2013/12/Power-of-tourism.pdf (accessed 09/03/2022).
18. Ivolga, A. Innovation-Driven Growth of Tourist Destinations in the Russian Arctic / A. Ivolga, A. Trukhachev, Yu. Elfimova // Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic. – 2019. – P.25. – URL: https://www.igi-global.com/chapter/innovation-driven-growth-of-tourist-destinations-in-the-russian-arctic/218615 (accessed 09/04/2022).
19. Tourism in Polar Regions. fact sheet. – German Arctic Office, April 2021. – URL: https://www.arctic-office.de/fileadmin/user_upload/www.arctic-office.de/PDF (accessed 09/07/2022).

20. UNWTO. World Tourism Barometer (Russian version). – URL: https://www.e-unwto.org/loi/wtobarometerrus?expanded=d2010 (date of access: 06/07/2022).

Сведения об авторе

НОЕВА Елена Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры экономики и финансов Финансово-экономического института, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: noevga@mail.ru

NOEVA, *Elena Evgenyevna* – Senior Lecturer of the Department Economy and Finance, Financial and economic institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-27
DOI 10.25587/SVFU.2022.72.43.004

Т. А. Бердникова, А. Г. Николаева
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail:berrdnikovata@mail.ru; e-mail: likalika.ten999@mail.ru

Фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре Якутии

Аннотация. Для современного языкознания главным является изучение языка в тесной связи с человеком и с его сознанием, при этом анализ языковых фактов осуществляется во взаимодействии с языковой личностью. Большое внимание в современных исследованиях уделено изучению национально-культурных особенностей языкового сознания представителей различных этносов. Намного реже встречаются работы, где продемонстрированы факты региональных национально-культурных особенностей, что возможно сделать только на материале территориальных/региональных разновидностях национальных языков и диалектных данных. В статье рассматриваются семантические группировки фразеологизмов на материале русского нижнеиндигирского старожильческого говора на территории Республики Саха (Якутия). Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной изученностью и описанием фразеологических единиц в русских старожильческих говорах вообще и на территории Якутии в частности. На сегодняшний день с уверенность можно констатировать наличие некоторых семантических фразеологических групп для последующего объединения их на уровне поля. Целью данной работы является выделение и описание фразеосемантических полей в говоре русских старожилов Арктики на нижней Индигирке. С помощью методов прямого наблюдения (полевые наблюдения и записи), сплошной выборки из диалектных словарей различных типов, описательного метода и метода сравнительного анализа удалось выявить и распределить отобранные фразеологические единицы по семантическим полям; описать устройство самих полей, их сходства и различия

между собой. Особый уклад жизни жителей нижней Индигирки, так называемый «полярный вариант русской культуры», непосредственно повлиял на наличие культурно-национальных коннотаций в образе диалектных фразеологизмов. Субэтническая группа русских старожилов на Индигирке, пройдя долгий путь формирования, представляет собой уникальный случай многовекового взаимодействия с коренными народами Северо-Востока страны, сохранив при этом свою национальную и культурную самобытность, что в том числе отражено и во фразеологических единицах. В статье рассмотрены фразеосемантические поля ‘погодные условия’ и ‘трудовая, хозяйственная деятельность’.
Ключевые слова: язык, культура, фразеология, семантика, поле, семантические поля, фразеологические поля, диалект, русский старожильческий говор, национально-культурная специфика.

Для цитирования: Бердникова Т. А., Николаева А. Г. Фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 60–82.

T. A. Berdnikova, A. G. Nikolaeva
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: berrdnikovata@mail.ru; e-mail: likalika.ten999@mail.ru

Phraseosemantic fields in the Nizhneindigirsky old-timer dialect of Yakutia

Abstract. For modern linguistics, the main thing is the study of language in close connection with a person and his consciousness, while the analysis of linguistic facts is carried out in interaction with a linguistic personality. Much attention in modern research is paid to the study of national and cultural characteristics of the linguistic consciousness of representatives of various ethnic groups. Much less common are works that demonstrate the facts of regional national and cultural characteristics, which can only be done on the basis of territorial/regional varieties of national languages and dialect data. The article deals with semantic groupings of phraseological units based on the Russian Nizhneindigirsky old-timer dialect in the territory of the Republic of Sakha (Yakutia). The relevance of this article is due to the insufficient study and description of phraseological units in Russian old-timer dialects in general and on the territory of Yakutia in particular. Today, we can confidently state the presence of some semantic phraseological groups

for their subsequent combination at the field level. The purpose of this work is the principles of identifying and describing phraseological-semantic fields in the dialect of Russian old-timers of the Arctic in Indigirka. With the help of direct observation methods (field observations and records), continuous sampling from dialect dictionaries of various types, the descriptive method and the method of comparative analysis, it was possible to distribute the selected phraseological units by semantic fields; describe the structure of the fields themselves, their similarities and differences among themselves. The special way of life of the inhabitants of the lower Indigirka, the so-called «polar version of Russian culture», directly influenced the presence of cultural and national connotations in the form of dialect phraseological units. The sub-ethnic group of Russian old-timers on Indigirka, having gone a long way of formation, is a unique case of centuries-old interaction with the indigenous peoples of the North-East of the country, while maintaining its national and cultural identity, which is also reflected in phraseological units. The article deals with phraseosemantic fields ‘weather conditions’ and ‘labor, economic activities’.
Keywords: language, culture, phraseology, semantics, field, semantic fields, phraseological fields, dialect, Russian old-timer dialect, national and cultural specificity.

For citation: Berdnikova T. A., Nikolaeva A. G**.** Phraseosemantic fields in the Nizhneindigirsky old-timer dialect of Yakutia // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 60–82. (In Russ.)

Введение

Русский национальный язык представляет собой сложную иерархическую систему, включающую в себя диалектный и литературный язык в его письменной и устной формах.

Русский язык с самого начала его бытования по всей Сибири, в том числе и в Якутии, был не литературным, а диалектным [17, с. 15]. Со времен вхождения Якутии в состав России на ее территории формировалось русское старожильческое население. Термин «старожильческий говор Сибири» был сформулирован О. И. Блиновой в 1971 г. Под ним принято понимать «такой говор Сибири, который характеризуется совокупностью фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, выявленных на основе изучения речи потомков стародавнего населения Сибири (XVI – первая половина XVIII вв.) и имеющих общесибирское распространение» [1, с. 3]. В низовьях Лены, на Оленьке, Индигирке,

Колыме основную массу переселенцев составляли уроженцы северо-западных русских земель: устюжане, усольцы, мезенцы, колмогорцы, белозерцы, для речи которых характерны, например, оканье, г смычное и др. особенности северного наречия. Севернорусская основа говоров территорий позднейшего заселения проявляется и на лексическом уровне, это касается всех тематических групп: названий явлений природы, растительного и животного мира (зарод, горбуша, калтус); предметов быта (зыбка, лопоть); названий построек и их части (связь, сенница, заплот); названия домашней утвари и посуды (пестерь, корчага); названия одежды и обуви (сукманка, обутки, чарки); названия пищи, времена приема еды (ячмен, паужин) и др. [5]. Как и в любом северном русском говоре и образованных на их основе вторичных говорах, в лексике русских в арктической Якутии присутствуют финно-угорские по происхождению слова, например, вадига из коми-зырянского, едома из финского, лыва из карельского, няша из коми-зырянского, тайбола из финского и т. д. [22].

На сегодняшний день потомки русских старожилов проживают во всех 35 улусах Якутии, на реке Индигирке в Аллаиховском улусе компактно – в поселке Русское Устье и улусном центре – поселке Чокурдах.

Теснейшее взаимодействие с коренными северными народами привело к появлению собственных языковых черт у русских жителей Индигирки, многие из которых сохраняются в речи старшего поколения и до настоящего времени. Старожилы называют себя индигирцами, местнорусскими, по названию поселка – русскоустьинцами или полярнинцами (в советское время, с 1942 по 1987 гг., основное место проживания русских старожилов было переименовано в поселок Полярный, позднее историческое название – Русское Устье – было возвращено). Диалект, на котором говорят старожилы, в научной литературе обозначен как нижнеиндигирский или русскоустьинский.

Фразеология русскоустьинского говора представляет собой совокупность фразеологических единиц, состоящую из общерусских фразеологизмов, вариантов общерусских фразеологизмов и собственно диалектных единиц. Вопрос о соотношении пластов фразеологических единиц с точки зрения их происхождения остается открытым и еще ждет своего решения в рамках сравнительных исследований.

С помощью методов наблюдения и сплошной выборки были отобраны единицы, находящиеся в говоре в системных отношениях и обладающие общностью семантики и общностью выражения понятия. Так были сформированы поля ‘погодные условия’, ‘трудовая, хозяйственная деятельность’, ‘суеверия и обычаи’, ‘характер человека’, ‘состояние

человека, болезни', 'мифические существа', 'одежда'. Диалектные фразеологические единицы описаны в рамках теории семантического поля.

Основная часть

Начиная с XIX в., в языкознании разрабатывалась теория поля, что спустя два века стало основной важной категорией лингвистики. Термин поле чаще всего используют для обозначения совокупности языковых единиц, которые объединены каким-то общим для всех семантическим признаком. Изначально в роли таких единиц рассматривали единицы, принадлежащие только лексическому уровню – слова; позже появились семантические поля, которые включали словосочетания и развернутые предложения.

Само понятие поля в лингвистике трактуется неоднозначно (работы Ю. Н. Караулова, Г. С. Щура, А. А. Уфимцевой и др.), и до сих пор нет единого мнения о происхождении поля, его объеме и составе, структурной организации и др.

В 1924 г. вышла работа Г. Ипсена, где он определял семантическое поле, как «совокупность слов, обладающих общим значением», после чего понятие семантического поля активно распространилось в научных исследованиях. Взгляды ученых на принцип внутренней организации семантического поля во многом совпадают: в структуре поля обычно выделяется ядро, центр и периферия, поля могут взаимодействовать между собой. Современные исследования относительно семантических полей также касаются таких аспектов, как участие семантических полей в создании языковой картины мира, семантические поля в разных языках сравниваются, разрабатываются принципы выделения полей разных типов, в том числе фразеологических.

Фразеологические поля рассматриваются как совокупность фразеологических единиц, выражающих сходное значение [19]. Фразеология – это эмоционально-окрашенный, прагматически значимый компонент семантического поля. Зачастую фразеологизмы дают более детальную, развернутую характеристику объекта номинации, чем семантически близкие лексемы, а иногда называют или характеризуют явления, для которых в лексике нет наименования.

Под термином «фразеосемантическое поле» мы понимаем совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определенных системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия. Совмещение в содержании фразеологических единиц номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать фразеологизмы

для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а также для выражения эмоционального отношения к предмету мысли [7, с. 198–210].

Фразеосемантическое поле, как и любое другое поле, имеет собственную структуру, состоящую из ядра и периферии, где ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. Единицы, составляющие ядерную зону, систематически используются для выполнения функций поля и выполняют их наиболее однозначно. Периферию составляют единицы, осложненные дополнительными смыслами и способные выполнять не единственную функцию [17, с. 85–86].

Единицы литературного языка с точки зрения объединения во фразеосемантические поля изучены достаточно подробно. Народная фразеология также интенсивно описывается, но при этом особое внимание исследователями уделяется формальной (структура, варьирование), этимологической и этнокультурной сторонам диалектной фразеологической единицы. Лишь в конце XX в. – начале XXI в. интерес к способам группировки фактов диалектной фразеологии возрастает, что можно объяснить общей тенденцией к антропоцентрической парадигме в языкознании. Делаются попытки описать отдельные фрагменты русской языковой картины как неотъемлемой части русского национального языка. Именно диалектная фразеология как кладезь народной мудрости может пролить свет на многие вопросы национального образа жизни, т. к. опирается не на богатую литературную традицию, а на культуру отдельного социума.

Б. А. Ларин отмечал, что фразеологизмы являются отражением воззрения народа, общественного строя, идеологии своей эпохи [6, с. 43]. Так или иначе, фразеологические единицы в своей семантике отражают культуру народа, ее специфику, отмечают и передают следующему поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

Фразеологизмы по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации [6, с. 82].

Как утверждает В. Н. Телия, состав языка во фразеологии – это зеркало, которое отражает национальную самобытность лингвокультурной общности, именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации [6, с. 82]. Особенно ярко это выражается во фразеологизмах, связанных с традициями и обычаями народа.

Рассмотрим некоторые фразеосемантические поля в нижнеиндигирском (русскоустьинском) говоре.

Фразеосемантическое поле ‘погодные условия’

Быт и повседневная практика жителей Арктики напрямую связаны с климатическими и природными условиями, что, несомненно, повлияло на формирование лексики и фразеологии русскоустьинского диалекта. «Анализируя роль природных явлений в жизни человека, можно отметить, что общее состояние погоды, ветер, температура окружающего воздуха – все это было очень значимо для человека и, естественно, отражалось в языке» [12, с. 141].

Поле состоит из фразеологических единиц с общим значением ‘погодные условия’, которые были разделены на более мелкие образования – фразеосемантические группы.

Фразеосемантическая группа ‘ветреная погода’

В этой группе объединены такие единицы, как *большая погода, буря упала, погода упала, временная погода, по плесу дуть, погода дурная, пурга темная, пурга темная да темная, ременная пурга, пурга гнев гневная.*

К опорным компонентам *погода* или *пурга* добавляются характеризующие прилагательные, которые чаще всего указывают на ухудшение погодных условий: *большая погода, временная погода, пурга темная, пурга темная да темная, ременная пурга, временная пурга.*

Темная пурга – очень сильная метель с ветрами, то же, что пурга гнев-гневная. – *Когда снег падает мороком, густо, облака все задернет, это мы называем пурга темная (РУ. Фед.)*[1] [6, с. 244]. В примере можно заметить устаревшее слово *морок* ‘мрачный, мрак’. Несомненно, это указывает на ухудшение погоды, надвигается очень сильная пурга, что даже все вокруг погружается во мрак. В словаре В. И. Даля ‘морока’ – мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха; | марево, мгла, сухой туман [4].

Пурга темная да темная – очень сильная метель с ветрами, то же, что пурга гнев-гневная, пурга темная. – *Темная да темная пурга – это страсная, шибко метет, никого да не видно, кругом да густая пыль. В сендухе в это время пыль снежная (РУ. Стар. Кос.).* В этом случае при описании очень сильной пурги употребляется лексический повтор с соединительным союзом: *темная да темная.*

[1] При приведении примера используется тот же способ указания на место фиксации, что и в словаре М. Ф. Дружининой «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии. Материалы для словаря».

Еще две единицы, образованные по модели существительное + прилагательное: *временная пурга, ременная пурга*. В первом случае временная пурга – сильная непогода, после которой резко наступает затишье. – *Мы тогды отъехали от поселка рано утром, вдруг, брат, временная пурга упала. Ну мольча гнев! Прамо переднюю собачку не видно. (РУ. Кос. Лаб.)*. Второе сочетание *ременная пурга* употребляется в значении ‘сильная пурга с холодным ветром’. – *Ременная пурга – это шибко сильная пурга, с сильным и холодным ветром пурга (РУ. Стан. Як. Ж.)*. Несмотря на схожую модель и структуру, значения существенно отличаются друг от друга. *Временная пурга* – непостоянное явление, которое длится некоторое время и исчезает, а *ременная пурга* – указывает не на продолжительность, а именно на интенсивность проявления пурги.

В эту же группу входят и ФЕ *большая погода, погода дурная, погода упала.* Значение слова *погода* в русскоустьинском диалекте отличается от общерусского значения – ‘буря, ветер, непогода’. Обратимся к этимологии этого слова. Первоначальным значением у слова *погода* было ‘*хорошее время*’, ‘*хорошая погода*’, которая являлась производным от слова *года* [25], но в дальнейшем это же слово включило в себя и противоположный смысл – *непогода*. В разных русских диалектах слово погода может иметь такие значения, как ‘*общее состояние атмосферы*’, ‘*хорошая погода*’ и как в русскоустьинском диалекте – ‘*плохая погода*’.

Большая погода – пурга, метель с сильными ветрами; то же, что дурная погода, худая погода. – С*егодня большая погода, собакам луче отдыхать, в такую погоду на охоту имя нельзя (РУ. Яр.)*.

Погода дурная – пурга, метель с сильными ветрами; то же, что большая погода, худая погода. – *Сполохи начали играть, однако, это к дурной погоде (РУ. Стар.)*.

Обе эти единицы указывают на плохую погоду в зимнее время. Негативная оценка фразеологизма связана в первую очередь с компонентом *большая,* который указывает на степень проявления действия.

Погода упала – о резком изменении погоды. – *Сполохи заиграли – погода вокшу да упадет (Аллаих. Чок.)*. А в словаре А. Г. Чикачева зафиксировано такое определение значения фразеологизма: *погода упала* – начался ветер, буря и т. п. [23].

Таким образом, слово *погода* в русскоустьинском диалекте имеет иной смысл, отличный как от нейтрального современного общерусского слова, так и от значения в других русских диалектах: в данном говоре слово погода обозначает ‘*ветер, сильную метель со снегом или пургу’* и при этом к нему добавляется прилагательное, которое показывает,

насколько ухудшилась погода, насколько сильный ветер в тот или иной момент.

В группу также входят единицы буря *упала, по плёсу дуть, гнев гневная,* погода опомнилась.

Буря упала – об испортившейся погоде, начале пурги. – *С утра-то хорошо було, собачки легко бежали, а к ночи-то бура (пурга) упала, глаза лепит да не видно стало далеко-то (РУ. Бур. Фед.). С утра пурга, буря упала. Охотникам пояхать никуды (РУ. Кос.)*. Отметим, что глагол *упал* употребляется чаще всего в диалектных сочетаниях в значении ‘начало чего-либо’.

Приведенные примеры показывают, что слова буря и пурга в русскоустьинском говоре обозначают одно и то же явление, и, соответственно, эти слова являются синонимами. В словаре С. И. Ожегова слова имеют разные значения: *буря* определяется как ‘ненастье с сильным разрушительным ветром’, а слово *пурга* – ‘сильная вьюга, снежная буря’. Отсюда можно прийти к заключению, что в литературном русском языке эти слова отличаются по смыслу, в первом случае это ненастье с сильным ветром независимо от времени года, а во втором – именно снежная вьюга [15].

По плёсу дуть – о ветре, дующем против течения реки. – *Ночью ветер-от по плесу дул, собачкам моим бежать в упряжке вокшу чижало було (РУ. Кузьм.). Плесо – это огобень реки, загиб реки, поворот (Аллаих. Осен. Фед.)*, слово имеет общеславянское распространение, ср. укр. плéсо, др.-русск. плесъ, чеш., слвц. pleso ‘глубокое место в воде, озере’ [20].

Гнев гневная – очень сильная метель с ветрами; то же, что пурга темная. – *Пурги-ти бувают страсные, недавно гнев-гневная була (РУ. Як. Ж.)*. Прием лексического повтора в этом контексте используется для усиления восприятия происходящего.

Единственно зафиксированная единица об улучшении состояния атмосферы *погода опомнилась* – погода успокоилась, стала лучше. – *Нонесь погода успокоилась, дамно июле не було такого (Аллаих. РУ)*.

В непосредственной близости к группе ‘ветреная погода’ находится фразеосемантическая группа ‘снежная погода’. Эта группа представлена единицами *валит лахтами, морок мороком стоит, морок мороком идет*.

Валит лахтами – о снегопаде при влажной погоде. – *Всю ночь вроде тихо было. А утром смотрю: густой снег падает, прямо лахтаками валит (РУ. Кузьм. Стан.)*. В состав фразеологизма входит

собственно диалектное слово лахтак ‘большая часть шкуры, материи, бумаги’ [5].

Морок мороком стоит – о погоде перед снегопадом. – *Ветер тянет на мороку, дует, потому холодно, тучи заморочило перед пургой-то, морок мороком стоит (РУ. Лаб.).*

Морок мороком идет – о снегопаде при влажной погоде. – *Когда снег падает (идёт) мороком, облака задёрнет. Это мы называем пурга темная (Лаб. РУ.).*

Слово морок – явно диалектное. В словаре В. И. Даля к этому слову дается следующее определение: мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха; | марево, мгла, сухой туман; | облака, тучи; морочно стало, мрачно, сумрачно, пасмурно [4]. В «Словаре лексики Северо-востока» Г. В. Зотова приведены такие значения однокоренных слов: Морок – туман, сумрак, облачность, ненастье. Морочать – надвигаться сумраку, облачности, туману (Нижнеколымский). Морочно – пасмурно, облачно, мрачно (Усть-Белая, Гижига). Морочный – пасмурный мрачный, облачный (Усть – Белая) [11]. В этимологическом словаре Н. М. Шанского находим: моро́чить. Общеслав. Суф.-преф. образование от *morkъ (> морок) «тьма, мрак». См. морока. Ср. темнить «морочить». В этимологический словаре М. Фасмера – мо́рок ‘мрак, туман’, арханг. (Подв.), колымск. (Богораз), моро́ка ‘густая мгла, сумерки’, укр., блр [25]. Таким образом, в русскоустьинском говоре, скорее всего, произошло сужение значение слова морок – ‘сумрак и туман как следствие надвигающегося снегопада’.

Фразеосемантическая группа ‘дождливая погода’

Характерным для этой группы является то, что в русскоустьинских говорах встречается очень мало выражений со значением дождливой погоды, что, на наш взгляд, прямо отражает непродолжительность северного летнего периода, для особенностей которого в языке нет специальных обозначений. В данной группе выявлено только одна ФЕ с общим значением – *левной дождь*.

Левной дождь – ливень, проливной дождь. – *В Якутске-то, говорат, дождь левной прошёл, дачники пострадали, грядки облило, порушило вокшу да (РУ. Кузьм. Чок.).*

В эту же группу можно добавить фразеологические единицы-варианты, обозначающие последствия обильных дождей: *большая потопа/большая вода*.

Большая потопа/большая вода – наводнение весеннее или после продолжительных дождей, то же, что и большая вода. – *Большая потопа*

приносит дрова-ти к нам, тогда мы имаем, заготовку на зиму делаем (РУ. Осен. Як. Ж.). Дрова-ти большой потопой идет, мы их ловим. Из воды-то вытаскиваем да урусой ставим, а то зимой-то снегом занесет (РУ. Фед. Бур.). После большой воды идёт корневая вода, вторая (РУ. Юрт).

В Русском Устье *большая потопа* – ожидаемое явление, т. к. вода приносит в поселение дрова, которые местные собирают и используют в хозяйстве. Раньше это было традиционное занятие детей – собирать топляк.

На периферии фразеосемантического поля ‘погодные условия’ находятся единицы, указывающие на последствия после таяния снега: *вода корневая/вода верховая.*

Вода корневая/вода верховая – второе водополье от таяния снегов на горах; то же, что верховая вода. – *После большой воды идёт корневая вода, вторая. Она образуется от таяния снегов на горных вершинах (РУ. Юрт. Фед.). Корневая вода она попозднее идёт, когда станет таять снег, лёд на горах (РУ. Осен. Стан. Як. Ж.).*

В говоре зафиксированы единицы, характеризующие зимнюю, холодную погоду: *косткой замерзать, клящий мороз*.

Клящий мороз – сильный, жгучий мороз. – *Холодно було, холонно, прамо клящий мороз тогды. Хорошо, что ветров не було, тихой да жгучий бул мороз-от (РУ. Стан. Як. Ж.).* В толковом словаре В. И. Даля прилагательное клящий, не свойственное современному литературному языку, означает ‘сильный, большой, особ. о морозе’ [4].

Диалектное выражение *косткой замерзать* означает рыхлый, влажный снег, который от мороза с ветром замерзает так, что становится твердым, как кость. Внутренняя форма фразеологизма понятна, но выражена своеобразным диалектным синтаксическим способом.

В русскоустьинском говоре сохранилось выражение для названия сугубо арктического явления – северного сияния. *Сполохи играют* – о северном сиянии. – *В прошлом годе я була как раз в Чокурдахе. Ох, как играли сполохи, цвета менялись прамо под куполом неба (РУ. Лаб.).* Словарь С. И. Ожегова отражает народный характер этого сочетания: *сполохи* – ‘народное название северного сияния, а также зарницы’ [15].

Фразеосемантическое поле ‘трудовая, хозяйственная деятельность’

Во фразеосемантическом поле ‘трудовая, хозяйственная деятельность’ единицы распределены по отдельным фразеосемантическим группам: езда на собаках, ведение хозяйства, приготовление пищи, рыболовство, охота.

Фразеосемантическая группа ‘езда на собаках’

Единицы этой группы отражают особенность русских старожилов Индигирки передвигаться в пространстве тундры на собаках. Езда на собачьих упряжках являлась одним из главных видов транспорта на протяжении столетий в Русском Устье, да и вообще на Северо-Востоке Азии. Такое положение дел сохранялось примерно до середины 80-х гг. прошлого века, когда на смену животным пришли снегоходы.

Сама идея передвижения выражена во фразеологизмах, обязательным компонентом, не всегда стержневым, является глагол: *версты (дороги) промыть (промывать) враз, ехать на духах, кос делать.*

Версты (дороги) промыть (промывать) враз – о безостановочной езде на собаках (оленях) по тундре. – *А собачки-те у нас сильные, привычные, поезжайте. Эти версты до Яру промоете враз (РУ. Пол. Лаб.). И не заметите, как эти версты промоете вряд (РУ. Пол.). На опасных собачках вы поедете, промывать дорогу станете. Промыть дорогу – это когды шибко быстро едут (РУ. Чок.).*

Как видим, в словаре представлены варианты слов-компонентов: верста – дорога. Слово *верста* произошло от общеславянского слова, образовано с помощью суф. -та от той же основы, что и вертеть. Первичное значение – «оборот плуга», затем – «расстояние от одного до другого поворота плуга во время пахоты» и «мера длины» [25]. Но в русскоустьинском говоре произошло сужение значения меры длины, а слова верста и дорога представлены как синонимы.

В словаре М. Ф. Дружининой слово *промывать* в близком нижнеколымском говоре зафиксировано со значением ‘о быстрой езде на собаках’. – *На опасных собачках вы поедете. Промывать станете и не заметите, как эти версты промоете враз (Н.-Кол. Н.-Колым.).*

Ехать на духах – о езде на собачьей упряжке. – *Собаки дух берут издалека, за 50 и более верст. Поселочный дух оне вокшу да хорошо знают, чуют оне, чуют. Оне на духах едут, особенно в сторону поселка (Лаб. Кос. РУ.).*

Кос делать – о езде по ночной тундре на собачках. – *Охотник при езде знает – прамо едет али кос делает (РУ. Кузьм. Лаб.). Мы, охотники, в сендухе прамо могом ехать, могом кос делать поперек застругов тоже (РУ. Бур. Пол. Осен.).*

Диалектное слово *кос* требует пояснения. Вот такое определение дает в «Словаре старожильческих русских говоров на территории Якутии» М. Ф. Дружинина: Кос делать – держать определенное направление при езде по ночной тундре. – *Охотник, когды едет в чёмное время*

по сендухе, аранчир знает, прамо едет или кос делает. Кос он делает по застругам (РУ. Кузьм. Лаб. Кос. Стан.). Прамо могом ехать, могом кос делать, поперёк застругов тоже (Аллаих. Бур. Пол. Осен. Чок.) [5].

Вероятнее всего, слово *кос* было заимствовано из якутского языка, которое в словаре Г. В. Зотова представлено, как: *кёс* – условная мера расстояния, соответствующая примерно десяти километрам [10]. В словаре якутского языка Э. К. Пекарского *кос* – денное расстояние (ср. кудук); якутская миля, 7–10 и даже 12 – верст [16].

Темп движения упряжки выражены с помощью устойчивых выражений *ехать ездой* ‘быстро ехать, торопиться’ и *свару не ослаблять* ‘хорошо идти в упряжке’.

Отметим, что во фразеосемантической группе ‘езда на собаках’ довольно много устойчивых терминологических единиц. В повести «Нена» (что на языке морских ламутов значит ‘собака’) В. М. Зензинов, отбывавший в начале XX в. ссылку в Русском Устье, упоминает о специальных названиях собак: *ездовые собаки* и *промышленные собаки* [9, с. 81].

Особого внимания со стороны хозяина удостаивался *передовик* или *передовая собака* ‘вожак упряжки’. Именно на его чутье в непогоду мог положиться человек, когда дорогу заметало снегом, и только передовик выводил упряжку к жилью. Способность не сбиваться с маршрута в любое время суток и в ненастье выражается в таком фразеологизме, как *гонить след* ‘ехать по проложенному снегу, без дороги’. Единица идти передом отражает важную роль именно ведущей собаки в упряжке. – *А собачка – вожак в упряжке передом идёт. Вожак всегда передом, понимает хорошо каюра, слушается его (Чок. Осен.). Охотники, рыбаки вожака учат – он передом должен ходить (РУ. Стар.).*

По выполняемой функции в упряжке передовика была *тягловая собака* ‘хорошо тянущая в упряжке собака’.

Существовали также специальные названия номинативного характера и для охотничьих собак: вообще для охоты – *промышленная собака* и для охоты на определенного зверя: на медведя – *медвежья собака*, на нерпу – *нерпная собака*.

Название собаки также может варьироваться в зависимости от ее возраста. В говоре существует устойчивое выражение *по первому (второму) алыку* ‘о ездовой собаке в возрасте одно-двух лет’.

Несмотря на всю любовь к животному со стороны русского человека в северных условиях, В. М. Зензинов отмечал, что самыми страшными ругательствами у русскостьинцев, как у собачников, являлись выражения *собачья зараза*, *собачья кила* [10].

На самой периферии группы ‘езда на собаках’ в непосредственной близости к полю ‘погодные условия’ находится единица *переднюю собаку не видать* ‘не видеть что-либо на близком расстоянии’.

Фразеосемантическая группа ‘ведение хозяйства’

В этой группе отдельно можно выделить единицы с общим значением ‘топить печку’: *затеплить огонь, кладом класть, класть огонь, топить огонь*.

Затеплить огонь – затопить печку; то же, что теплить огонь, топить огонь, затеплить печку, класть огонь. – *Сидит он в юрте своей, затеплил огонь. Охотники туды приходют, сами затепляют огонь, рыбу варят, чай пьют (РУ. Бур. Яр.)*.

Первоначальная форма *затепливать* является устаревшим словом со значением ‘топить печь, лампаду’.

Топить огонь – топить печку. – *Коло моря балаганьов, юртышков многоро. Охотники там остановки делают. Зайдут туды и стразу огонь топут и чай варят (РУ. Осен.)*.

Класть огонь – топить печку; то же, что теплить огонь, топить огонь, затеплить печку, затеплить огонь. – *Едешь ноччу, холодно делается, увидишь поварню, идеш туды, стразу огонь класть станешь. Остановку делаешь – огонь класть надо (РУ. Полоус.). В сендухе охотничи юрточки есть, мы туды заходим, огонь кладем, чай варим, мало-мало греемся (РУ. Кузьм. Лаб.)*.

Кладом класть – дрова укладывать в горизонтальном положении в противоположность *ставить урусой*. – *Дрова-чи мы кладем не кладом, а ставим урусой. Урусой-то к нам удобно – снегом не занесет (РУ. Як. Ж. Яр.)*. В этом же случае определяется техника укладывания дров, но ей русскоустьинцы не пользуются, объясняя это тем, что дрова может занести снегом, такая техника не совсем удобная и практичная.

Есть в говоре единицы, которые отражают особенности женского рукоделия: *засмолить чернотой, класть (накладывать) обделки*.

Засмолить чернотой – зачернить, в черный цвет закрасить что-либо; закоптить дымом выделанную шкуру оленя. – *Сперва-то мы выделанную шкуру держим на дыму, засмолим чернотой кожу, потом шьём чё надо (РУ. Яр. Осен.)*.

Класть (накладывать) обделки – делать украшения на чем-либо, украшать. – *Обделки клали на платье для красы. Обделки клали из лендов, из красивых ниток (РУ. Осен. Бур. Яр.)*.

М. Ф. Дружинина приводит следующее определение слову *обделка* – ‘отделка, украшение на чем-либо. – *Обделки клали на платте для украшения. Обделки из лендов и из другого товару (Аллаих. РУ)* [5].

Шить ветку – сооружать небольшую одноместную лодку. – *Ветки мы всяки сами шили из досков дерванных. Охто как мог, так и шил (РУ. Осен.)*. Из словаря М. Ф. Дружининой видим, что в*етка* – небольшая одноместная лодка. – *Охто пешком, охто на ветке. Всяко мы туды идем, ленных гусей ловичь (Аллаих. Яр. РУ Лаб.). Мы лодку называем ветка. Она маленькая лодка, легкая (Аллаих. Кузьм. Кос.)*. Скорее всего, такое название лодки имеет общесибирское распространение, что подтверждается определением слова в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: *ветка* – ‘сибирская речная лодка, сделанная из нескольких слоев бересты, наложенных один на другой и сшитых деревянными веревочками – вицами, скрученными из тонких ветвей лиственницы, причем швы покрываются слоем смолы’ [3].

Забиться хлопотами – о домашних хлопотах. – *Столько хлопот женщине дома да с малыми детями. Страсть много. Забилась я хлопотами. Сеть вязать, ремонить надо, собакам еду варить хоть на одну-две выть (РУ. Кузьм.)*. Образность единице придает глагол *забиться*, который является семантическим вариантом общерусского глагола.

Единственная многозначная фразеологическая единица *жить в домашности* 1. Жить и трудиться в своем имении, дома. Пр.: *я сёдня с утора в домашности жила. В магазин по чай сходила. Ча бра! Сегодня холодно да ветер (РУ. Кузьм.)*. 2. О выращивании пушных зверьков в домашних условиях. Пр.: *песец в домашности могот жить, но шкурка у них некачественна бувает (РУ. Стан. Як. Ж.)*. Полисемантичность единицы связана, скорее всего, с многозначностью общеславянских слов дом и жить.

Фразеосемантическая группа ‘приготовление пищи’

Эта группа представлена пятью фразеологическими единицами: *узну навешивать, поварить поваром, стряпать рыбу, жарину жарить, стряпать свадьбу.*

Узну навешивать – готовить ужин. – *Теперь узну навешивать пора, врэмо подошло (РУ. Як. Ж.). Узна* – ‘то же, что ужна. – *К узну ково-то надо делать, шерба варить чай варить, чай сварить (Стан. Яр.)*. В состав фразеологизма входит слово узна, что является грамматическим и фонетическим вариантом общерусского слова ужин.

Поварить поваром – выполнять обязанности повара, кухонного работника. – *Их дочи поварит там поваром. Училась она на повара-то (РУ. Чок. Кузьм.)*. Пример трансформации существительного «повар» в глагол придает фразеологизму с одной стороны признаки просторечности, с другой – за счет повтора однокоренных слов – устаревшего выражения.

Стряпать рыбу – готовить юколу, хачиру впрок. – *Мы жили на рыбе, стряпали рыбу впрок, рыбу варили, рыбу жарили. Всё рыба да рыба (РУ. Н.-Колым.). Во время промысла стряпали рыбу, готовили юколу на зиму, многие делали хачиру. Страпать рыбу – это готовить юколу впрок (РУ. Кос. Лаб.).* Юкола – ‘вяленая на солнце и ветру рыба’. По данным БСЭ, юкола заготовлялась населением Сибири и Дальнего Востока (ненцы, селькупы, коряки и др.) на зиму для питания людей и отчасти на корм ездовым собакам. Это особый способ приготовления рыбы, когда рыбу очищают от чешуи, отрезают голову, разрезают пополам вдоль спины, вынимают внутренности и кости, распластывают и развешивают на вешалах.

Глагол *стряпать* имеет тот же корень, что и застрять, отсюда и его исходное значение – ‘медлить; работать’. Впоследствии оно переосмыслилось до значения ‘готовить пищу’ [13]. Перед нами вариант общерусского слова, который в диалекте имеет своеобразную лексическую сочетаемость: стряпать рыбу.

Жарину жарить – готовить жаркое из рыбы. – *Когды жарину жарим, чад в юрте вокшу да, как дым, тогды буйницу открываем (РУ. Пох. Кос.).* Жарина – жаркое из рыбы; то же, что жарево, жарено. – *Рыбу ловим, жарину кушаем (Чок. Осен.).*

Стряпать свадьбу – готовить к свадьбе угощение, закуски, напитки и т. п. – *С невестиной стороны, где свадьбу страпают, кто спомянет Бобина имя, того любят (РУ. Кос. Лаб.).* Этот фразеологизм также можно отнести и к фразеосемантической группе ‘традиции, обычаи’ поля ‘суеверия и обычаи’, т. к. он употребляется только в ситуации совершения свадебного ритуала.

Фразеосемантическая группа ‘охота’

Охота наряду с рыбалкой является важной деятельностью жителей Русского Устья, одной из форм традиционного хозяйствования. Следующие фразеологизмы отображают разные охотничьи процессы: *опустить оленя (песца), ходить за пастником, работать на пастях, пойти караулить, идти по гуся.*

Опустить оленя (песца) – с убитого животного снять шкуру и освежить мясо. – *Мясо кончится, тогда опустим оленя (РУ. Н.-Колым.)* Фразеологизм является общим для русскоустьинского и походского диалектов, где глагол *опущать* означает ‘сдирать шкуру, обдирать (с песца, оленя и т. п.)’.

Ходить за пастником – проверять пасти (ловушки) на участках. – *Часто приходится ходить за пастником, а то шнурки-ти портятся, другие песцы пакостят (РУ. Чер. Стан.).*

Работать на пастях – промышлять песца, пушного зверя. – *Я да в молости работала на пастях. Одна ходила, никогда мне сташно не було (Аллаих. Осен. Чок.). У нас гламня-то работа – это работать на пастях, пушнину большу сдавать, деньги зарабатывать. Это зимой, а летом рыбалка (РУ. Яр. Чок.). Молодёжь на пастях работать не хотят (РУ. Фед.). Всю дорогу мы на пастях работали, пышнину добывали. Этим да жили (РУ. Осен. Кузьм.).*

Пасть – ‘западня, ловушка на зверя’. – *Он пасти проверять уяхал, там и пасти ладит. Пасти ставят у мора (РУ. Кузьм.). Чичас многие на пастях, проверяют, ладят. Наши пасти основном у мора (РУ. Стан. Яр.).*

Пойти караулить – промышлять, охотиться на зверя. – *Охотники не говорили, промышлять, «охотиться» или «убивать кого-либо», а говорили «пошли (пойдем) караулить» (РУ. Чок. Пох.).* Здесь фразеологизм использован как эвфемизм.

Идти по гуся (утку) – заниматься охотой на водоплавающую дичь. – *В молодости-то охотился я хорошо, а вот теперь стар стал, редко хожу по гуся, по утку (РУ. Кузьм.).* Использование предлога -по соответствует частому диалектному значению ‘за’, ср. по грибы, по ягоды.

Фразеосемантическая группа ‘рыболовство’

Рыболовство у русскоустьинцев является одним из главных видов деятельности, рыба – основная пища местных жителей, рыбный промысел приносит деньги, кормили рыбой раньше и ездовых собак, из рыбы готовят более 30 блюд. Традиционные блюда не включают в себя мучные изделия и крупы, овощные и молочные блюда, т. к. муки всегда не хватало, она была дорогая, не каждый себе мог позволить ее, а овощей и молочных продуктов не знали вообще.

Во фразеосемантическую группу ‘рыболовство’ входят фразеологические единицы: *лов оживной, метать сеть/невод /тоню, на неводу быть/работать, рыбачить рыбу.*

Лов оживной – лов рыбы ранней весной у кромки льда. – *Началом промыслового года считалась весна, когда прилёт водоплавающей птицы и оживлённый лов приносит добычу. Оживной лов – это лов рыбы весной на заберегах (РУ. Осен. Стан.).*

Метать сеть/невод/тоню – закидывать, ставить сеть на рыбу *(РУ. Чок. Олек.)*. Вот как определяет слово *тоня* в своем словаре В. И. Даль – ‘ватага, рыбалка южн. рыболовня, рыбачий стан, притон, становище, промысел; рыбная ловля, неводное рыболовное заведение, и самое место это’[4].

На неводу быть/работать – заниматься ловлей рыбы неводом. – *Тогда мы все на неводу были, некогды было за черным зверем ходить по своим участкам, план делали, в рыбзавод сдавали (РУ. Стан. Як. Ж.).* Толкование слова *невод* есть у В. И. Даля – ‘самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из мотни посредине и двух приводов или крыльев’ [4]. Что касается происхождения этого слова, то этимология точно не установлена. Обычно толкуют как префиксальное производное от утраченного вод «невод», родственного швед. vad «невод», латышск. vads «большой невод», ср.-н.-нем. wade «рыболовная сеть» и др. Внутренняя форма этого слова полупрозрачна: не водится. Перед нами пример того, как «отрицательное» название объясняется табу: чтобы рыбы не узнавали опасный для них предмет [25].

Рыбачить рыбу – промышлять рыбу, заниматься рыболовством. – *Мы здесь живём в обчем хорошо: рыбу рыбачим, охотимся на пушных зверей. План свой кажной год выполняем (РУ*). Образность единице придает повтор однокоренных слов, которое образует глагол *рыбачить* и отглагольное существительное *рыба*.

Заключение

Нижнеиндигирский русский старожильческий говор продолжает свое функционирование, являясь одним из русских диалектов территорий позднейшего заселения. Наряду с развитием и пополнением лексического состава, фразеологический фонд диалекта представлен достаточным количеством единиц, среди которых можно выделить не только семантические группы и подгруппы, но и целые поля. Состав таких полей представляет традиционное образование из центра и периферии, при этом некоторые единицы могут одновременно входить в разные поля. Каждое поле имеет собственные особенности как по лексическому составу единиц (исконное или заимствованное слово), грамматическому составу (разнообразные модели построения словосочетаний), устойчивости, так и семантическому наполнению. Климатические и природные условия Арктики повлияли на причины возникновения фразеологических единиц, при этом внутренняя форма отражает исключительно специфические полярные понятия. Таким образом, фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре отражают часть культурной специфики языковой картины мира русского старожила Арктики на фоне общей русской картины мира.

Литература

1.Блинова, О. И. О термине «старожильческий говор Сибири» / О. И. Блинова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1971. – Вып. 2. – С. 3–8.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 томах ; главный редактор А. М. Прохоров. – 3-е издание. – Москва : Советская энциклопедия, 1969–1978.
3. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз ; под редакцией И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. 1-41А [1-82], доп. 1-2А [1-4]. – URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1–4.
5. Дружинина, М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие. – Якутск : Издательство Якутского университета, 1997–2013. – Т. 1–4.
6. Дружинина, М. Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии. Материалы для фразеологического словаря русских говоров: учебное пособие. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
7. Дьяконов, А. И. Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «англицизмы в русском языке» / А. И. Дьяконов // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 198–210.
8. Загоровская, О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / О. В. Загоровская. – Москва : Институт русского языка АН СССР, 1990. – 300 с.
9. Зензинов, В. М. Нена / В. М. Зензинов // Полярная звезда. – 2003. – № 6. – С. 75–89.
10. Зензинов, В. М. Старинные люди у холоднаго океана. Русское Устье Якутской области Верхоянскаго округа / В. М. Зензинов ; составители Е. Н. Аммосова, И. А. Чикачев. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Якутск, 2013. – 140 с.
11. Зотов, Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Г. В. Зотов ; под редацией А. А. Соколянского. – Магадан : Издательство СВГУ, 2010. – 539 с.
12. Касьянова, В. М. Наименования хорошей погоды в русском литературном языке и в диалектах / В. М. Касьянова // В. А. Богородицкий:

научное наследие и современное языковедение : тр. и матер. Международной научной конференции. – Казань, 2007. – Т. 1. – С. 141–144.
13. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка ; составитель Г. А. Крылов. – Санкт-Петербург : Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
14. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 318 с.
15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е издание, дополненное. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
16. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 томах / Э. К. Пекарский ; Российская академия наук. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – 1280 с.
17. Сабурова, Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2013. – № 2. – С. 81–88.
18. Сафронов, Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии / Ф. Г. Сафронов. – Якутск, 1961.
19. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
20. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Прогресс, 1987. – 864 с.
21. Федоров, А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1980. – 171 с.
22. Федоров, А. И. Заимствованная лексика в русских говорах Сибири в лингвоэтнографическом аспекте ее изучения / А. И. Федоров // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 4.
23. Чикачев, А. Г. Диалектный словарь Русского Устья / А. Г. Чикачев ; ответственный редактор А. Е. Аникин ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2005. – 75 с.
24. Чикачев, А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографической очерк / А. Г. Чикачев ; под редакцией И. А. Чикачева. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Якутск : Литературный фонд им. В. Фролова, 2016. – 264 с.
25. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А Боброва. – 3-е издание,

исправленное. – Москва : Дрофа, 2004. – URL: https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/
26. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур ; предисловие М. М. Маковского. – Издание 4-е, исправленное и дополненное. – Москва : URSS, 2021. – 264 с.

References

1. Blinova, O. I. On the term «old-timer dialect of Siberia» / O. I. Blinova // Questions of linguistics and Siberian dialectology. – Tomsk, 1971. – Issue. 2. – P. 3–8.
2. Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes ; editor-in-chief A. M. Prokhorov. – 3rd edition. – Moscow : Soviet Encyclopedia, 1969–1978.
3. Brockhaus, F. A. Encyclopedic Dictionary / F. A. Brockhaus ; edited by I. E. Andreevsky, K. K. Arseniev, F. F. Petrushevsky. – St. Petersburg : Semenovskaya Typolitography of I. A. Efron, 1890–1907. – T. 1-41A [1-82], add. 1-2A [1-4]. – URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com
4. Dal, V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / V. I. Dal. – Moscow : Russian language, 1999. – T. 1–4.
5. Druzhinina, M. F. Dictionary of Russian old-timer dialects in the territory of Yakutia: textbook. – Yakutsk : Yakutsk University Publishing House, 1997–2013. – T. 1–4.
6. Druzhinina, M. F. Phraseologisms in old-timer Russian dialects on the territory of Yakutia. Materials for the phraseological dictionary of Russian dialects: study guide. – Yakutsk : NEFU Publishing House, 2013. – 280 p.
7. Dyakonov, A. I. The concept of «field» in linguistics, features of the field structure of the sphere «Anglicisms in Russian» / A. I. Dyakonov // Siberian Journal of Philology. – 2012. – No. 1. – P. 198–210.
8. Zagorovskaya, O. V. Semantics of the dialect word and problems of dialect lexicography / O. V. Zagorovskaya. – Moscow : Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. – 300 p.
9. Zenzinov, V. M. Nena / V. M. Zenzinov // Polar Star. – 2003. – No. 6. – P. 75–89.
10. Zenzinov, V. M. Ancient people near the cold ocean. Russian Mouth of the Yakutsk region of the Verkhoyansk district / V. M. Zenzinov ; compilers E. N. Ammosova, I. A. Chikachev. – 2nd edition, corrected and enlarged. – Yakutsk, 2013. – 140 p.
11. Zotov, G. V. Dictionary of regional vocabulary of the Far North-East of Russia / G. V. Zotov ; edited by A. A. Sokolyansky. – Magadan : Publishing house of SVGU, 2010. – 539 p.

12. Kasyanova, V. M. Names of good weather in the Russian literary language and dialects / V. M. Kasyanova // V. A. Bogoroditsky: scientific heritage and modern linguistics: tr. and mat. International scientific conference. – Kazan, 2007. – T. 1. – P. 141–144.
13. Krylov, G. A. Etymological dictionary of the Russian language ; compiled by G. A. Krylov. – St. Petersburg : Polygraph services, 2005. – 432 p.
14. Maslova, V. A. Cultural linguistics: a textbook for students of higher educational institutions / V. A. Maslova. – Moscow : Publishing Center «Academy», 2007. – 318 p.
15. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova ; The Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova. – 4th edition, updated. – Moscow : Azbukovnik, 1999. – 944 p.
16. Pekarsky, E. K. Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes / E. K. Pekarsky ; The Russian Academy of Sciences. – 3rd edition, revised and enlarged. – St. Petersburg : Nauka, 2008. – 1280 p.
17. Saburova, N. A. The structure of the phraseosemantic field of space / N. A. Saburova // Philological Sciences. – 2013. – No. 2. – P. 81–88.
18. Safronov, F. G. Russian peasants in Yakutia / F. G. Safronov. – Yakutsk, 1961.
19. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects / V. N. Teliya. – Moscow : Languages of Russian culture, 1996. – 284 p.
20. Fasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes / M. Fasmer ; translation from German and additions by O. N. Trubachev. – 2nd edition, stereotypical. –Moscow : Progress, 1987. – 864 p.
21. Fedorov, A. I. Siberian dialectal phraseology / A. I. Fedorov. – Novosibirsk : Nauka, 1980. – 171 p.
22. Fedorov, A. I. Borrowed vocabulary in Russian dialects of Siberia in the linguo-ethnographic aspect of its study / A. I. Fedorov // Humanities in Siberia. – 2000. – No. 4.
23. Chikachev, A. G. Dialect dictionary of the Russian Ustye / A. G. Chikachev ; executive editor A. E. Anikin ; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Problems of Indigenous Peoples of the North. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 75 p.
24. Chikachev, A. G. Russians on the Indigirka: a historical and ethnographic essay / A. G. Chikachev ; edited by I. A. Chikachev. – 2nd edition, revised and enlarged. – Yakutsk : Literary Fund. V. Frolova, 2016. – 264 p.

25. Shansky, N. M. Etymological dictionary of the Russian language. The origin of words / N. M. Shansky, T. A Bobrova. – 3rd edition, revised. – Moscow : Drofa, 2004. – URL: https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/
26. Schur, G. S. Field theory in linguistics / G. S. Schur ; foreword by M. M. Makovsky. – 4th edition, revised and enlarged. – Moscow : URSS, 2021. – 264 p.

Сведения об авторах

БЕРДНИКОВА Татьяна Александровна – к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: berrdnikovata@mail.ru

BERDNIKOVA, *Tatyana Aleksandrovna* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General Linguistics and Rhetoric, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

НИКОЛАЕВА Анжелика Гавриловна – студент филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: likalika.ten999@mail.ru

NIKOLAEVA, *Anzhelika Gavrilovna* – student of the Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

УДК 81. 373
DOI 10.25587/SVFU.2022.34.76.005

Т. М. Никаева, Д. С. Егорова
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: elizarovat@mail.ru; e-mail: romdiser@mail.ru

Место зоо- и фитоойконимов в топонимической системе Республики Саха (Якутия)

Аннотация. Статья посвящена изучению ойконимов Республики Саха (Якутия), образованных от наименований животного и растительного мира. Актуальность данной работы обусловлена тем, что названия населенных пунктов Якутии, появившиеся от имен растений, животных, птиц, рыб, ранее не подвергались систематизации и классификации. Цель предпринятого исследования – определить место зоо- и фитоойконимов в топонимической системе Республики Саха (Якутия). Научная новизна заключается в том, что впервые проводится детальное изучение тематических групп зоо- и фитоойконимов с учетом лингвистических и этнокультурных аспектов. Определяется, какие из наименований животных и растений чаще всего использовались для образования названий населенных пунктов (городов, сел, поселков). В результате лексического, этнокультурного и статистического анализа рассматриваемой группы имен собственных был сделан вывод о том, что зоо- и фитоойконимы играют важнейшую роль в топонимической системе Республики Саха (Якутия): они составляют более 20 % от всех номинаций населенных пунктов и являются следствием становления материальной и духовной культуры народов, населяющих этот регион. Было установлено, что самые распространенные зооойконимы образованы от названий животных, наиболее почитаемых народами Республики Саха (Якутия): оленя, коня/лошади, медведя. Среди фитоойконимов чаще всего встречались наименования населенных пунктов, образованные от слов: сосна, лиственница, берёза, калужница болотная. Предложенный в статье анализ тематической группы ойконимов, произведенных от названий растений и животных, может стать частью комплексного исследования всей топонимической системы Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: топонимика, ойконимы, фитоойконимы, зооойконимы, Республика Саха (Якутия), ономастика, населенный пункт, географические названия, религиозно-мифологические представления, этимология.

Для цитирования: Никаева Т. М., Егорова Д. С. Место зоо- и фитоойконимов в топонимической системе Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 83–101.

T. M. Nikaeva, D. S. Egorova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: elizarovat@mail.ru; e-mail: romdiser@mail.ru

The place of zoo- and phytooikonyms in the toponymical system of the Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract. The article is devoted to the study of oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia), formed from the names of flora and fauna. The relevance of this work is due to the fact that the names of the settlements of Yakutia, which appeared from the names of plants, animals, birds, fish, have not previously been subjected to systematization and classification. The purpose of the study is to determine the place of zoo- and phytooikonyms in the toponymic system of the Republic of Sakha (Yakutia). The scientific novelty lies in the fact that for the first time a detailed study of thematic groups of zoo- and phytooikonyms is carried out, taking into account linguistic and ethno-cultural aspects. It is determined which of the names of animals and plants were most often used to form the names of settlements (cities, villages, towns). As a result of lexical, ethno-cultural and statistical analysis of the group of proper names under consideration, it was concluded that zoo- and phyto-oikonyms play a crucial role in the toponymic system of the Republic of Sakha (Yakutia): they make up more than 20 % of all nominations of settlements and are the result of the formation material and spiritual culture of the peoples inhabiting this region. It was found that the most common zooikonyms are formed from the names of animals most revered by the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): deer, horse/horse, bear. Among phytooikonyms, the most common were the names of settlements formed from the words: pine, larch, birch, marsh marigold. The analysis of the thematic group of oikonyms derived from the names of plants and animals proposed in the article can become part of a comprehensive study of the entire toponymic system of the Republic of Sakha (Yakutia).
Keywords: toponymy, oikonyms, phytooikonyms, zoooikonyms, Republic of Sakha (Yakutia), onomastics, settlement, place names, religious and mythological representations, etymology.

For citation: Nikaeva T. M., Egorova D. S. The place of zoo- and phytooikonyms in the toponymical system of the Republic of Sakha (Yakutia) // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 83–101. (In Russ.)

Введение

Ойконимы – названия населенных пунктов, появляются на любой территории вместе с расселением народов. Возникновение любого топонима всегда мотивировано, но со временем истинная причина появления большинства географических имен забывается, и новое поколение может переосмысливать их значения. Кроме того, уточнение происхождения топонимов требуется не всем географическим названиям: слова, образованные от наименований растений (фитонимов) и животных (зоонимов), как правило, семантически не переосмысляются. Фитоойконимы – это географические названия, которые появились от наименований растительного мира. Зооойконимы – названия, которые отражают животный мир местности, наименования зверей, птиц, рыб.

Их появление кажется очевидным и объясняется наличием определенной растительности или распространенностью животных в месте именования. С этим нельзя не согласиться, но не всегда данная трактовка является столь однозначной. Возникновение многих географических названий можно объяснить, анализируя религиозно-мифологические представления народов Республики Саха (Якутия).

Для населения северо-востока России животный и растительный мир всегда был не только источником жизнедеятельности, но и основой культурных традиций, верований, религиозных представлений. Коренные народы Якутии верили в мистическую связь с животным, птицей, растением, которое было их тотемом, верили в происхождение от него своего рода или племени. На топонимической карте Республики Саха (Якутия) можно найти географические пункты, названия которых образованы от имен тотемных животных и растений.

Теоретическую и практическую основу исследования ойконимов составили труды М. С. Иванова-Багдарыына Сюлбэ, Н. Г. Самсонова, В. Д. Монастырева, тунгусоведа Г. М. Василевич, автора работ по эвенской топонимике В. А. Кейметинова и многих других. О характеристике фитонимов и зоонимов в культурных традициях народов Якутии привлекались работы И. П. Павловой и Р. А. Даниловой, Н. В. Малышевой и М. А. Осоровой, В. Е. Васильева и Г. Н. Варавиной, А. С. Нестерович и К. Г. Егоровой, Ю. А. Слепцова и В. В. Попова и др.

Для достижения цели исследования решались следующие задачи:

1. Проанализировать наименования населенных пунктов Республики Саха (Якутия), определить их значение и выявить ойконимы, произошедшие от названий животных или растений.

2. Сделать количественный анализ названий городов, сел, деревень. Определить от каких наименований животных и растений чаще

всего образуются ойконимы в топонимической системе Республики Саха (Якутия).

3. Объяснить мотивированность образования наиболее частотных зоо- и фитоойконимов, исходя из культурных традиций, верований, религиозных представлений народов Якутии.

Материалом для анализа стали 650 названий населенных пунктов Республики Саха (Якутия). Среди них после лексического и этимологического анализов было обнаружено 69 зоойконимов и 51 фитоойконимов. Это слова из якутского, эвенкийского, эвенского, юкагирского, русского и других языков. Некоторые образованы от слов двух языков. Например: Бясь-Шея, где *бэс* – от якутского слова «сосна» и *шея* от от эвенк. *Ḥэйэ, ḥээйээ* – «лоб, макушка, вершина».

Фитоойконимы Республики Саха (Якутия)

Имена населенных пунктов, образованные от названий растений, деревьев, кустарников, на карте Якутии встречаются часто. Особенно это касается центральных и южных районов республики (рис. 1).

Рис. 1. Зоо- и фитоойконимы на карте Республике Саха (Якутия)
Pic. 1. Zoo and phytoiconyms on the map of the Republic of Sakha (Yakutia)

В. Е. Васильев и Г. Н. Варавина пишут: «Для народов таежной зоны Северо-Восточной Сибири деревья служили символом жизненного начала. Они лежали в основе представлений о малой родине предков. Из этих образов складывалась картина Вселенной, идентичная понятиям Мирового древа, горы и реки» [2]. И. П. Павлова говорит о том, что «традиционная культура якутов характеризуется одухотворением всего окружающего мира. По якутским поверьям, все предметы и явления природы наделяются сверхъестественными свойствами, они имеют иччи» [11, с. 369]. Поэтому фитонимы и зоонимы, взятые для именования определенных местностей в Республике Саха (Якутия), неслучайны.

Анализ топонимов.

В группу фитоойконимов было отнесено 11 названий населенных пунктов, образованных от слова *сосна* или имеющих значение, указывающее на это дерево. Сосна в географических названиях Якутии встречается чаще других растений: Бестях, Бясь-Кюёль, Чекая-Бясь, Куду-Бясь, Бердигестях и другие (табл.1). А. С. Нестерович считает, что «сосна играет немаловажную роль в культуре народа саха, является одним из символов якутской природы и известна как целебное дерево» [10, с. 143].

Таблица 1
Table 1

Ойконимы, образованные от слова сосна
Oikonyms formed from the word pine

№	Наименование	Значение
1.	Бестях (село)	от як. бэс и якутский аффикс -тээх в значении «места» – «сосна, сосновый» [14].
2.	Нижний Бестях (село)	от рус. нижний и см. Бестях.
3.	Бясь-Кюёль (село)	от як. бэс – «сосна»; кюёль/күөл – «озеро».
4.	Бясь-Шея (село)	от як. бэс «сосна/сосновый»; от эвенк. һэйэ, һээйээ – «лоб, макушка, вершина».
5.	Бердигестях (село)	от як. слова бэрдьигэс – «маленькая сосна; молодой сосняк» и «хвощ» [4].
6.	Куду-Бясь (село)	от эвенк. куду – «солончак, солонец» и як. бэс.
7.	Тарагай-Бясь (село)	от як. Тараҕай Бэс – «лысая сосна». Як. тараҕай – «плешивый, лысый» и як. бэс.
8.	Сосновка (село)	от рус. «сосна».
9.	Сэргэ-Бэс (село)	от як. сэргэ: 1) «коновязь» (столб) и як. бэс [14].
10.	Чагда (село)	от эвенк. термин, заимствованный як. языком «сосновый лес», «сосняк» [4].
11.	Чекя-Бясь (село)	от як. Чэкээ-Бясь: от чэкээ – «верх, верхняя часть холма, возвышенности» и т.п. и як. бэс.

Такая частотность употребления слова *сосна* в топонимах закономерна. Во-первых, это очень распространенный в республике вид хвойных вечнозеленых деревьев. Во-вторых, как пишут А. С. Нестерович и К. Г. Егорова: «Сосна играла очень важную роль в жизни якутов и считалась одним из главных хозяйственных растений, один из месяцев года носит название бэс ыйа и переводится как «месяц сосны»» [10, с. 143]. А в-третьих, к сосне, как и к некоторым другим священным деревьям, было особое отношение. «Центральное место среди сакральных деревьев занимает Аал Луук Мас, обычно это были лиственница, сосна или берёза. Аал Луук Мас символизирует жизнь, плодородие и заключает в себе таинственный дух леса» [7, с. 140].

На втором месте по распространенности оказались ойконимы, образованные от *ели* (як. харыйа) – одного из почитаемых народами Якутии деревьев. Название Харыялах носят 7 сел в Республике Саха (Якутия).

Фитоойконимы, которые появились от слова *камыш* (як. хомус и як. кулуһун) – Хомустах и Кулусунах. Название Хомустах в Республике Саха (Якутия) имеют 5 населенных пунктов.

От растения *калужница болотная* (як. харба) были образованы 5 географических названий: имеется 3 села Харбала и по одному Харбалах и Харба-Атах.

Особо почитаемыми деревьями у народов Якутии были лиственница и берёза. Это демонстрирует и топонимическая карта региона. В. Е. Васильев и Г. Н. Варавина пишут: «Одной из особенностей тунгусо-маньчжурской картины мира является происхождение человека и животных от дерева. В одной из эвенских легенд рассказывается о девушке, жившей в стволе дерева и ставшей родоначальницей охотских эвенов. Кроме того, тунгусские мифы свидетельствуют о появлении из берёзы и лиственницы предков-шаманов, а также оленей» [2].

Было найдено 5 ойконимов, образованных от слова *берёза*: Хатынг-Тумул, Хатын-Сысы, Хахыях, Чаранг, Берёзовка (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Ойконимы, образованные от слова берёза
Oikonyms formed from the word birch

№	Наименование	Значение
1.	Берёзовка (село)	от рус. берёза.
2.	Хатынг-Тумул (село)	от як. хатынг – «берёза» и тумул: 1) «мыс»; 2) диал. «густой лес».

3.	Хатын-Сысы (село)	от як. хатынг – «берёза» и сыһыы – «равнина; луг; поляна».
4.	Хахыях (село)	от як. хахыйах – «молодая берёза».
5.	Чаранг (село)	от як. «березняк, берёзовая роща».

Такое частое упоминание берёзы в топонимических номинациях, безусловно, можно объяснить ее широким распространением, а также частым использованием в хозяйственных нуждах: при изготовлении посуды, строительстве жилищ, производстве мебели, различных приспособлений для рыболовства и др. Но берёза имеет и особое сакральное значение для народов республики. Н. В. Малышева, М. А. Осорова отмечают: «…берёза ассоциировалась у якутов со светом, чистотой и женственностью. Наряду с лиственницей хатыҥ особо почиталась и тотемизировалась якутами, они называли ее Ытык мас, т. е. древо духов местности» [7, с. 144].

Особое место в топонимике Якутии занимают названия, образованные от слова *лиственница*: Ары-Тит, Ары-Тит, Суон-Тит, Тит-Эбя (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Ойконимы, образованные от слова лиственница
Oikonyms formed from the word larch

№	Наименование	Значение
1.	Ары-Тит (село)	от як. тиит «лиственница» и от як. арыы – «остров, участок леса на поляне».
2.	Тит-Ары (село)	см. Ары-Тит.
3.	Суон-Тит (село)	от як. тиит – «лиственница» и от як. суон – «толстый».
4.	Тит-Эбя (село)	от як. тиит – «лиственница» и як. эбэ – «бабушка».

Лиственница на территории региона очень распространена и является главной лесообразующей породой Республики Саха (Якутия). За особую прочность ее называют «северным дубом» и активно применяют в строительстве. Но лиственница также играет важную роль в религиозно-мифологических представлениях практически всех коренных народов республики. Н. В. Малышева, М. А. Осорова пишут: «Листвен-

ница издревле почиталась якутами, и они верили в ее небесную силу. Шаманы очень часто использовали дерево во время своих обрядов, считалось, что дым от ее горящих веток отгоняет злых духов» [7, с. 141]. По мнению В. Е. Васильева и Г. Н. Варавиной, в шаманизме эвенков и эвенов существовали представления, связанные с мифическим деревом туру или сэргэ, которое служило «лестницей», «дорогой» в разные миры. У каждого из шаманов было по «три» туру – нижнее, среднее и верхнее деревья. Эти лиственницы мыслились как фетиши, с которыми связывалась жизнь всего рода [2]. По религиозно-мифологическим представлениям якутов, «лиственница была священным шаманским деревом. Наиболее сильный шаман воспитывался в Верхнем мире, в одном из девяти гнезд священного шаманского дерева – лиственницы. Чем выше гнездо, тем более сильным рождался шаман» [9, с. 15].

В целом, топонимическая система Республики Саха (Якутия) содержит немало географических названий, отражающих особенности фауны региона (названий кустарников, трав, ягод): Боробул, Качикатцы, Соянги, Ирелях, Оленёк, Ымыяхтах и др. (табл. 4). А также встречаются ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением лес, деревья, кустарник (табл. 5).

Таблица 4
Table 4

Ойконимы, образованные от названий других растений
Oikonyms formed from the names of other plants

№	Растение	Наименование	Значение
1.	Хвощ	Боробул (село)	от як. боруу – «хвощ и место, где растет хвощ».
2.	Верба	Качикатцы (село)	возможно, от эвен. качикат – «верба»
3.	Ягода	Соянги (село)	от юк. «ягода», морошка.
4.	Ива	Ирелях (село)	от як. иирэ – «ива береговая».
5.	Осока (2)	Оленёк (село)	возможно, от эвенк. ёленг – осока.
6.		Усть-Оленёк	устье р. Оленёк.
7.	Кровохлебка лекарственная	Ымыяхтах (село)	от як. ымыйах- «кровохлебка лекарственная».

Таблица 5
Table 5

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением лес, деревья, кустарник
Oikonyms, in the formation of which words with the meaning of forest, trees, shrub were used

№	Наименование	Значение
1.	Тенкя (село)	от эвен. тэнҡэ – «хвойный лес (густой), тайга» [4].
2.	Мастах (село)	от як. мас. «деревья, лес».
3.	Даркылах (село)	от як. даркы – «большое количество свалившихся друг на друга деревьев».
4.	Тыайа (село)	от як. тыа – «лес».
5.	Ситте (село)	от эвен. ьии – «чаща, лес густой, тайга, заросли».
6.	Марха (микрорайон)	от тунг. марха – «мелкий кустарник».

Зооойконимы Республики Саха (Якутия)

Количественный анализ топонимов показал, что названия населенных пунктов, образованных от наименований животных, птиц, рыб в топонимической системе Якутии встречались чаще, чем ойконимы, связанные с фитонимами. Действительно, Республика Саха (Якутия) всегда славилась богатым и разнообразным животным миром, а ведущей деятельностью населения была охота. Можно предположить, что на именование местностей мог повлиять и тотемизм – древняя форма религии якутов, эвенков, эвенов, связанная с почитанием животных и птиц.

В группе зооойконимов чаще всего встречались названия, образованные от слов *олень и конь/лошадь*.

Было найдено 7 ойконимов, при образовании которых использовались слова со значением *олень*. Е. В. Меркель пишет: «Олень занимает важное место в религиозных верованиях эвенков. От эвенкийского орон – «олень» произошло самоназвание забайкальско-амурских эвенков – орочены. Оленеводство – один из важнейших видов хозяйственной деятельности народов Севера [9, с. 111].

И 7 населенных пунктов, которые образовались от слов со значением конь, лошадь, жеребенок, а также от слов, указывающих на «масть

лошади»: Кюренг-Ат, Сылгы-Ытар, Кулун-Елбют и др. Возможно, это объясняется тем, что конь является одним из самых культовых животных в культуре саха и с ним связаны многие традиции и обряды, сохранившиеся до наших дней: обряд кумысного кропления, установка сэргэ (коновязи) и др. «Конские волосы приносятся в жертву духам – иччи, ими украшают свадебные деревянные кувшины для кумыса, кожаный мешок и кожаное громадное ведро в праздник ысыах» [12, с. 138]. В. В. Филиппова также говорит о том, что для якутов до сих пор культ коня является одним из самых значимых. «Табуны лошадей символизируют богатство, из кобыльего молока готовят напиток кумыс, шкура, грива и хвост используются как материал для изготовления одежды, различных вещей и предметов быта» [17, с. 33] (табл. 6, 7).

Современные саха также считают лошадь священным животным, это подтвердил психолингвистический эксперимент А. П. Васильевой, она пишет: «Базовым концептуальным слоем по данным ассоциативного эксперимента явилось понимание концепта «Сылгы/лошадь» как священного животного народа саха» [3, с. 81].

Таблица 6
Table 6

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением олень
Oikonyms, in the formation of which words with the meaning of deer were used

№	Наименование	Значение
1.	Кыллах (село)	от як. кыыл – «дикий олень».
2.	Ойусардах (село)	от як. ойуһар – «олень» или трехлетний лось.
3.	Оленегорск (село)	от як. хаягастах – «олень».
4.	Орочён (село)	от эвенк. орочён, где орон – «олень», а орочён переводится как «оленевод».
5.	Хаты (село)	возможно, от эвен. Һатти – «важенка, самка домашнего оленя».
6.	Усть-Чаркы (село)	с мансийского языка – «оленье пастбище».
7.	Мача (село)	с эвенк. «самка дикого оленя».

Таблица 7
Table 7

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением конь, лошадь, жеребенок
Oikonyms, in the formation of which words with the meaning of horse, mare, foal were used

№	Наименование	Значение
1.	Кюренг-Ат (село)	от тюрк. күрэн – «бурый» (масть лошади); ат – як. понимается как «верховой конь».
2.	Сылгы-Ытар (село)	от як. сылгы – «лошадь»; ытар – от як. ыт – «стрелять».
3.	Хонгор-Бие (село)	от як. «хоҥор» – соловый (о масти лошади); «хоҥорбиэ» – соловая кобыла [17].
4.	Чакыр (село)	от як. чакыр – белый (о масти лошади) [14].
5.	Кулун-Елбют (село)	от двух якутских слов: кулун – жеребенок, өлбүт – умирать.
6.	Кюренг-Ат (село)	от тюрк. күрэн – бурый (масть лошади).
7.	Сылгы-Ытар (село)	от як. сылгы – «лошадь».

Медведь у эвенов и эвенков был тотемным животным. «Например, у эвенов из рода Дельянки медведь имел особое сакральное значение, они считали его первопредком или состоящим с ними в кровном родстве [15, с. 146]. Возможно, поэтому на втором месте по распространенности ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением *медведь:* Абага, Мекимдя, Эселях, Эсэ-Хайя (табл. 8).

Таблица 8
Table 8

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением медведь
Oikonyms, in the formation of which words with the meaning of bear were used

№	Наименование	Значение
1.	Абага (село)	одно из значений, иносказательное название от эвен. медведя «дедушка», «угрюмый» [6, с. 52]. от эвенк. āмāкā – 1) «дед, дедушка, дядя, предок»; 2) «медведь». Медведь – тотемное животное эвенов и эвенков [4]. 2 населенных пункта.

2.	Мекимдя (село)	от эвенк. мэкэйимдэ – «медведь».
3.	Эселях (село)	от як. эһэ – «медведь», эһэлээх – «имеющий медведя; с медведем».
4.	Эсэ-Хайя (село)	от як. эсэ – «дедушка, медведь», хайя – «гора».

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением «лось»: Лёкёчён, Токко, Токума (табл. 9).

Таблица 9
Table 9

Ойконимы, при образовании которых использовались слова со значением лось
Oikonyms, in the formation of which words with the meaning of moose were used

№	Наименование	Значение
1.	Лёкёчён (село)	от эвенк. лукучэ̄н (весной) лось; «лөкөй» − самец лося.
2.	Токко (село)	эвенкийское слово «токи», что означает «лось».
3.	Токума (село)	от токи «лось, сохатый» с тунгусо-маньчжурским адъективным суффиксом –ма

Есть названия, образованные при использовании слова «рыба» на разных языках. Например, по одной из версий, Колыма образована от юкагирского «колы» и означает рыба. И названия населенных пунктов Нижнеколымск, Верхнеколымск образованы от него (табл. 10).

Таблица 10
Table 10

Ойконимы, образованные с помощью слова рыба
Oikonyms formed using the word fish

№	Наименование	Значение
1.	Алдан (город)	одна из версий – с эвенкийского олдо – «рыбная река».
2.	Балыктах (село)	от як. балыктах – «изобилующий рыбой», от як. балык – «рыба».

3.	Нижнеколымск (село) Верхнеколымск (село)	по одной из версий от юк. кола – «рыба».
4.	Хампа (село)	от эвенк. «худая, истощенная рыба».
5.	Нычалах (село)	от як. «мелкая рыба».
6.	Сымах (село)	от як. «мелкая рыба».

В нашей республике много ойконимов, образованных от названий разных видов рыб. Например: Хатыстыр – от хатыыс «стерлядь», Соболох от як. «собо» – «карась» (табл. 11).

Таблица 11
Table 11

Ойконимы, образованные от названий разных видов рыб
Oikonyms formed from the names of different types of fish

№	Вид рыбы	Наименование	Значение
1.	Таймень	Белькачи (село)	в переводе с эвенкийского означает «тайменное».
2.	Нельма	Нелемное (село)	от названия рыбы нельма.
3.	Сиг	Маягас (село)	от як. майаҕас – «сиг».
4.	Стерлядь, осетр	Хатыстыр (село)	от як. хатыыс – рыба «стерлядь, осетр».
5.	Язь	Тюнгюлю (село)	от як. төҥүлү – «язь»; место, где водятся язи.
6.	Пелядь	Быранатталах (село)	от як. быраҥаатталаах – «пелядь».
7.	Гольян	Мундуруччу (село)	от як. рыбка-мундушка «гольян».
8.	Карась	Соболох (село)	от як. «соболоох», «собо» – «карась».
9.	Налим	Налимск (село)	от рыбы «налим».
10.		Сыаганнах (село)	от як. «налим».
11.	Хариус	Джаргалах (село)	от як. «хариус».
12.		Нерюнгри (город)	от эвенк. «река хариусов». «нерие, ниру – хариус, а -нгра – аффикс».

Можно перечислить и другие ойконимы, которые были образованы от названий других животных: белки (Олёкминск, Тинная), лисы (Сасылыкан), росомахи (Сегян-Кюёль), Ворон (Суордах), Коровы

(Корова), лебедя (Лебединый), евражки или суслика (Ергёлёх), енота (Илбэнгэ), утки (Кустур), сокола (Мохсоголло́х), быка (Огусур) (табл. 12).

Таблица 12
Table 12

Ойконимы, образованные от названий других животных
Oikonyms formed from the names of other animals

№	Растение	Наименование	Значение
1.	Белка (3)	Олёкминск (город)	от «улуки» и «олоки» по-эвенкийски «белка», «беличье».
2.		Олёкминский (село)	
3.		Тинная (село)	от тин, тиин, тиен, тийин – названия белки у тюрков, у финно-угорских народов.
4.	Лиса	Сасылыкан (село)	от як. сасыл – «лисица».
5.	Росомаха (2)	Сегян-Кюёль (село)	от як. сиэгэн – «росомаха», кюёль/күөл – «озеро».
6.		Себян–Кюёль (село)	
7.	Ворон	Суордах (село)	от як. суор – «ворон».
8.	Корова	Ынахсыт (село)	от як. ынах – «корова». Ынахсыт – «коровница», создательница коров.
9.	Лебедь	Лебединый (село)	от рус. лебедь.
10.	Суслик, евражка	Ергёлёх (село)	возможно, отөргүө диал. «суслик, евражка».
11.	Енот	Илбэнгэ (село)	от монг. слова со значением «енот».
12.	Утка	Кустур (село)	слово образовано от як. кус – «утка».
13.	Сокол, ястреб	Мохсоголло́х (поселок)	от як. Мохсоҕоллоох «место обитания соколов, соколиный». от як. мохсоҕол «сокол; ястреб».
14.	Бык	Огусур (як.) – (село)	от як. Оҕуһур (огус) – «бык».

Заключение

Всего было обнаружено 120 зоо- и фитоойконимов. Большую часть из них составили географические называния, которые были образованы от названий животных. Самыми распространенными зооойкони-

мами являются наименования, образованные от слов самых почитаемых народами Республики Саха (Якутия) животных: оленя, коня/лошади и медведя.

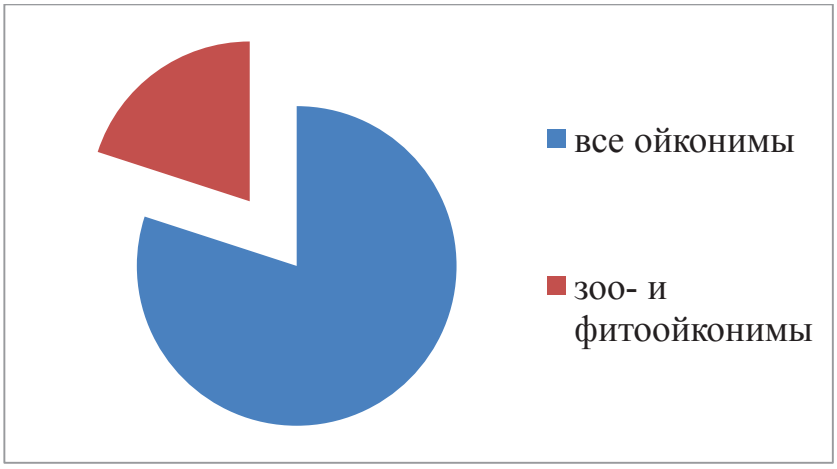
Распространенные названия среди фитоойконимов образованы от слов сосна, лиственница, берёза, калужница болотная.

Количественный анализ ойконимов по их распространенности в улусах и районах республики показал, что наибольшее количество зоо- и фитоойконимов имеется в Олекминском и Усть-Алданском улусах нашей Республики.

Итак, можно сделать вывод о том, что зоо- и фитоойконимы в топонимической системе Республики Саха (Якутия) играют большую роль.

Диаграмма 1
Diagram 1

Зоо- и фитоойконимы в топонимической системе Республика Саха (Якутия)
Zoo- and phyto-names in the toponymic system of the Republic of Sakha (Yakutia)



Из всех ойконимов, указанных на сайте геопортала СахаГис (из 650 населенных пунктов), они составляют почти 20 % (диаграмма 1). Многие из наиболее распространенных ойконимов имеют тотемное происхождение, поэтому относятся к одному из ранних пластов топонимической системы.

Литература

1. Василевич, Г. М. Русско-эвенкийский словарь : в 2 частях / Г. М. Василевич. – 2-е издание, переработанное. – Санкт-Петербург : филиал издательства «Просвещение», 2005.
2. Васильев, В. Е. Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов / В. Е., Васильев, Г. Н. Варавина // Общество: философия, история, культура. – Краснодар : Издательский дом ХОРС, 2016. – № 4. – С. 75–77.
3. Васильева, А. П. Концепт «Сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов: ассоциативно-вербальная сеть / А. П. Васильева // Гуманитарный вектор. – Серия: Филология, востоковедение. – 2015. – № 4 (44). – С. 76–82.
4. Иванов, М. С. – Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии: Краткий научно-популярный очерк / М. С. Иванов – Багдарыын Сюлбэ ; Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Якутск : Бичик, 2004. – 192 с.
5. Кейметинов, В. А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии (часть 1) / В. А. Кейметинов. – Якутск : Мирнинская городская типография, 1996. – 186 с.
6. Леонтьев, В. В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В. В. Леонтьев, К. А. Новикова. – Магадан : Магаданское книжное издательство, 1989. – 456 с.
7. Малышева, Н. В. Словообразовательная система фитонимов и способы ее описания в языке олонхо (на примере Олонхо «Ала-Булкун») / Н. В. Малышева, М. А. Осорова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – Серия: Эпосоведение. – 2020. – № 2 (18). – С. 137–147.
8. Меркель, Е. В. К вопросу этимологии некоторых гидронимов Нерюнгринского района / Е. В. Меркель, Л. А. Яковлева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 589–591. – ISSN 1991-5497.
9. Меркель, Е. В. Топонимы южной Якутии как зеркало культурной картины мира эвенков : в 2 частях / Е. В. Меркель, Л. Д. Ядреева, Л. А. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 8 (74). – Ч. 1. – С. 109–111. – ISSN 1997-2911.
10. Нестерович, А. С. Семантическая характеристика фитонимов (на примере якутских и корейских лекарственных растений) / А. С. Нестерович, К. Г. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и прак-

тики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 11 (77). – Ч.3. – С. 143–145. – ISSN 1997-2911.
11. Павлова, И. П. Концепт «Дерево/Мас» в русской и якутской лингвокультурах / И. П. Павлова, Р. А. Данилова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 367–370. – ISSN 1991-5497.
12. Пашкевич, О. В. Отражение культа коня в якутской прозе / О. В. Пашкевич // Дискуссия. – 2014. – № 6 (47). – С.137–141.
13. Роббек, В. А. Эвенско-русский словарь / В. А. Роббек, М. Е. Роббек // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – Т. 6. – Новосибирск : Наука, 2005. – 356 с.
14. Саха тыла [сайт]. – URL: https://sakhatyla.ru.
15. Слепцов, Ю. А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки / Ю. А. Слепцов // Филология и человек, 2014. – № 2. – С. 145–150.
16. Слепцов, Ю. А. Рысь в поверьях и обрядах якутов / Ю. А. Слепцов, В. В. Попов // Культура и цивилизация. – Ногинск : Аналитика Родис, 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 12–16.
17. Филиппова, В. В. Образ коня в фольклоре и традиционной культуре якутов / В. В. Филиппова // Дискуссия. – 2012. – № 2 (20). – С. 33–35.

References

1. Vasilevich, G. M. Russian-Evenki dictionary : in 2 parts / G. M. Vasilevich. – 2nd edition, revised. – St. Petersburg : branch of the publishing house «Prosveshchenie», 2005.
2. Vasiliev, V. E. The image of a tree in the myths and rituals of the Yakuts and northern Tungus / V. E., Vasiliev, G. N. Varavina // Society: philosophy, history, culture. – Krasnodar : HORS Publishing House, 2016. – No. 4. – P. 75–77.
3. Vasilyeva, A. P. The concept of «Sylgy/horse» in the linguistic consciousness of the Yakuts: an associative-verbal network / A. P. Vasilyeva // Humanitarian vector. – Series: Philology, Oriental studies. – 2015. – No. 4 (44). – P. 76–82.
4. Ivanov, M. S. – Bagdaryyn Syulbe. Toponymy of Yakutia: A short popular science essay / M. S. Ivanov – Bagdaryyn Syulbe ; Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute for Humanitarian Studies. – 2nd edition, revised and enlarged. – Yakutsk : Bichik, 2004. – 192 p.
5. Keymetinov, V. A. Aboriginal (Even) toponymy of Yakutia (part 1) / V. A. Keymetinov. – Yakutsk : Mirny City Printing House, 1996. – 186 p.

6. Leontiev, V. V. Toponymic Dictionary of the North-East of the USSR / V. V. Leontiev, K. A. Novikova. – Magadan : Magadan book publishing house, 1989. – 456 p.
7. Malysheva, N. V. The word-formation system of phytonyms and ways of its description in the olonkho language (on the example of Olonkho «Ala-Bulkun») / N. V. Malysheva, M. A. Osorova // Bulletin of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. – Series: Eposology. – 2020. – No. 2 (18). – P. 137–147.
8. Merkel, E. V. To the question of the etymology of some hydronyms of the Neryungri region / E. V. Merkel, L. A. Yakovleva // World of science, culture, education. – 2019. – No. 6 (79). – P. 589–591. – ISSN 1991-5497.
9. Merkel, E. V. Toponyms of southern Yakutia as a mirror of the Evenk cultural picture of the world : in 2 parts / E. V. Merkel, L. D. Yadreeva, L. A. Yakovleva // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – Tambov : Diploma, 2017. – No. 8 (74). – Part I. – P. 109–111. – ISSN 1997-2911.
10. Nesterovich, A. S. Semantic characteristics of phytonyms (on the example of Yakut and Korean medicinal plants) / A. S. Nesterovich, K. G. Egorova // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – Tambov : Diploma, 2017. – No. 11 (77). – Part 3. – P. 143–145. – ISSN 1997-2911.
11. Pavlova, I. P. The concept of «Wood/Mas» in Russian and Yakut linguistic cultures / I. P. Pavlova, R. A. Danilova // World of science, culture, education. – 2020. – No. 5 (84). – P. 367–370. – ISSN 1991-5497.
12. Pashkevich, O. V. Reflection of the horse cult in Yakut prose / O. V. Pashkevich // Discussion. – 2014. – No. 6 (47). – P.137–141.
13. Robbek, V. A. Evensko-Russian Dictionary / V. A. Robbek, M. E. Robbek // Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. – T. 6. –Novosibirsk : Nauka, 2005. – 356 p.
14. Sakha rear [website]. – URL: https://sakhatyla.ru.
15. Sleptsov, Yu. A. Bear cult among the Evens of Yakutia and Kamchatka / Yu. A. Sleptsov // Philology and man, 2014. – No. 2. – P. 145–150.
16. Sleptsov, Yu. A. Lynx in beliefs and rituals of the Yakuts / Yu. A. Sleptsov, V. V. Popov // Culture and civilization. – Noginsk : Analytics Rodis, 2021. – V. 11. – No. 1. – P. 12–16.
17. Filippova, V. V. The image of the horse in the folklore and traditional culture of the Yakuts / V. V. Filippova // Discussion. – 2012. – No. 2 (20). – P. 33–35.

Сведения об авторах

НИКАЕВА Татьяна Михайловна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: elizarovat@mail.ru

NIKAEVA, Tatyana Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЕГОРОВА Дина Сергеевна – магистрант МДСО-21 филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: romdiser@mail.ru

EGOROVA, Dina Sergeevna – master's student MDSO-21 of the Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

УДК 821.161.1
DOI 10.25587/SVFU.2022.80.48.006

А. И. Ощепкова, В. Н. Слепцова
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: victoriaslepsova0000@gmail.com

Сенсорный образ Севера в «Колымских тетрадях» В. Шаламова

Аннотация. В статье рассматривается сенсорный образ Севера в сборнике стихотворений В. Шаламова «Колымские тетради». Актуальность обусловлена тем, что в свете развития синестетического подхода в литературе становится важным обращение к вербализации телесных ощущений и эмоций в художественных текстах. Современное литературоведение активно интересуется проблематикой введения сенсорики в структуру литературного произведения. Поэтика сенсорики как самостоятельная научная проблема выделилась относительно недавно, поэтому исследование сенсорной образности в лирике В. Шаламова отличается новизной и актуальностью. В статье дается представление о сенсорной поэтике «Колымских тетрадей», выявляются ее наиболее характерные свойства, связанные с образом Севера. Сборник связан с категориями сенсорики, благодаря которым происходит расширение смыслового пространства лирического текста, повышается информационная насыщенность его смысловых фрагментов. Художественный язык Шаламова отличает лаконичность, простота стиля, в «поэтическом дневнике» писателю удалось передать чувственные переживания, конструировать художественный образ северного пространства. В ходе имманентного анализа лирики писателя было выявлено, что В. Шаламов создает образ Севера с помощью пяти сенсорных систем (зрения, слуха и осязания, реже – слуха и обоняния), которые раскрывают отношение автора к трагическому опыту колымского заключения. Сенсорные системы работают на обогащение возможности интерпретации северного пространства и глубинного представления создаваемой автором реальности в лирическом произведении.

Ключевые слова: сенсорный образ, сенсорная поэтика, Варлам Шаламов, лирика, стих, сборник стихотворений «Колымские тетради», цветопись, ольфакторная поэтика, соносфера, символика, колымский локус.

Для цитирования: Ощепкова А. И., Слепцова В. Н. Сенсорный образ Севера в «Колымских тетрадях» В. Шаламова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 102–113.

A. I. Oshchepkova, V. N. Sleptsova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: victoriaslepsova0000@gmail.com

Sensory image of the North in the «Kolyma Notebooks» by V. Shalamov

Abstract. The article deals with the sensory image of the North in the collection of poems by V. Shalamov «Kolyma Notebooks». The relevance is due to the fact that in the light of the development of the synesthetic approach in literature, it becomes important to approach to the verbalization of bodily sensations and emotions in literary texts. Modern literary criticism is actively interested in the problems of introduction of sensorics into the structure of a literary work. The poetics of sensory as an independent scientific problem emerged relatively recently, so the study of sensory imagery in the lyrics of V. Shalamov is notable for its novelty and relevance. The article gives an idea of the sensory poetics of the «Kolyma Notebooks», reveals its most characteristic properties associated with the image of the North. The collection is associated with sensory categories, due to which the semantic space of the lyrical text is expanded, the information saturation of its semantic fragments is increased. The artistic language of Shalamov is distinguished by conciseness, simplicity of style, in the «poetic diary» the writer managed to convey sensory experiences, construct an artistic image of the northern space. During the immanent analysis of the writer's lyrics, it was revealed that V. Shalamov creates the image of the North with the help of five sensory systems (vision, hearing and touch, less often – hearing and smell), which reveal the author's attitude to the tragic experience of the Kolyma imprisonment. Sensory systems work to enrich the possibility of interpreting the northern space and in-depth representation of the reality created by the author in a lyrical work.
Keywords: sensory image, sensory poetics, Varlam Shalamov, lyrics, verse, collection of poems «Kolyma Notebooks», color imagery, olfactory poetics, sonosphere, symbolism, Kolyma locus.

For citation: Oshchepkova A. I., Sleptsova V. N. Sensory image of the North in the «Kolyma Notebooks» by V. Shalamov // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 102–113. (In Russ.)

Введение

Огромный вклад в формирование северного образа в русской литературе XX в. внесло творчество В. Шаламова. Феномен Севера, постигавшийся его творческим сознанием, оказался важным для жанра лагерной литературы: «выразительность и точность бытового рельефа в рассказах писателя снискали ему славу «документалиста Колымы» [3].

Творческое наследие В. Шаламова занимает особое место в русской литературе второй половины XX в. Писатель провел 16 лет своей жизни на Севере, поэтому его произведения не только выражены сложным комплексом нравственно-духовных исканий, но также во многом определены «колымским» мировоззрением. Лагерная проза Шаламова привела к значимой смене нарративных стратегий, когда он начал говорить точным и скупым языком, лишенным метафоризации. В этом контексте важно отметить, что предметом пристального внимания и всестороннего изучения является, в основном, проза писателя. Между тем именно лирические произведения, вошедшие в книгу «Колымские тетради», точно характеризуют авторское отношение к Северу как к «инопространству», нагружая его, в отличие от прозы, мифологическим, философским содержанием. «Инопространство» очень точно характеризует В. Н. Топоров: «При переходе к новому пространству человек оказывается лишенным прежней неосознаваемой опоры в виде старого пространства с его свойствами, и его охватывает тот шопенгауэровски-ницшеанский ужас, который неотъемлем от человека, вдруг усомнившегося в формах познания явлений» [7, с. 250]. По всей видимости, «шопенгауэровски-ницшеанский ужас» от места ссылки сказался в поэзии в описании чувственного познания окружающей действительности. В. Шаламов вспоминает: «Я с волнением перелистываю Колымские свои тетради. Бурю чувств вызывают эти привезенные с Севера листочки с выцветшими буквами химических чернил» [3]. Первые стихотворения появились в колымском поселке на ключе Дусканья в 1949 г., где он работал фельдшером: «Я ничего тогда не ждал от жизни – ни плохого, ни хорошего... Ждал только утра, чтобы писать снова и снова. Я записывал стихи в самодельные большие тетради из оберточной бумаги, сшитые той же нитью, что тачают оленьи торбаза, чинят валенки» [3].

Е. В. Волкова, один из первых исследователей поэзии Шаламова, отмечает, что «Колымским тетрадям» присущи онтологические, архетипические символы музыки, тела и телесности, цветопись. Современные литературоведы также выделяют поэтику телесности в качестве структурно-образных особенностей шаламовской поэзии (Л. В. Жарвина,

И. А. Макевнина, Д. В. Кротова). В свете этих авторитетных мнений представляется актуальным обратиться к более пристальному исследованию сенсорной поэтики стихотворных текстов В. Шаламова. Необходимо отметить, что образ Севера в «Колымских тетрадях» с точки зрения сенсорной поэтики практически не изучен. В этой связи представляется важным рассмотреть специфику сенсорного образа Севера в лирике В. Шаламова. А именно – определить, какие именно чувственные категории используются для создания образа «инопространства» в стихотворных текстах писателя.

Материалом исследования является книга «Колымские тетради», которая состоит из шести тетрадей: «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Золотые горы», «Кипрей» и «Высокие широты». Сборник стихотворений был впервые опубликован в 1994 г.

Основная часть

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению лирических произведений В. Шаламова из сборника «Колымские тетради», необходимо определиться с методологией анализа сенсорной поэтики стихотворных текстов. Современное литературоведение часто обращается к изучению разных аспектов проблематики введения чувственных восприятий в структуру литературного произведения (К. В. Дьяков, А. В. Мансурова, А. В. Трифонова, М. Ю. Фиш и др.). Особенности сенсорных систем (зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса) используются в произведениях в качестве материала моделирования художественной реальности. У каждого писателя существует своя специфика описания сенсорной образности, в которых можно выделить общие закономерности.

Для изучения сенсорного образа Севера в лирике В. Шаламова были привлечены труды таких исследователей, как Л. Е. Ляпина, И. А. Макевнина, Е. В. Волкова. Термин «сенсорный» происходит от латинского «sense» – чувство, относится к психологии. В гуманитарные науки перешел в 1980-е–90-е: в западноевропейскую культурологию и лингвистику. Термин «сенсорика» в лингвистике представлена работой Е. И. Журавлевой «Языковые средства создания образности поэтического текста. Сенсорные образы и их значение (на материале стихотворения Р. М. Рильке «Spanische Tänzerin») // Проблемы культуры, языка, воспитания». Литературоведы обходились при описании «актов чувственности» терминологически размытым понятием «телесности». Потребность в использовании понятия «сенсорная поэтика» сложилась по мере осмысления пяти человеческих чувственных модусов как системы,

обладающей собственной коммуникативной спецификой, прежде всего межличностной. Соответственно, вырабатывалось представление о сходствах и различиях функционирования, иерархичности и историческом характере чувственных модусов. «Окружающая субъекта (героя произведения) реальность может быть сюжетно представлена в его ощущениях: зрительных, звуковых, тактильных, ольфакторных, вкусовых, – продуктивных для интерпретации героя и его мировидения. Конкретный отбор, структура и характер включения в текст образов, репрезентирующих эти ощущения, составляют сенсорную поэтику текстов» [5, с. 52].

В. Шаламов уделяет особое внимание так называемой телесности в своем творчестве – духовно-душевное, философское у него неотделимо от физического, чувственного восприятия. Лирику он называет палкой для слепого – с помощью нее читатель ощупывает мир. Фигуры и метафоры автора основаны на действительно существующих ощущениях, игре оттенками слов, обладающими разными значениями. Произведения Шаламова не только выражены сложным комплексом нравственно-духовных исканий, но также во многом определены «колымским» мировоззрением. Так, опыт пребывания в мире вечной мерзлоты длительностью в семнадцать лет, почти все его поэтическое наследие представлены в сборнике «Колымские тетради». Природный образ у Шаламова философичен, а его «стихотворения, связанные с осмысление онтологических категорий, основываются на зримых и отчетливо обрисованных образах» [5, с. 280].

Если «телесность» произведений Шаламова тесно связана с его лагерным опытом в суровых климатических условиях Колымы, который он называет «отрицательной школой», то отмеченная критиками музыкальная одаренность писателя, живой интерес к цветам, контрасту и формам, можно связать с его любовью к искусству. Деятельность художников постимпрессионистов и стиль Врубеля, Борисова-Мусатова оказали большое влияние на творчество В. Шаламова.

Зрение. Цвет

В зрительном описании свето- и цветовосприятия физиологически априорны и символичны. Е. В. Волкова отметила, что шаламовская символика – это своеобразная «цветопись» [8]. Белый цвет – один из самых часто встречающихся в лирике автора. Традиционное значение этого цвета – «чистота», «отрешенность от мирского бытия». Белый Шаламов называет индивидуальной окраской Севера («белая ночь… /северная ночь»), лебедь бела точно как сам Север. Также в стихотворении «Ты держись моя лебедь белая» она выступает за предвестницу тепла и

весны: «Ты не знаешь, чего ты вестница». Птицы в целом у Шаламова знаменуют смену времен года, указывают на изменения погоды. В «Заклятии весной» гуси и лебеди ассоциируются с белизной и приходом весны («Взмахни белоснежным платочком, играя в гусей-лебедей»), а в стихотворении «Здесь морозы сушат реки» куропатки белеют с наступлением зимы. Е. В. Волкова считает, что белый в лирике Шаламова – антипод тепла и ясности, и приводит пример: «...солнце показывалось так ненадолго, что не могло успеть даже разглядеть землю сквозь белую плотную марлю морозного тумана» [8]. Однако все же символ белизны нельзя назвать однозначным. Например, в следующей строке Шаламов связал белый цвет с явлением тепла, жара: «Чтобы раскалилась добела». Макевнина выделяет в качестве метафоры поэтического мира «белую страницу», а танатологический смысл обнаруживается в «белом надгробьи», нейтральный цветовой символ преломляется в образе «белого дыма» [6, с. 21]. Выделяют в качестве метафоры поэтического мира «белую страницу», а танатологический смысл обнаруживается в «белом надгробьи», нейтральный цветовой символ преломляется в образе «белого дыма» [6, с. 21].

В византийской живописи красный противопоставляется белому. Так и у Шаламова наблюдаются контрастные сочетания этих цветов. Это можно заметить в стихотворении «Перстень», где необычным образом сочетаются характеризующий снег «белый», означающий кровь «красный». Красный обычно ассоциируется с кровью – и здесь Шаламов придерживается употребления цветов в их традиционном значении: «Кровавый разливая свет», «Русский кровавый мак», «(луч) Он в глаза мне брызжет кровью», «В мире, полном кровавых слез» и т. д. Кровь показывает испытания, которым подвергаются герои стихотворений в суровых нечеловеческих условиях лагерного Севера – тот, кто слаб духом и телом, «кровью кашляет в ладонь».

Широкий семантико-эмоциональный разброс у Шаламова имеет черный цвет. Черный, в противоположность белому, означает конец всему сущему и смерть. В иконописи глубины пещеры – символ могилы и ада – выкрашивали черным. Черными в лирике В. Шаламова бывают лес и чаща: «над черными лесами», «черная чаща»; также глубины пещеры и колодцев: «над черным провалом пещер», «в этом черном колодце». Этот цвет Шаламов считает чуждой его мечте о белой, безукоризненно прозрачной северной ночи.

Уже реже встречается синий. Синий закрепляется за денотатами «снег», «лед» и «небо». Часто встречается устойчивое сочетание «синий

рот» – у героев от холода синеют губы, это также символизирует приближающуюся смерть. Оттенки синего означают безмятежность в противоположность горести и бедам: «Бровей синеющих разлет… /Голубоватый вечный лед… /И переменит прежний цвет /Той безмятежнейшей лазури /На краски горести и бед».

Слух

Соносфере, пожалуй, Шаламов уделяет наибольшее внимание в лирике, вводя звукообразы почти в каждый стихотворный текст. Способность чувствовать у лирического героя настолько сильно обострена, что он слышит почти каждый шорох, звуки, которые не способен уловить слух обычного человека: «я слышу, как растет трава», «снег шелестит, как бумага».

Искусство, в частности писательство, для Шаламова – единственный способ борьбы с разложением, именно декламация стихов помогает ему «дышать полной грудью» в суровых нечеловеческих условиях. Много поет песни не только лирический герой, но и все люди, которые появляются в тексте, иногда герой обращается во втором лице к читателю, как бы увеличивая роль его участия в стихотворении: «Ты песню ему запоешь», «Я полным голосом пою, /Пою красавицу свою», «Чью песню с юности поем», «Лишь тем, о чем поет она» и т. д. Огонь на холоде для героев превращается в священный предмет – перед ним встают на колени, ему поют песни и читают молитвы: «Ладони к огню повернешь, /И, встав пред огнем на колени, /Ты песню ему запоешь!». Помимо пения и чтения стихов, в лирике Шаламова фигурируют звуки, раскрывающие трагичность судьбы лирических героев – стоны боли, крик, плач и рыдание: «Где нищенка эта скулит под окном? /И стонет в лесу», «А иначе закричу. / В горле судороги плача». С помощью музыкальных терминов описывается звучание природы: буран – бас, метел – тенор, а вместе они составляют снежную симфонию. В одном из стихотворений визг и шелест издаются снеговым якутским богом метели, который идет на лыжах, неся за собой хлопья снега.

Тишина Шаламова амбивалентна, она может иметь и положительную, и отрицательную коннотацию: «В эту грозную тишину», «мы ищем тишины, мы ищем мира и покоя». Лес глухой и молчащий («Снова молчаливы, /До смерти пугливы /Белые леса»), а иногда он свистит и воет («Пронзительно свищут леса»).

Тема расчеловечивания в суровых условиях – одна из важнейших в творчестве В. Шаламова. Через звуковые ощущения он описывает, как человеческая речь превращается в животный рык и вой. В стихо-

творении «Он сменит без людей, без книг» бывший интеллигент воет по-волчьи, не различая добро и зло, роет себе ночлег. Здесь волчий вой символизирует одиночество, скитания и одичание. Если тишина амбивалентна, то человеческое молчание часто скорбное: «В немом трясутся плаче… /Хранить молчанье рта».

Осязание

Одним из ведущих символов, образов в творчестве Шаламова является тело, телесность, к которой тяготеет онтологическая символика. Тактильные ощущения многообразны: температурные, ощущения влажности, свежести, давления, боли и пр. Особое внимание в лирике Шаламова уделяется ощущениям температурного характера. Холод становится «фундаментальной данностью, реалистическим основанием, от которого восходят антропоцентрические, социальные доминанты, участвующие в воплощении художественного замысла автора. Холод в контексте «колымской» темы полисемантичен [2, с. 24]. Холод служит основной характеристикой ареала вечной мерзлоты. В стихотворении «Камея», написанном Шаламовым в поселке Борогон, Север описывается как «страна морозов и мужчин и преждевременных морщин».

Колымский локус в творчестве Шаламова отождествляется с последним кругом ада Данте, в котором невозможно жить: «Там самый день был средством пыток, /Что применяются в аду». Тела заключенных с каждым днем неизбежно все ближе и ближе к смерти. Холод также символизирует смерть, приближение к ней («В этой стылой земле, в этой каменной яме», «Здесь морозы сушат реки…»). В стихотворении «Я беден, одинок и наг» особенно ярко показаны телесные испытания героев – как бронхи рвет мороз, сводит рот, а слезы и пот на морозе превращаются в камни.

В стихотворении «Конечно, Оймякон» Шаламов холод Оймякона сравнивает с холодом Сатурна, замечая, что расстояние от Земли до Урана ближе, чем от Москвы до Оймякона – оптический обман. «Морозный наш туман /Масштабы дал другие» – мороз исказил представление лирического героя о многих вещах, в том числе о расстоянии, часах, о любви и преступлении. Искажение восприятия пространства и времени из-за сурового климата встречается также в тексте «Собаки бесшумно, как тени». «Все бьет, все слепит и воет», а из-за пурги лирическому герою трудно определить, где он находится: «А ты и на ощупь не знаешь – /Земля это или луна». Шаламов пишет: «На северной нашей земле, / Оптических горьких обманов».

Холод – природное явление, а тепло – искусственное (костер и печка) или исходит от людей («тепло твоего плеча», «тепло слов»). Тепло

– жизнь, живость («Кровь его еще тепла» – человек еще живой), также оно связано с темой памяти («Земле – и теплой, и родной»), беспамятства («весь ума остаток… /Как мусор, сжег бы я дотла») и беззаботного детства. В стихотворении «Едва вмещает голова» Шаламов сравнивает оледеневших на холоде людей с могильными плитами, противопоставляя живых мертвым. Часто определения «мерзлый», «холодный» примыкают к словам «камень», «могила», так или иначе, связывая холод со смертью («братской могилы / Холодней и темней»). Тепло, в свою очередь, несет положительный смысл: тепло, исходящее от руки любимого человека, вселяет надежду, веру в лучшее. Тепло чувствуют не только люди, но и животные и растения. Кошка предстает предсказательницей холодов, когда жмется ближе к печке. Стланик – северное дерево, способное реагировать на условия окружающей среды, предчувствуя похолодание, жмется к земле. Наделенный человеческими чувствами, стланик ищет тепло, а «обманутый огненной ложью», он распрямляется во весь рост и плачет, узнав об обмане – угаснувшем костре.

Обоняние. Вкус

Вкусовые ощущения у лирического героя Шаламова сильно искажены обстоятельствами: «Нам слаще патоки оно, / Повидло здешней грязи». В лагерных условиях заключенные недоедают и голодают, а кубик сахара становится праздничным блюдом. В стихотворении «Лиловый мед» герой сосет шиповник, который он называет лиловым медом. От этого простого лакомства у одинокого путника, проделавшего трудный путь, «кривится иссохший рот» в судороге счастья.

«Соленый» вкус («рубахи просоленные», «соленая рубаха») употреблен в своем прямом значении, относится к показателям физических (соленый пот) и духовных страданий (соленые слезы) лирического героя. Определение «горький» метафоризировано («горькие слова», «горькие слезы», «горьких обманов», «горько… /Календарь листать», «горького свиданья», «горечь пораженья») и используется как средство создания психоэмоционального портрета индивида [1, с. 378]. «Сладкий» тоже употреблено в переносном значении: «Нет участи слаще… /Чем пепел стучащий /В людские сердца». Также встречаются и контрастные сочетания «сладкого» и «горького»: «горькая услада», «терпкой сладости».

Запахи сами по себе не обладают самостоятельной отчетливой символикой. Свои смыслы они получают за счет источника или носителя запаха. Так, Шаламов отдельно выделяет запах Севера, которому он не дает четкого описания: «Чтобы севером дышать», «севером дышать».

Выделяется много абстрактных запахов: «чистый воздух, рассеивающий бред», «благоуханное небо», «целебный кислород». К природным относится запах гретой мяты, разряженный воздух горы, предгрозовая духота, а Колыма сырая («Сырые запахи гашенья»), затхлая и удушливая. Запахи в лирике Шаламова также связаны с внутренним состоянием героя, например, «тревожный запах цветов».

Заключение

В. Шаламов в своей лирике создает сенсорный портрет Севера с помощью пяти чувств: зрения, слуха и осязания, в меньшей степени вкуса и обоняния.

Зрительный образ Севера обладает индивидуальной «белой окраской». Красный традиционно связан с кровью и испытаниями, которым подвергаются герои стихотворений. Денотатами черного являются «лес» и «чаща», синими бывают «снег», «лед».

Акустическая картина Севера у Шаламова составлена из громких и неприятных звуков, таких как вой, свист, стон, и в противоположность им – отсутствие звука. Пение, чтение стихов вслух – единственный способ борьбы с разложением в суровых условиях. С помощью музыкальных терминов описывается звучание природы: буран – бас, метел – тенор, а вместе они составляют снежную симфонию.

В тактильном пространстве категория холода выступает как основная характеристика ареала вечной мерзлоты. Физический холод почти всегда сопровождается «внутренней» составляющей и имеет философское значение. Картинам распада часто противопоставлен теплый человеческий мир, т. к. холод – всегда природное явление, а тепло – жизнь, живость, поэтому исходит от людей или создано людьми.

Вкусовое и ольфакторное пространство описано у Шаламова скупо. «Соленый» вкус («рубахи просоленные») употреблен в своем прямом значении, а определение «горький» метафорично («горькие слова», «горькие слезы»). Вкусовые ощущения у лирического героя искажены обстоятельствами: даже самая невкусная еда кажется «слаще патоки». Шаламов отдельно выделяет запах Севера, которому не дает детального описания: «севером дышать». Много абстрактных запахов («чистый воздух, рассеивающий бред») и природных, например, гретый запах мяты, разряженный воздух горы, предгрозовая духота. Таким образом, сенсорный портрет Севера в лирике Шаламова обладает собственной художественной спецификой, в зрительных и отчетливых образах раскрывает философию автора и передает его тяжелый опыт пребывания в нечеловеческих суровых условиях.

Литература

1. Бойчук, А. С. Лингвистический анализ «Вкусовых» метафор русского языка / А. С. Бойчук // Известия Тульского государственного университета. – Серии: «Гуманитарные науки». – 2012. – № 2. – С. 372–379.
2. Гайворонская-Кантомирова, А. Н. Семантическое пространство категории «холод» в художественном творчестве Варлама Шаламова / А. Н. Гайворонская-Кантомирова // Lingua mobilis. – 2011. – № 6 (32). – С. 24-29.
3. Ганущак, Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система / Н. В. Ганущак. – URL: //https://core.ac.uk/download/pdf/197377681.pdf
4. Кротова, Д. В. В. Шаламов и Н. Гумилев: к вопросу о поэтической генеалогии автора «Колымских тетрадей» // Вестник Томского государственного университета. – Филология. – 2021. – № 70. – С. 273–284.
5. Ляпина, Л. Е. К исторической поэтике сенсорных характеристик / Л. Е. Ляпина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 3 (72). – С. 52–53.
6. Макевнина, И. А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика ; специальность 10.01.01. «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (защищена 17.11.06) / Макевнина Ирина Анатольевна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2006. – 257 с.
7. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: Семантика и структура. – Москва, 1983. – С. 240–257.
8. Эстетический феномен Варлама Шаламова. – URL: https://shalamov.ru/research/13/ (дата обращения: 01.09.2022)

References

1. Boichuk, A. S. Linguistic analysis of «Taste» metaphors of the Russian language / A. S. Boichuk // Proceedings of the Tula State University. – Series: «Humanitarian sciences». – 2012. – No. 2. – P. 372–379.
2. Gaivoronskaya-Kantomirova, A. N. Semantic space of the category «cold» in the artistic work of Varlam Shalamov / A. N. Gayvoronskaya-Kantomirova // Lingua mobilis. – 2011. – No. 6 (32). – P. 24–29.
3. Ganuschak, N. V. Varlam Shalamov's creative work as an artistic system / N. V. Ganuschak. – URL: //https://core.ac.uk/download/pdf/197377681.pdf
4. Krotova, D. V. Shalamov and N. Gumilyov: on the question of the poetic genealogy of the author of the Kolyma Notebooks // Bulletin of the Tomsk State University. – Philology. – 2021. – No. 70. – P. 273–284.

5. Lyapina, L. E. On the historical poetics of sensory characteristics / L. E. Lyapina // Bulletin of the Cherepovets State University. – 2016. – No. 3 (72). – P. 52–53.
6. Makevnina, I. A. Poetry of Varlam Shalamov: aesthetics and poetics ; specialty 10.01.01. «Russian Literature» : dissertation for the degree of candidate of philological sciences (defended on 11/17/06) / Makevnina Irina Anatolyevna; Volgograd State Pedagogical University. – Volgograd, 2006. – 257 p.
7. Toporov, V. N. Space and text / V. N. Toporov // Text: Semantics and structure. – Moscow, 1983. – P. 240–257.
8. Aesthetic phenomenon of Varlam Shalamov. – URL: https://shalamov.ru/research/13/ (date of access: 09/01/2022).

Сведения об авторах

ОЩЕПКОВА Анна Игоревна – к. филол. н., доцент, зав. каф. русской литературы XX века и теории литературы, СВФУ им. М.К. Аммосова

OSHCHEPKOVA, *Anna Igorevna* – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature of the 20th Century and Theory of Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

СЛЕПЦОВА Виктория Николаевна – магистрант группы М-ПФПД-22 филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова

SLEPTSOVA, *Victoria Nikolaevna* – master's student of the M-PFPD-22 group of the Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ИСТОРИЯ

УДК 656.025.4 (571.56) (091)
DOI 10.25587/SVFU.2022.99.18.007

В. С. Акимова, Н. И. Васильев
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: valentina006@mail.ru; e-mail: kolyailchov@gmail.com

К некоторым вопросам организации перевозки казенных грузов в Якутской области в XVIII – I четверти XIX вв.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы доставки различных грузов на рубеже XVIII – I четверти XIX вв. в отдаленные места Якутской области и к Охотскому морю, которое активизировалось в связи с продвижением и освоением новых территорий на северо-востоке. Эти процессы увеличили потребность доставки грузов до отделенных дальних территорий Российской империи и стали одной из особых сфер деятельности якутов. В статье раскрывается как на протяжении полутора веков подводная повинность – обязательство предоставления лошадей и проводников для перевозки грузов в Охотск и ряд других мест была положена тяжелым бременем на улусы Якутского округа. Показано как будучи обусловленной стратегическими государственными задачами охраны границ, усиление роли России в регионе, вопрос о перевозке грузов якутами был краеугольным камнем взаимоотношений якутов с местной администрацией и царским правительством. Вокруг этого вопроса происходил не только торг о цене перевозок, но и о разделении полномочий и власти над инородцами Якутской области. В статье на основе архивных данных проанализированы вопросы организации и распределения казенных грузоперевозок, вплоть до Охотского порта, Камчатки и Русской Америки, а также его влияние на социально-экономическое положение якутских князцев. Архивные материалы сохранили для науки ценные сведения.
Ключевые слова: подводная повинность, казенный груз, перевозка грузов, северо-восток России, улус, хозяйство, князцы, инородцы, вьючная лошадь, имущественная дифференциация.

Для цитирования: Акимова В. С., Васильев Н. И. К некоторым вопросам организации перевозки казенных грузов в Якутской области в XVIII – I четверти XIX вв. // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 114–128.

V. S. Akimova, N. I. Vasiliev
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: valentina006@mail.ru; kolyailchov@gmail.com

On some issues of the organization of the transportation of state-owned goods in the Yakut region in the 18th – 1 quarter of 19th centuries

Abstract. The article is concerned with the delivery of various goods at the turn of the 18th – 1st quarter of the 19th centuries to remote places of the Yakut region and to the Okhotsk Sea, which became more active in connection with the promotion and development of new territories in the Northeast. These processes increased the need for cargo delivery to the separated distant territories of the Russian Empire and became one of the special spheres of activity of the Yakuts. The article reveals how for a century and a half the drayage duty – the obligation to provide horses and guides for the transportation of goods to Okhotsk and a number of other places was put a heavy burden on the uluses of the Yakut district. It is shown how, being conditioned by strategic state tasks of border protection, strengthening the role of Russia in the region, the issue of cargo transportation by Yakuts was the cornerstone of the Yakuts' relationship with the local administration and the tsarist government. Around this issue, there was not only bargaining about the price of transportation, but also about the division of powers and power over the indigenous peoples of the Yakut region. The article analyzes the issues of organization and distribution of state cargo transportation, up to the Port of Okhotsk, Kamchatka and Russian America, as well as its impact on the socio-economic situation of the Yakut feudal lords, based on archival data. Archival materials have preserved valuable information for science.
Keywords: drayage duty, state cargo, cargo transportation, north-east of Russia, ulus, economy, feudal lords, indigenous people, packhorse, property differentiation.

For citation: Akimova V. S., Vasiliev N. I. On some issues of the organization of the transportation of state-owned goods in the Yakut region

in the 18th – 1 quarter of 19th centuries // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 114–128. (In Russ.)

Введение

Одним из самых значительных явлений в истории дореволюционной Якутии была доставка различных грузов к Охотскому морю и в другие отдаленные места. На рубеже XVIII–XIX вв. освоение новых территорий на Северо-Восток России требовало необходимость организации доставки казенных грузов до новых земель. С точки зрения царского правительства, работы по снабжению Охотского порта, Камчатки и Русской Америки представлялись важной государственной задачей. Они осуществлялись в сложнейших природно-климатических условиях огромной территории крайнего Северо-Востока России, и этот путь проходил через Якутскую область. Пути сообщения в Якутии были крайне неразвиты и сложны для «эксплуатации», раскинувшись на огромных расстояниях. Основной путь поставки грузов на северо-восток в изучаемый период проходил через Иркутско-Якутский тракт, Якутско-Охотский почтовый тракт, Якутско-Колымский тракт. Это позволило активно привлечь местное население, в основном якутов, к перевозке казенных грузов до Охотска и других окраин северовостока. Так, местное якутское население было привлечено в сферу экономической жизни Российского государства. В силу необходимости перевозки огромного потока казенных грузов государство возложило на местное население Якутской области обременительную подводную повинность.

Вопросами становления и развития перевозки грузов XVII–XIX вв. на Северо-Восток Российского государства интересовались многие исследователи. В основном это отрывочные сведения в контексте вопросов общей характеристики социальной и экономической жизни якутов, политической и экономической борьбы якутских тойонов, аграрного и других вопросов в работах Г. П. Башарина, А. А. Борисова, В. Ф. Иванова, Л. Г. Левенталя, З. И. Петуховой, Ф. Г. Софронова и др. Ряд исследователей – П. Л. Казарян и другие затрагивали данный вопрос в связи с изучением истории развития путей сообщения в Якутии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обобщить и систематизировать организацию перевозки грузов в XVIII – I четверти XIX в. в Якутской области и привлечения местного населения в этот процесс. Научная новизна работы заключается во введении неопубликованных ранее архивных документов.

Цель настоящей статьи – проанализировать процесс организации и распределения работ по перевозке казенных грузов и его влияние на социально-экономическое положение якутов.

Основным методом исследования является принцип историзма, который позволяет дать объективную оценку организации и распределения работ по перевозке грузов в Якутской области в XVIII – I четверти XIX в.

Основу источниковой базы исследования составили существующая научная литература, опубликованные и неопубликованные архивные документы.

Основная часть

В условиях огромных расстояний, сложных природно-климатических и географических условий, отсутствия путей сообщения в Якутской области перевозка казенных грузов была одним из самых важных видов деятельности местного населения. Перевозка грузов вменялась якутам в качестве подводной повинности с 1720-х гг. и по своим размерам превосходила все прочие подати и повинности. Казенные грузы (крупы, другой провиант, медикаменты, материалы, снаряжение и др.) якуты были обязаны перевозить на сотни верст в Охотск на Камчатку и в другие отдаленные места. Кроме того, их обязали содержать часть почтовых станций между Якутском и Иркутском, а также дороги, ведущие к острогам и зимовьям Якутской области. Охотский тракт обслуживали подгородные якуты; верхоянские якуты обслуживали тракт, соединявший Якутск с Зашиверском; вилюйские и олекминские якуты обслуживали Якутско-Иркутский тракт [5]. Не менее тяжелыми были и социальные условия осуществления этой повинности. В процессе исполнения этой повинности наносился ущерб хозяйству, усиливалась имущественная дифференциация, усугублялась зависимость малоимущих якутов от князцов. В разные периоды перевозка грузов якутами производилась на разных условиях. Еще в 1830 г. архивариус П. И. Старостин по поручению областного начальника составил доклад «Об отправлении казенных тяжестей с древнейших времен», где были сведены документальные сведения о количестве поставленных лошадей и условиях оплаты с 1736 по 1830 гг.

До 1736 г. сбор лошадей и проводников из якутских улусов не регламентировался и не фиксировался. Здесь можно лишь указать на то, что в текстах шертований (клятв) якутских князцов середины XVII в. содержались обязательства не только платежа ясака, но и участия в военных походах против врагов царя. Современными исследователями

шертные грамоты рассматриваются в том числе как неравноправные международные договоры. Таким образом, снабжение лошадьми и проводниками походов русских служилых в XVII в. было обусловлено отношениями, характерными для активной фазы освоения восточных территорий, когда границы государства и отношения с соседними народами были весьма изменчивы. Якутские князцы в XVII в. свою деятельность в пользу российской короны воспринимали, прежде всего, как службу, а себя в качестве самостоятельных предводителей своих родов. Неслучайно, в начале XVIII в. существовала практика, когда в отдельных случаях якутских князцов верстали в дворян и назначали жалованье.

В дальнейшем социальный статус как якутских волостей, так и их предводителей в общероссийской системе управления постепенно менялся, все более приближаясь к статусу государственных крестьян и их выборных старост. Надо отметить, что это замечание имеет важное значение как с точки зрения начальной точки отсчета перевозки казенных грузов, так и в плане выяснения общей картины изменения социальных отношений.

Начиная с середины 1720-х гг., перевозка грузов стала вменяться ясачным в качестве обязательной повинности. Исследователь правового положения народов Сибири М. М. Федоров связывает это изменение с деятельностью посольства С. Л. Владиславовича-Рагузинского в Китай в 1725 г., увенчавшееся заключением Кяхтинского трактата [12]. Будучи наделен полномочиями на наведение порядка в управлении ясачными, Рагузинский в 1728 г. издал знаменитую инструкцию пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву. В виде приложения к ней была составлена дополнительная инструкция для объявления «верноподданным» ясачным. Этими документами была подтверждена власть родоначальников, а в обязанность всех «улусных» людей вменялось не только подчинение родоначальникам, но и соблюдение царских законов. И хотя эти документы были изначально направлены ясачным ламаистского вероисповедания, они применялись и к остальным народам Восточной Сибири. К этому же времени относятся и походы казачьего головы Шестакова против чукчей. Так, императорским указом в 1727 г. предписывалось довести количество якутских служилых людей до 1500 человек, а «для изыскания новых землиц и призыву в подданство немирных иноземцев» направить 400 человек. В ряде инструкций, данных правительством руководителю Камчатских экспедиций капитану Берингу и начальнику Охотска Г. Скорнякову-Писареву в 1730-х гг. предписывалась организация регулярного сообщения между Охотском и Тобольском, организация

станков на трактах, перевозка необходимых грузов и ряд других мероприятий. Наиболее массовое и при этом регулярное привлечение якутов к перевозке казенных грузов началось с основанием портов в Охотске и на Камчатке, и с началом регулярного почтового сообщения в Восточной Сибири в царствование Анны Иоанновны. Эти же события были связаны с усилением Российской империи, что вызвало необходимость уточнении границ и отношений с соседними государствами и народами, а также и регламентирование управления ясачными подданными. Таковы были условия возникновения регулярной перевозки грузов в Охотск, Удский острог, Зашиверск, Верхоянск, Колымскую вершину.

Таким образом, перевозка грузов в отдаленные места как часть подводной повинности (в нее так же входило и содержание станций по трактам и почтовая гоньба), возникнув в середине 1720-х гг., просуществовала до 1773 г. Этот период был наиболее тяжелым и разорительным для якутов. Ежегодно вилюйские и подгородные (будущий Якутский округ), а с 1764 г. и олекминские якуты поставляли лошадей и проводников. В первые годы (1736–1742) собирали в среднем в год по 661 лошади и 103 проводника. В дальнейшем эта повинность все расширялась. В 1764–1773 гг. якуты выставляли ежегодно в среднем по 5428 лошадей и 840 проводников. Всего с 1736 г. по 1773 г., по имеющимся данным, якуты выставили 111952 лошади и 17367 проводников, или в среднем по 3026 лошадей и 470 человек в год [1, с. 235–237].

Организация перевозки грузов на северо-восток требовала мобилизации огромного количества лошадей, которые ежегодно погибали в больших количествах на путях сообщения. Несомненно, такая ситуация негативно сказывалась на темпах роста лошадей [4, с. 16]. Последствия исполнения повинности в этот период заключались не только в разорении и обнищании якутов, но и в усилении имущественной дифференциации якутов, увеличении зависимости бедных от богатых.

Начиная с 1774 г., повинность была заменена перевозкой на условиях подряда, который брали на себя иногородние купцы до 1785 г. Эти купцы нанимали лошадей все у тех же якутов за меньшую плату. Зачастую запланированных лошадей не хватало и они убеждали Якутскую администрацию мобилизовать лошадей у населения, т. е. у якутов. С 1785 г. доставка тяжестей из Якутска в Охотск и другие места осуществлялась якутами. Обострение отношений между Испанией и Россией в конце XVIII в. остро вызвало вопрос снабжения Охотска провиантом, предназначавшегося для обороны побережья Охотского моря и Камчатки. Местное якутское население, на которое была

возложена перевозка грузов по Якутско-Охотскому и другим трактам как подводную повинность, быстро разорялось. Было решено организовать перевозку грузов путем найма лошадей за счет казны. Подрядчиками выступили иркутские купцы, которые, не имея собственных лошадей, нанимали их у якутов через якутских «родоначальников». Таким образом, купцы стали посредниками между казной и якутскими тойонами, понятно, что определенная часть платы купцами присваивалась. Невыгодность сделки была очевидна. И с 1795 г. правительство заставило якутских родоначальников организовать поставку клади на выгодных условиях, нанимая лошадей у местных жителей [1, с. 110–113]. Но доставка клади, по всей видимости, все же была делом невыгодным. Так, в Национальном Архиве Республики Саха (Якутия) сохранилась переписка иркутской казенной палаты с якутским уездным судом. В архивных материалах имеется указ его императорского величества от 7 апреля 1800 г. якутскому уездному суду о предписании через подрядчиков доставить находящимся в Охотске, командам контр-адмирала И. К. Фомина и капитан-лейтенанта Бухарина провизию. А именно: восемьдесят два пуда и тридцать фунтов масла, 138 пудов ячной крупы, 69 пудов и 2,5 фунта гречневой крупы, 193 пуда и 15 фунтов мяса живым скотом, 138 пудов гороха [9, л. 4]. Перевезти провизию вызвался купец Протодьяконов, но цена подряда, предложенная купцом, была слишком высока. Также подрядили Илгинский винокуренный завод к поставке 340 пудов ржаного солода, купца Ситникова к поставке 300 пудов ячного солода. Из рапортов от 25 мая 1800 г. по 29 января 1802 г. якутского уездного суда и нижнего земского суда видно, что подрядчики на поставки морской провизии не являлись [8, л. 11]. Таким образом, можно констатировать, что перевозка клади для гарнизонного полка А. А. Сомова и команды И. Н. Бухарина проводилась в довольно сложной обстановке, особенно учитывая территориально-климатические условия. Поэтому помощь, оказанная населением Якутского уезда, была оценена лично императором. Некоторые представители якутских «родоначальников» были награждены медалями. В дальнейшие годы предводители якутов вели последовательную борьбу за облегчение условий перевозки грузов.

На рубеже XVIII–XIX вв., пользуясь обострением международной обстановки, проявив высокий уровень настойчивости и последовательности, якутские князцы сумели четко осознать и сформулировать свою роль в системе государственной политики России на ее восточных окраинах, добиться относительно благоприятного для себя решения вопроса об условиях подряда на перевозку грузов, одновременно отстаивая и

свои притязания политического характера, в частности, ставили перед правительством ряд вопросов по расширению самоуправления, а также ряд экономических вопросов. При этом вопрос об условиях исполнения подводной повинности занимал центральное место. Исследователи, в частности А. А. Борисов, отмечают четкую преемственность в постановке вопросов [2, с. 5–11].

Первая четверть XIX в. стала наивысшей точкой расширения власти и значения якутских князцов. Об этом свидетельствует большое количество делегаций к монаршим особам, предпринятое предводителями якутов в этот период, а также факт награждения именными медалями 9-ти якутских князцов. В дальнейшие годы предводители якутов вели последовательную борьбу за облегчение условий перевозки грузов. Автор одного из самых ранних специальных этнографических работ о якутах А. Ф. Миддендорф считал огромные масштабы перевозок, осуществлявшиеся якутами, одним из важнейших обстоятельств [7, с. 769–770].

К 1808 г. они добились относительно высоких цен за доставку грузов. Кроме того, были выработаны специальные условия и порядок доставки грузов, значительно снижающие риски перевозчиков при утрате или недовозе грузов. Вместе с тем, осуществление перевозок сопровождалось большим количеством злоупотреблений. Средства, выплачиваемые казной, отчасти расхищались, отчасти способствовали развитию внутренней торговли. В целом же, они не могли значительно повлиять на местную экономику из-за натурального характера сельскохозяйственного производства. При относительно благоприятных условиях, несмотря на увеличение цен за поставку лошадей, расходы, которые несли наслега сверх казенных денег на перевозку грузов, продолжали расти. При этом нужно заметить, что несмотря на все злоупотребления, сложившаяся практика в целом соответствовала местным условиям быта. Справедливости ради следует отметить, что безраздельное политическое и экономическое господство тойонов над своими сородичами в конечном счете обеспечивало бесперебойное выполнение столь сложной и масштабной задачи как перевозка грузов.

Начиная с середины 1820-х гг., когда началось введение в жизнь положений нового инородческого законодательства, областные и губернские власти стали требовать неуклонного исполнения всех требований, например запрета на исполнения натуральных повинностей путем найма. В этом и ряде других вопросов проявился консервирующий, реакционный характер нового законодательства.

Влияние перевозки грузов на социально-экономическое положение якутов носило двоякий характер. По приблизительным данным, приплод лошадей в Якутии был сопоставим с количеством лошадей, поставлявшихся на тракты. Но при этом, возможно сохранение тойонами поголовья конного скота (не приносившего прямого денежного дохода) было отчасти обусловлено необходимостью иметь коней для осуществления подводной повинности.

При всем том, называясь подрядом, доставка грузов по своей сути продолжала оставаться именно повинностью, на что указывал еще в 1822 г. граф М. М. Сперанский, который писал, что «образ исполнения контракта на перевозку тяжестей ясно показывает, что он составляет не контракт, но повинность, ибо по раскладке падает оная на всех, даже не имеющих никакого скотоводства; самые отдаленные помогают деньгами, и таким образом все несут сей повинности» [3, с. 9].

Глубокая несправедливость существовавшего в начале XIX в. порядка вещей заключалась в том, что руководимая тойонами перевозка грузов своими сопутствующими всевозможными так называемыми общественными расходами на поездки, собрания, письмоводство, взятки и прочее, пополняла карманы улусной верхушки, а в конечном итоге все эти расходы списывались на наслежные и улусные сметы, платежи по которым равномерно распределялись на всех жителей, что вело к еще большему обнищанию и закабалению малоимущей части общества. Находившиеся в долговой зависимости от тойонов якуты выполняли работы, отдавали продукты труда (масло) в счет долгов, тем самым делая еще более прибыльным содержание станков и принятие на себя отдельными родовичами (как правило бывшими или действующими князцами) расходов по перевозке всего груза, приходящегося на наслег или его часть. Дело в том, что несмотря на то, что подводная повинность относилась к повинностям натуральным и должна была исполняться по очереди, в рассматриваемый период уже давно сложилась практика, когда отдельные лица, выступая «жертвователями», принимали на себя обязательства всего наслега или его часть за денежную компенсацию, которая возмещалась из наслежных смет. Здесь нужно отметить, что подобный порядок в условиях огромных расстояний и рассеянного расселения, вероятно, облегчал техническое исполнение повинности для обществ. Кроме того, он давал возможность какому-то числу людей работать за наличную оплату. По всей видимости, это тот случай, когда развитие капиталистических отношений значительно опередило развитие законодательства.

Этот «своеобразный» по выражению Л. Г. Левенталя способ исполнения повинности был обусловлен прежде всего натуральным характером хозяйства якутов [6]. Продукты коневодства не являлись источником прямой денежной прибыли. Но зато небольшие для масштабов перевозок деньги, получаемые из казны тойонами, подпитывали розничную торговлю, которую вели между собой и с другими народами якуты. Нерегламентируемая государством розничная развозная торговля была тесно связана с деятельностью все тех же князцов, а так же и проводников караванов. Эта неэквивалентная торговля, когда за привозные товары улусный житель расплачивался маслом, мясом, скотом, иными продуктами труда, а часто и отработкой, была еще одним фактором осуществления и укрепления князцами своей власти над соплеменнниками. Практически никак не отражаясь ни в каких документах, эта торговля, сопряженная и с разного рода ростовщическими операциями, пронизывала все стороны жизни якутов того времени. Именно этот фактор позволял князцам богатеть за счет организации общественных дел, а обездоленную часть общества толкал на выполнение самых тяжелых и опасных работ.

Таким образом, подводная повинность постепенно становится довольно прибыльным делом для верхушки якутского общества. Оборотной стороной этого относительно благоприятного, с точки зрения условий, периода стали многолетние тяжбы и предъявления счетов казне, улусам, наслегам, отдельным подрядчикам. При этом в эти счета вносились всевозможные расходы, в том числе оплата поездок в город, наем писарей, разного рода пожертвования и издержки. Долгое время эти счета никем не оспаривались, в конечном счете, чаще всего эти значительные суммы денег раскладывались на жителей наслега или всего улуса.

В системе сбора податей и повинностей важную роль играла круговая порука, т. е. общая ответственность каждого наслега за платеж ясака, за отбывание податей и повинностей, в частности подводной повинности. Круговая порука, возникшая еще с XVII в., окончательно была узаконена Первой Ясачной комиссией и подтверждена «Уставом об управлении инородцев Сибири». С постепенным расширением полномочий князцов, увеличением товарно-денежных потоков увеличивались злоупотребления, и при их пресечении оказывались причастными большое количество наслегов и должностных лиц, управлявших ими, что приводило к многолетним тяжбам, как видно из документа о взыскании старшиной Борогонского улуса Колодезниковым Григорием денег с Борогонского князца Попова Дмитрия и Кангаласского князца Шадрина

Ильи за невыполнение ими подряда по поставке лошадей на Аллах-Юньскую и Юдомо Крестовую обывательскую станции, где непоставка была совершена в 1809 г., а тяжбы шли до декабря 1818 г. [8, л. 1–16].

Этот весьма беспорядочный процесс имел, на наш взгляд, двоякое значение. Будучи сильно сопряжен с развозной розничной торговлей, которая в это время так же сосредотачивалась в руках якутов, с одной стороны, он увеличивал в целом экономическую нагрузку на население. С другой стороны, в условиях огромного недостатка финансовых средств деньги от казны за извоз и гоньбу способствовали развитию внутренней торговли.

Начиная с 1820-х гг., правительство принимает ряд активных мер по упорядочению законодательства и в целом процедур хозяйственной жизни. Это время работы в Сибири выдающегося государственного деятеля графа М. М. Сперанского. Постепенно произошедшее упорядочение исполнения повинностей, запрет раскладок на все общество расходов на поездки, собрания и прочее приводили ко все более значительному сокращению расходов, а значит и личных выгод от несения общественных повинностей.

В дальнейшем, когда исчезла почва для разного рода приписок и злоупотреблений, организация перевозок стала менее прибыльна для тойонов и менее разорительна для населения. Одновременно в эпоху Николая I происходило постепенное снижение внимания правительства к Тихоокеанскому региону по сравнению с александровской эпохой. Постепенно происходило неизбежное принятие факта невозможности полноценного снабжения и, главное, защиты американских владений. Сыграли свою роль и начавшиеся плавания судов РАК.

Будучи крупным и сложным явлением, перевозка грузов к Тихоокеанскому побережью и ряду других мест оказывала влияние на самые разные сферы жизни. Но прежде всего ее нужно рассматривать как повинность, которую накладывал царский режим на якутов. Занимая самую значительную долю в системе колониального гнета, перевозка грузов являлась главным вопросом якутской жизни рубежа конца XVIII – начала XIX вв. [11].

Как было показано выше, на рубеже XVIII–XIX вв. этот процесс достиг своего рода апогея, когда предводители улусов вышли на императоров и сумели обосновать перед ними общегосударственную значимость своей деятельности, добиться весьма выгодных для себя уступок экономического и политического характера. Как справедливо отмечают исследователи, несмотря на все издержки своего времени, якутские

тойоны продемонстрировали не только выдающиеся политические и организаторские способности, но и определенный уровень развития исторического и гражданского сознания [10, с. 32]. Все это способствовало, в том числе созданию Степной думы семи улусов Якутского округа.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что большую роль в организации этого процесса сыграли якутские родоначальники, которые занимались поставкой лошадей, подвод и проводников для перевозки грузов. Преследуя собственные цели, тойоны осуществляли перевозки грузов не путем несения натуральной повинности всеми якутами по очереди, а путем контракта с казной отдельных подрядчиков за счет улусов, а улусы в счет наслегов по числу ревизских душ. Следствием этих стремлений стало соглашение с казной 1808 г., за счет которого якутские князцы смогли добиться наиболее выгодных для себя условий перевозки грузов, что было отражено в порядке доставки грузов и расчетов. Институт улусных голов, учрежденный в XVIII в. прежде всего для осуществления и координации фискальных функций, был в значительной мере обусловлен задачами организации исполнения повинностей и в том числе перевозки казенных грузов.

В первой трети XIX в. якуты осуществляли перевозку казенных грузов в качестве самостоятельных подрядчиков за определенную плату. Вместе с тем, осуществление перевозок сопровождалось большим количеством злоупотреблений. Средства, выплачиваемые казной, отчасти расхищались, отчасти способствовали развитию внутренней торговли. В целом же, они не могли значительно повлиять на местную экономику из-за натурального характера сельскохозяйственного производства. При относительно благоприятных условиях, несмотря на увеличение цен за поставку лошадей, расходы, которые несли наслега сверх казенных денег на перевозку грузов, продолжали расти. При этом нужно заметить, что, несмотря на все злоупотребления, сложившаяся практика в целом соответствовала местным условиям быта. Справедливости ради следует отметить, что безраздельное политическое и экономическое господство тойонов над своими сородичами в конечном счете обеспечивало бесперебойное выполнение столь сложной и масштабной задачи как перевозка грузов.

Начиная с середины 1820-х гг., когда началось введение в жизнь положений нового инородческого законодательства, областные и губернские власти стали требовать неуклонного исполнения всех требований, например, запрета на исполнения натуральных повинностей путем

найма. В этом и ряде других вопросов проявился консервирующий, реакционный характер нового законодательства.

В демографическом аспекте первая треть XIX в. рассматривается как один из наиболее благоприятных периодов в истории якутского народа с точки зрения прироста населения. Отчасти этим приростом, вероятно, были обусловлены процессы обезземеливания и роста социального напряжения, выразившегося в стихийных выступлениях и преступлениях.

В социально-политическом отношении рассматриваемый период характеризуется формированием и осознанием общности интересов якутских тойонов. В сочетании с относительно бурным развитием внутренних торгово-экономических связей рассматриваемый период можно оценивать как одну из важнейших вех процесса консолидации якутов в единую культурную и экономическую общность.

Литература

1. Башарин, Г. П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 томах ; ответственный редактор В. Н. Иванов. – Москва : Арт-Флекс, 2003. – Т. 1. – 447 с.
2. Борисов, А. А. Якутские депутации и инородческое законодательство как одна из особенностей политики Российской империи на северо-востоке (конец XVIII – I пол. XIX в.) / А. А. Борисов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018, № 56. – С. 5–11.
3. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / В. И. Вагин. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 9.
4. Иванов, В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (начало XIX в.) / В. Ф. Иванов. – Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. – С. 16.
5. Казарян, П. Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.) / П. Л. Казарян. – Якутск : Издательство СВФУ, 2012. – 147 с. – ISBN 978-5-7513-1627-3.
6. Левенталь, Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов (от 1766 г.) / Л. Г. Левенталь, Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Ленинград, 1929. – 462 с.
7. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении : в 2 частях, отд. 5 / А. Ф. Миддендорф. – Санкт-Петербург, 1869. – С. 769–770.

8. Национальный архив РС (Я). Ф. И-181. Оп. 1. Д. 222 Л. 1–12.
9. Национальный архив РС (Я). Ф. И-180, Оп. 1. Д 131, Л. 1–16.
10. Петухова, З. И. Инициативы якутской степной думы по расширению полномочий / З. И. Петухова // Вестник Бурятского государственного университета. – Философия. – 2011, № 7. – С. 32.
11. Сафронов, Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – сер. XIX в. / Ф. Г. Сафронов. – Москва : Издательство «Наука», 1980. – 144 с.
12. Федоров, М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.) / М. М. Федоров. – Якутск : Книжное издательство, 1978.

References

1. Basharin, G. P. History of agrarian relations in Yakutia : in 2 volumes ; executive editor V. N. Ivanov. – Moscow : Art-Flex, 2003. – T.1. – 447 p.
2. Borisov, A. A. Yakut deputations and foreign legislation as one of the features of the policy of the Russian Empire in the Northeast (the end of the 18th – 1 half of the 19th century) / A. A. Borisov // Bulletin of Tomsk State University. History. – 2018, No. 56. – P. 5–11.
3. Vagin, V. I. Historical information about the activities of Count M. M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822 / V. I. Vagin. – T. 2. – St. Petersburg, 1872. – P. 9.
4. Ivanov, V. F. Socio-economic relations in Yakutia (beginning of the 19th century) / V. F. Ivanov. – Novosibirsk : Nauka, Siberian publishing company, 1992. – P. 16.
5. Kazaryan, P. L. Land communications of North-Eastern Russia (XVII century – 1920) / P. L. Kazaryan. – Yakutsk : NEFU Publishing House, 2012. –147 p. – ISBN 978-5-7513-1627-3.
6. Leventhal, L. G. Taxes, duties and land among the Yakuts (from 1766) / L. G. Leventhal, D. M. Pavlinov, N. A. Vitashevsky // Materials on customary law and public life of the Yakuts. – Leningrad, 1929. – 462 p.
7. Middendorf, A. F. Journey to the North and East of Siberia. North and East of Siberia in natural-historical terms : in 2 parts, sep. 5 / A. F. Middendorf. – St. Petersburg, 1869. – P. 769–770.
8. The National Archive of the RS (I) – (ON the RS(I)). F. I-181. Op. 1. D. 222 l. 1–12.
9. The National Archive of the RS(I) – (ON the RS(I)). F. I-180, Op. 1. D 131, l. 1–16.

10. Petukhova, Z. I. Initiatives of the Yakut Steppe Duma to expand powers / Z. I. Petukhova // Bulletin of the Buryat State University. – Philosophy. – 2011, No. 7. – P. 32.
11. Safronov, F. G. Russian crafts and trades in the north-east of Asia in the XVII – mid-XIXth century / F. G. Safronov. – Moscow : Publishing house «Nauka», 1980. – 144 p.
12. Fedorov, M. M. The legal status of the peoples of Eastern Siberia (XVII – early XIX century) / M. M. Fedorov. – Yakutsk : Publishing House, 1978.

Сведения об авторах

АКИМОВА Валентина Семеновна – к. ист. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии исторического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: valentina006@mail.ru

AKIMOVA, *Valentina Semenovna* – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ВАСИЛЬЕВ Николай Ильич – студент исторического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: kolyailchov@gmail.com

VASILIEV, *Nikolay Ilyich* – student of the Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

УДК 796.093.41
DOI 10.25587/SVFU.2022.85.51.008

А. А. Захаров, Я. И. Яковлев
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
e-mail: alalza@mail.ru

Реконструкция правил традиционного вида борьбы Саха

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать старинные правила традиционного вида борьбы народа Саха**.** Авторы отмечают, что активная пропаганда и развитие традиционных игр и состязаний с наложением спортивного статуса ведет к существенным изменениям правил и канонов, заложенных во внутреннюю сущность традиционных игр и состязаний. Так, любой вид физической активности, в том числе этнические виды состязаний, игры с получением статуса «вид спорта», во-первых, выходят за рамки национальных, этнических границ, во-вторых, «видам спорта» характерны частые изменения и обновления правил состязаний, в угоду различным «благим» целям, как: «популяризация», «снижение травм» и т. д. Как показывает исторический опыт, унификация якутских традиционных видов борьбы в 20–30 гг. прошлого века, в частности разработка единых правил, способствовала тому, что в 1945 г. были выделены и сформулированы правила по двум якутским традиционным видам борьбы: курдаһан тустуу (борьба на поясах) и хапсагай. Однако, выделение двух отдельных видов спорта не способствовало развитию обоих видов спорта, и на сегодня, курдаһан тустуу (борьба на поясах) практически забыт в нашей республике. Следовательно, авторы утверждают, что до 20–30 гг. XX в. якутская традиционная борьба включала элементы борьбы, допускающие захваты за штанину (сыалыйа) и за пояс.

Ключевые слова: хапсагай, курдаһан тустуу, сыалыйа, ысыах, борьба на поясах, национальные виды спорта, борьба, правила соревнований.

Для цитирования: Захаров А. А., Яковлев Я. И. Реконструкция правил традиционного вида борьбы Саха // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 129–137.

A. A. Zakharov, Y. I. Yakovlev
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: alalza@mail.ru

Reconstruction of the rules of the traditional wrestling of the Sakha

Abstract. The article attempts to reconstruct the ancient rules of the traditional type of wrestling of the Sakha people. The authors note that the active promotion and development of traditional games and competitions with the imposition of on official sports status leads to significant changes in the rules and canons embedded in the inner essence of traditional games and competitions. Consequently, any kind of physical activity, including ethnic types of competitions, games with the status of a «sports discipline», firstly, transcend national, ethnic boundaries, and secondly, «sports» are characterized by regular changes and updates to the rules of competitions, for the sake of various «good» goals, such as: «popularization», «injury reduction», etc. As historical experience shows, the unification of the Yakut traditional types of wrestling in the 20–30's of the last century, in particular the development of unified rules, contributed to the fact that in 1945 rules for two traditional Yakut types of wrestling were identified and formulated: kurdahan tustuu (belt wrestling) and hapsagay. However, the designation of two separate sports did not contribute to the development of both athletic discipline, and today, kurdahan tustuu (belt wrestling) is almost forgotten in our republic. Therefore, the authors argue that up to 20–30's of the 20th century, the Yakut traditional wrestling included elements of wrestling that allowed leg holds (syaliya) and belt holds.
Keywords: hapsagay, kurdahan tustuu, syaliya, ysyakh, belt wrestling, traditional sports, wrestling, competition rules.

For citation: Zakharov A. A., Yakovlev Y. I. Reconstruction of the rules of the traditional wrestling of the Sakha // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 129–137. (In Russ.)

Введение

Первые подлинно научные описания Якутского национального праздника Ысыах, основанные на личных наблюдениях, принадлежат выдающимся исследователям Сибири, участникам 2-й Камчатской экспедиции И. Г. Гмелину и Г. Ф. Миллеру. Именно Г. Ф. Миллеру, а также переводчику 2-й Камчатской экспедиции И. П. Яхонтову принадлежат первые описания якутских национальных физических игр и развлече-

ний, которые проводились во время праздника Ысыах [8, 9]. В те далекие времена правила и условия проведения традиционных народных игр и состязаний, без сомнения, значительно отличались от современных спортивных правил.

В настоящее время, когда некоторые национальные виды спорта активно пропагандируют и развивают за пределами их исторической родины, возникает угроза утраты этнической самобытности этих видов спорта. В этой связи, как было отмечено в наших ранних публикациях, возникает необходимость в осознании, изучении и обосновании генетических скреп народных спортивных традиций с историей народа и его культурой [2, 3].

В этой связи целью данной работы является попытка реконструировать старинные правила традиционного вида борьбы народа Саха.

Методы исследования

Анализ и обобщение научно-методической литературы и архивных материалов.

Результаты исследования

Анализ литературных и архивных источников выявил, что процесс унификации традиционных игр и видов состязаний народа Саха начался в 20-ые гг. прошлого столетия. Так, письменные описания якутских традиционных игр и физических упражнений, составленные И. Д. Балановым в 1926 г., позволили организовать массовые спортивные мероприятия по единым правилам. Первые официальные соревнования по якутским традиционным играм и забавам были проведены в 1927 г. Так, 10 апреля 1927 г. областной комитет партии принял постановление «О проведении летних праздников Ысыах». На Ысыахе надлежало широко организовать соревнования по традиционным играм и забавам [10].

Особо следует отметить то, что по описаниям 1926 г., традиционный вид борьбы тогда назывался просто «Якутская борьба» и в описании И. Д. Баланова написано: «Якутская борьба широко распространена среди якутского населения. По типу своему близко сходится с киргизской и вольно-американской. Два участника мужского пола берутся в охват передним поясом и стараются друг друга повалить на пол или на землю. Во время борьбы разрешаются перехваты, подножки, хватание за ноги. Побежденным считается противник, коснувшийся земли частью тела или рукой.

Правила борьбы: побежденным считается тот, кто коснулся земли или пола одной из частей своего тела или рук. Правила и приемы борьбы точно такие же, как и в киргизской борьбе, причем разрешается схватка за одну ногу» [5].

Позже, в 1932 г., были описаны и утверждены правила некоторых национальных видов спорта (составитель Н. Ф. Николаевич). По этим правилам были проведены Всеякутские спартакиады 1932, 1935, 1937 гг. В описании правил борьбы 1932 г. под заголовком «Якутская национальная борьба “хапсагай” (вольная борьба) написано:

«6. Хватание за одежду не допускается (бороться следует лучше всего голыми в трусиках).

7. Борьба, перешедшая в борьбу на поясах, дольше полминуты не допускается. Противники должны разойтись и начать снова» [6].

Следовательно, по этим правилам были внесены запреты на захваты за одежду и ограничения при борьбе захватом за пояс, также в правилах 1932 г. мы впервые встречаем термин «хапсагай» как название вида борьбы, однако почему-то в скобках дается название вида борьбы на русском языке как «вольная борьба».

Далее, уже в правилах по национальным видам спорта от 1945 г. (составители: Е. К. Суровецкий, Г. Р. Десяткин) традиционная якутская борьба уже была разделена на два отдельных вида: курдаһан тустуу (борьба на поясах) и хапсагай.

Необходимо особо отметить известный экспонат Британского музея – композицию «Ысыах», сделанную из бивня мамонта в середине XIX в. Композиция является одним из самых ранних изображений летнего праздника Ысыах, и в ней очень наглядно показан момент проведения состязаний по традиционной борьбе. В данной композиции поза, в которой зафиксированы фигуры борцов, а борцы стоят, схватившись за «сыалыйа» (штанина) противника, характерна для видов борьбы, где допускаются захваты за одежду (рис. 1). Сзади фигуры борцов стоят «секунданты» (арыалдьыт), которые держат в руках материал, которым укрывают борцов, когда их выводят на место для проведения борьбы.

Рис. 1. Композиция из бивня мамонта «Ысыах»

Pic. 1. Composition from mammoth tusk «Ysyakh»

Таким образом, проведенный обзор описаний якутской традиционной борьбы начала XX в. выявил, что современные правила борьбы хапсагай, по которым не допускаются захваты за одежду (спортивные шорты) и отсутствует в экипировке борца специальный пояс, существенно отличаются от вышеотмеченных описаний якутской традиционной борьбы. Как известно, активная пропаганда и развитие традиционных игр и состязаний с наложением спортивного статуса ведет к существенным изменениям правил и канонов, заложенных во внутреннюю сущность традиционных игр и состязаний [1, 2].

Следовательно, невозможно однозначно утверждать, как и по каким правилам проводились соревнования по борьбе и как в те далекие времена называлась традиционная якутская борьба, т. к. в этнографических источниках XVII–XIX вв. не встречаются названия традиционной якутской борьбы.

В этой связи историки отмечают: «Существенным фактом того, что в конце XIX в. традиционная якутская борьба не называлась «хапсагай» является то, что в фундаментальном словаре якутского языка, составленным этнографом и лингвистом Э. К. Пекарским, слово «хапсагай» переводится с якутского как «хваткий, ловкий, прыткий, проворный». При этом никакого указания на то, что этим словом именуют какой-либо вид борьбы или иной двигательной активности нет, и вплоть до XX в. «хапсагай» не обозначал борьбу, являясь лишь прилагательным» [4].

Следует отметить, что 28 июня 2022 г. в Атамайском наслеге Горного района Республики Саха (Якутия) впервые в XXI в. во время праздника «Ысыах» были проведены состязания по традиционной борьбе Саха по реконструированным старинным правилам (рис. 2). Основой при реконструкции старинных правил явились: социально-философский трактат П. А.Ойунского «Якутская сказка (Олонхо), ее сюжет и содержание» [7], а также наиболее раннее (середина XIX в.) произведение, где запечатлен момент состязаний по традиционной якутской борьбе – композиция из мамонтовой кости «Ысыах» (рис. 1).

На этом празднике, чтобы скрыть от «людских глаз», борцов тайком разместили за пределами праздничного места – «түһүлгэ». На первую схватку борцов выводили «секунданты», прикрыв их специально сшитыми покрывалами. Таким образом, ни зрители, ни сами участники состязаний не знали кто и с кем будет бороться. Перед схваткой борцы для усложнения захвата противника натирали тело топленым маслом – «кыыймыт арыы». Боролись в специальных кожаных штанинах – «сыалыйа», которые затягивали специальным поясом, сплетенным из

Рис. 2. Момент схватки по традиционной борьбе на празднике Ысыах (28.06.2022 г., Атамайский наслег)

Pic. 2. The capture of the match in traditional wrestling at the Ysyakh holiday (28.06.2022, Atamaysky nasleg)

конских волос – «кыл кур». Во время борьбы разрешалось выполнять захваты за сыалыйа и за пояс. За ходом борьбы следили «судьи» в национальных костюмах с атрибутами княжеской власти. Вел состязание и комментировал борьбу – «Сээркээн Сэһэн», облаченный также в якутскую национальную одежду. Согласно древним обычаям, победителю было преподнесено жеребячье стегно – «мүһэ» и чарка национального напитка – «чороонноох кымыс».

Заключение

Активная работа по унификации традиционных видов борьбы в 20–30 гг. прошлого века, в частности описание и утверждение единых правил для проведения состязаний, способствовали тому, что в 1945 г. были выделены и сформулированы правила проведения соревнований по двум якутским традиционным видам борьбы: курдаһан тустуу (борьба на поясах) и хапсагай. С другой стороны, процессы унификации и спортификации традиционных якутских видов борьбы являются основными причинами утраты самобытных местных вариантов и правил ведения борьбы, т. к. в разных районах, в различных группах населения, несомненно, были свои неписанные правила борьбы. Так, до 20–30 гг. прошлого века якутская традиционная борьба включала элементы борьбы, допускающие захваты за штанину (сыалыйа) и за пояс, а на

сегодня по современным правилам национальной борьбы Саха «хапсагай» не разрешаются захваты за одежду и в экипировке борцов отсутствует пояс, а курдаһан тустуу (борьба на поясах) практически утрачен.

В данном контексте, на наш взгляд, именно реконструкция старинных правил и организация состязаний, в том числе и по традиционному виду борьбы во время ритуальных этнических праздников по старинным канонам, может стать значимым условием для осознания генетических скреп народных спортивных традиций с историей народа и его культурой.

Литература

1. Барашков, И. И. Повышение эффективности и зрелищности борьбы хапсагай при корректировке правил в разные периоды становления и развития как вида спорта / И. И. Барашков, И. И. Друзьянов // Кочневские чтения-2020 : Материалы V Всероссийской научно-практической (очно-заочной) конференции, Якутск, 27 апреля 2020 года. – Якутск : Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2020. – С. 13–17.
2. Захаров, А. А. О путях сохранения этнической самобытности национальных видов спорта на современном этапе развития / А. А. Захаров // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – Санкт-Петербург : Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2013. – № 2 (96). – С. 66–69.
3. Захаров, А. А. Национальные виды спорта как форма традиционной культуры народа / А. А. Захаров // Теория и практика физической культуры. – Москва : Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры», 2014. – № 6. – С. 9.
4. К вопросу об истории якутской национальной борьбы «Хапсагай» / В. А. Прошкина, П. П. Хороших, Ю. Э. Гудков, А. А. Сергиевич // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 5. – С. 599–604.
5. Национальный архив РС (Я). Ф.50. Оп.1.Ед.хр.3909. Л.л. 15-16 с обеих сторон.
6. Национальный архив РС (Я). Ф.50.Оп.1.Ед.хр.3980. Л.2 с обеих сторон.
7. Ойунский, П. А. Якутская сказка (Олонхо), ее сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2013. – 96 с.
8. Шипилов, И. А. Переводчик Второй Камчатской экспедиции И. П. Яхонтов как исследователь Сибири / И. А. Шипилов // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письмен-

ности XVI–XXI вв. – Новосибирск : ООО Полиграфическая компания «Апостроф», 2017. – С. 291–300.
9. Элерт, А. Х. Якутский праздник Ысыах в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции / А. Х. Элерт // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. – Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2000. – С. 255–271.
10. Яковлев, Я. И. Хронология изучения национальных игр Саха с первой половины 18 века до 30-х годов 20 века / Я. И. Яковлев, М. И. Борохин, И. И. Друзьянов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – Санкт-Петербург : Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2019. – № 4 (170). – С. 383–388.

References

1. Barashkov, I. I. Improvement of the efficiency and entertainment appeal of hapsagay wrestling when adjusting the rules in different periods of formation and development as a sport / I. I. Barashkov, I. I. Druzhanov // Kochnev Readings-2020: Materials of the 5th All-Russian Scientific and Practical (on-site and remote) conference, Yakutsk, April 27, 2020. – Yakutsk : M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 2020. – P. 13–17.
2. Zakharov, A. A. On the ways of preserving the ethnic identity of national sports at the present stage of development / A. A. Zakharov // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgaft. – St. Petersburg : P. F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, 2013. – No. 2 (96). – P. 66–69.
3. Zakharov, A. A. National sports as a form of traditional culture of the people / A. A. Zakharov // Theory and practice of physical culture. – Moscow : Scientific Publishing Center «Theory and Practice of Physical Culture», 2014. – No. 6. – P. 9.
4. On the issue of the history of the Yakut national wrestling «Khapsagai» / V. A. Proshkina, P. P. Khoroshikh, Yu. E. Gudkov, A. A. Sergievich // Historical journal: scientific research. – 2016. – No. 5. – P. 599–604.
5. National archives of the RS (Y). F.50. Op.1. Item 3909. L.l. 15-16 on both sides.
6. National archives of the RS (Y). F.50.Op.1. Item 3980. L.2 on both sides.
7. Oyunsky, P. A. Yakut fairy tale (Olonkho), its plot and content. – Yakutsk : Saidam, 2013. – 96 p.
8. Shipilov, I. A. Translator of the Second Kamchatka expedition I. P. Yakhontov as a researcher of Siberia / I. A. Shipilov // Problems of preservation of

domestic intellectual culture in written monuments of the 16th–21st centuries. – Novosibirsk : LLC Printing company «Apostroph», 2017. – P. 291–300.
9. Elert, A. Kh. The Yakut holiday Ysyakh in the descriptions of the participants of the Second Kamchatka expedition / A. Kh. Elert // Sources on Russian history and literature: the Middle Ages and Modern times. – Novosibirsk : Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. – P. 255–271.
10. Yakovlev, Ya. I. Chronology of the study of the national games of Sakha from the first half of the 18th century to the 30s of the 20th century / Ya. I. Yakovlev, M. I. Borokhin, I. I. Druzhanov // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgaft. – St. Petersburg : P. F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, 2019. – No. 4 (170). – P. 383–388.

Сведения об авторах

ЗАХАРОВ Александр Александрович – к. пед. н., доцент кафедры физического воспитания Института физической культуры и спорта, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: alalza@mail.ru

ZAKHAROV, *Alexander Alexandrovich* – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Institute of Physical Culture and Sports, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

ЯКОВЛЕВ Яков Ильич – старший преподаватель кафедры физического воспитания Института физической культуры и спорта, СВФУ им. М.К. Аммосова

YAKOVLEV, *Yakov Ilyich* – Senior Lecturer of the Department of Physical Education, Institute of Physical Culture and Sports, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Научное издание

АРКТИКА XXI ВЕК

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Научный журнал
3 (29) 2022

Редакторы:
В. Н. Иванов, А. А. Сизых
Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Печатается в авторской редакции

Печать цифровая. Подписано в печать 21.09.2022.
Формат 70x100/16. Печ. л. 11,21. Уч.-изд. л. 11,46. Тираж 25 экз. Заказ № 171.
Дата выхода в свет 30.09.2022
Цена свободная.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций